

Уральский
федеральный
университет

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

Уральский гуманитарный
институт

Т. А. СНИГИРЕВА
А. В. ПОДЧИНЕНОВ

ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА

Учебное пособие

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов

ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА

Учебное пособие

Рекомендовано
методическим советом Уральского федерального университета
в качестве учебного пособия для студентов вуза,
обучающихся по направлениям подготовки
45.04.01 «Филология», 42.04.02 «Журналистика»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2018

УДК 050(075.8)
ББК Ч612.3я73-1
С535

Рецензенты:

кафедра русского языка и литературы
Южно-Уральского государственного университета
(заведующий кафедрой доктор филологических наук,
профессор *Е. В. Пономарева*);

И. А. Спиридонова, профессор кафедры классической филологии,
русской литературы и журналистики
(Петрозаводский государственный университет)

Снигирева, Т. А.

С535 Феномен российского литературно-художественного журнала :
учеб. пособие / Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов ; М-во науки
и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екате-
ринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 143 с.

ISBN 978-5-7996-2460-6

В учебном пособии по одноименному спецкурсу раскрыты сущностные черты российского «толстого» журнала и его роль в отечественном историко-литературном процессе XIX — начала XXI в.; показана специфика журналов различного профиля, подчеркивается их национальная уникальность; формируется представление о журнале как целостном тексте и сверхтексте; дается анализ стратегии и тактики литературно-художественных журналов в разных исторических условиях.

Для филологов и журналистов — слушателей магистратуры.

УДК 050 (075.8)
ББК Ч612.3я73-1

Предисловие

Учебное пособие подготовлено по спецкурсу «Феномен литературно-художественного журнала в России», читаемому для магистрантов филологов и журналистов.

Научный контент и структура спецкурса обусловлены стремлением дать пример комплексного изучения «толстого» журнала в России как уникального явления национальной культуры. Основой методологии становится междисциплинарный (литературоведческий, социологический, журналистский, культурологический) подход к историко-литературному явлению. Методические инновации инспирированы не столько формой подачи учебного материала (она традиционна — академическая лекция), сколько способами ее проведения: лекция-монолог, лекция-диалог, лекция, в ходе которой создаются экспериментальные, провокативные, игровые ситуации, призванные активизировать креативную деятельность магистрантов.

Спецкурс призван сформировать у магистрантов максимально объективное представление о существенных чертах русского «толстого» журнала, его истории, типологии, а также о месте и роли литературного журнала в современном обществе. Спецкурс ставит перед магистрантами комплекс задач: ознакомление с ведущими российскими литературно-художественными журналами XIX — XX веков; постижение принципиальной национальной уникальности изучаемого явления; выработка понимания

специфики журналов различного формата; формирование представления о журнале как о тексте и сверткесте; выработка навыков анализа современного журнала любого формата.

Материалы учебного пособия можно использовать при изучении истории русской журналистики и истории русской литературы для освещения эпизодов журнальной литературно-критической полемики.

Два раздела учебного пособия подготовлены при участии магистрантов, прослушавших спецкурс «Феномен литературно-художественного журнала в России».

В подготовке раздела «Военные мемуары в “Новом мире” А. Твардовского» приняла участие М. Михайлова, магистрант 2011–2012 годов, в 2016 году успешно защитившая кандидатскую диссертацию на тему «Мемуарная литература на страницах “Нового мира” эпохи А. Твардовского».

Раздел «Журнал “Урал” начала XXI века» подготовлен при участии Е. Гарник, магистранта 2008–2009 годов, которая в 2008 году успешно защитила магистерскую диссертационную работу на тему «Журнал “Урал” рубежа XX–XXI веков: редакционная стратегия и художественная практика».

Глава 1

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ КАК ЯВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

1.1. Судьба «толстого» журнала в России

Если принять за аксиому то, что «поэт в России — больше, чем поэт», то и журнал в России больше, чем журнал, что пронизательно заметили П. Вайль и А. Генис: «От Сенковского до Твардовского журнал в России — вид литературного салона, может быть даже — особая партия. Российский журнализм вовсе не намерен информировать читателя. Журналы нужны, чтобы обсуждать уже известное. Попросту — они создают приятное общество, в котором протекает общение читателей и писателей»¹. Думается, все же скорее «партия», нежели «салон», и не «приятное общество», а поле высокого напряжения. Есть три ключевых слова, определяющих жизнь «толстого» журнала в России: *направление, борьба, компромисс*. И только одно и неперемное, связанное с его судьбой, — *гибель*.

Одномоментно приходя к читающей России, «толстый» журнал ввергал ее в разговор всегда увлекательный и всегда драматичный, в котором сталкивались и разные литературные вкусы, и даже — разные жизненные позиции. История русского «толстого» журнала — история двухсот лет его существования. Возникновение этого

¹ Вайль П., Генис А. Родная речь : Уроки изящной словесности. М., 2008. С. 90.

явления русской культуры связывают с серединой XVIII века, когда Елизавета в качестве одного из прав дворян допустила создание ими частных журналов. Чуть позже наметился раскол, столь характерный для журнальной жизни в России: Екатерина II стала издавать журнал «Всякая всячина», в котором предпринималась попытка переключения общественного недовольства правительственной политикой на общие людские пороки, а Н. И. Новиков открыл журналы «Трутенъ» и «Живописец», прямо полемизирующие с правительственной журналистикой. В этом противостоянии — официальный журнал и журнал оппозиционный, выражающий взгляды «передовой части общества» (характерно восклицание одного из российских монархов: «Особенно нехороши журналы!»), — и определялись специфические черты русского «толстого» журнала. Поэтому, при всем богатстве и разнообразии журнальной жизни в России, можно выделить типологические признаки, которые определили лицо «толстого» отечественного журнала, не имеющего аналога в иных национальных культурах. Назовем эти признаки.

«Толстый» журнал в России есть собиратель, организатор нового литературного поколения. Так, исследователи истории русской литературы XIX века правомерно связывают «Отечественные записки» с формированием «натуральной школы» 1840-х годов. Применительно к веку XX можно со всей уверенностью говорить о «Новом мире» как об организаторе литературы «оттепели» (1960-е годы).

Российский «толстый» журнал должен иметь свое направление. Об этом как непременном атрибуте настоящего журнала писал еще В. Белинский: «Журнал должен иметь прежде всего физиономию, характер: альманачная безличность для него всего хуже. Физиономия и характер журнала состоят в его направлении, его мнении, его господствующем учении, которого он должен быть органом»². Направление складывается из системы принципов отбора материалов для публикации в журнале, принципов, вырабатываемых редколлегией и всегда подкрепленных авторитетом главного редактора. Исторически сложилось так, что главный редактор «толстого» журнала в России должен был обладать по крайней мере двумя ка-

² Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 253.

чествами. Во-первых, это обязательно художник, в какой-то степени определяющий литературный лик эпохи. Во-вторых, это должна быть непременно общественно авторитетная личность, которой бы верил читатель. Отсюда и возникновение в истории отечественной словесности таких явлений, как пушкинский «Современник», гребенковский «Колокол», «Современник», «Отечественные записки» периода Некрасова, Салтыкова-Щедрина, «Новый мир» времен Твардовского.

«Толстый» российский журнал должен точно соответствовать своей двусоставной структуре: он и литературно-художественный, и общественно-политический журнал. А. Твардовский в программной для «Нового мира» статье «По случаю юбилея», ссылаясь на опыт «Современника» и «Отечественных записок», писал по этому поводу так: «Есть особая действенная сила в совокупности журнального материала. В журнале происходит живое и столь выгодное сближение и взаимодействие художественной прозы, стиха, литературно-критической и публицистической статьи и т. д.»³.

Главным героем российского «толстого» журнала является читатель. Читательские письма, читательский отклик, особая популярность журнала у читающей России — все это являлось для журнала знаком того, что он выполняет главную гражданскую миссию: способствует раскрепощению общественного сознания.

Литературная критика — душа «толстого» журнала в России. Именно в соотнесенности с основными направлениями отечественной журналистики формировались задачи и роль литературной критики как важнейшего элемента литературной ситуации и литературного процесса: целенаправленное воспитание художественного вкуса читателя; совершенствование художественного мастерства писателя путем тактичного и вместе с тем решительного выявления как достоинств, так и недостатков его творений; анализ и оценка современного критике литературного процесса.

Отечественная гуманитарная мысль не могла пройти мимо столь яркого явления русской культуры, как «толстый» (то есть, по сути, энциклопедический) журнал, и выработала несколько подходов его

³ Новый мир. 1965. № 1. С. 5.

исследования: журналистский, культурологический, социологический, литературоведческий.

В центре внимания *журналистского подхода* к «толстому» журналу, то есть подхода с точки зрения истории российской журналистики, — соотнесенность идеологического направления журнала с общественной борьбой его времени, анализ специфики отражения периодическим изданием основных событий эпохи⁴.

Культурологический подход к журналу предполагает исследование такой важной проблемы, как «журнал и самосознание нации». Так, В. Я. Лакшин напрямую противопоставляет русские газеты, обычно служившие «рупором правительства», и журналы, которые говорили «неформальным голосом общества, несли в художественной и публицистической форме большой объем неофициальной информации»⁵. Более того, историк литературы и ближайший сподвижник А. Твардовского по «Новому миру», прекрасно знающий особенности воздействия «толстого» журнала на читающую Россию, выдвигает научно плодотворную гипотезу: «Можно сказать даже, что такое уникальное социально-нравственное образование, как российская интеллигенция со всеми ее достоинствами и недостатками, есть прямой плод деятельности русской литературы и журналистики, прежде всего “толстых” журналов»⁶.

Социологический подход, который стал активно применяться в последние десятилетия в связи с появлением обширного рынка журналов различного формата, установлением сложных отношений государственного и коммерческого характера, исследует жизнеспособность журнала в новых общественно-экономических условиях.

Анализ соотнесенности журнальной периодики с литературным процессом — важнейший аспект *литературоведческого подхода*. По мнению В. И. Кулешова, литературоведческий подход к журна-

⁴ См., напр.: Берков П. Н. История русской журналистики 18 в. М., 1952; История русской журналистики 18–19 вв. / под ред. А. В. Западова. М., 1963; Очерки по истории русской журналистики и критики. М., 1950–1966. Т. 1–2; Очерки истории русской советской журналистики, 1917–1932. М., 1966.

⁵ Лакшин В. Я. Феномен «толстого» журнала в России как явление национальной культуры // Берега культуры. М., 1994. С. 107.

⁶ Там же.

лу дает двойной эффект. Во-первых, представляет литературную эпоху через журнал, позволяет дойти до ее «сокровенных биений» (Белинский). «Изучая историю “Отечественных записок”, — пишет исследователь, — мы обозреваем ход вещей, который привел к организации реалистического направления, проникаем в своеобразие его внутренних этапов, в сложное взаимодействие писателей с журналом как творчеством коллектива, как органом направления»⁷. Во-вторых, «жанр литературоведческого исследования журнала — “законный” жанр, поскольку он позволяет наиболее конкретно-исторически подойти к изучению литературного процесса, и прежде всего со стороны его организационных форм, идейных взаимосвязей, программной направленности»⁸. Добавим, что в 1960–1980-е годы литературоведческий подход к журналу дал убедительные результаты в исследовании движения отечественной эстетической мысли⁹.

Представленные аспекты изучения российской журналистики имеют единый исследовательский сюжет «журнал и...»: «журнал и идеологическая борьба», «журнал и общественно-литературная эпоха», «журнал и формирование литературы нового направления», «журнал и эстетические концепции». Между тем феноменальность российского «толстого» журнала заключается и в его своеобразной художественной самодостаточности, формально-содержательной целостности.

1.2. Журнал как текст

Ю. Н. Тынянов, сравнивая литературный журнал 1820-х годов с литературным журналом 1920-х, писал: «Русский журнал пережил с тех пор много фаз развития — вплоть до полного омертвления жур-

⁷ Кулешов В. И. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М., 1959. С. 5.

⁸ Там же. С. 353.

⁹ См.: Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX века. М., 1975; Кулешов В. И. История русской критики 18–19 вв. М., 1978; Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века (1890–1904). М., 1981.

нала как самостоятельного *литературного* явления. Сейчас “журнал”, “альманах”, “сборник” — все равно; они различны только по направлениям и по ценам. (И по материалу). Но ведь это не все — сама конструкция журнала ведь имеет свое значение; ведь весь журнальный материал может быть хорош, а сам журнал как таковой плох. А ведь то, что делает журнал нужным, — это его *литературная* потребность, заинтересованность читателя журналом как журналом, как литературным произведением особого рода. Если такой заинтересованности нет, рациональнее поэтам и прозаикам выпускать свои сборники...»¹⁰

Итак, журнал журналу — рознь. Он может быть одной, и не самой удачной, формой издания разнообразных произведений, но может быть и «литературным произведением особого рода», что делает его своеобразной единицей литературного процесса, поскольку литературный процесс в каждый исторический момент включает в себя как сами художественные тексты, так и формы их общественного бытования. Одновременно журнальная книжка представляет собой самостоятельную художественную ценность как целостный и завершенный текст. Один из первых опытов анализа периодического издания как целостного текста представлен в главе «Один номер “Колокола”» в книге Н. Я. Эйдельмана «Герценовский “Колокол”»¹¹.

Историк представляет номер, что называется, «от корки до корки» (так же, как российский читатель раньше прочитывал журнал, к которому был привязан, как книгу, из которой главы не выкинешь): от титульного листа до последней страницы, от поэтики названия до особенностей шрифта, от структуры до объявленной цены, от содержания именно этого, 64-го, номера от 1 марта 1860 года до соотнесенности его с другими номерами и — шире — с основной направленностью журналистской деятельности Герцена и Огарева. Сами приемы интерпретации свидетельствуют о том, что Н. Я. Эйдельман рассматривает «Колокол» как текст, обладающий формально-смысловым единством, в котором важен каждый элемент. Например, «замедленное» прочтение названия: «“Колокол” — читаем мы про-

¹⁰ Тынянов Ю. Н. Журнал, критик, читатель и писатель // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 147.

¹¹ См.: Эйдельман Н. Я. Герценовский «Колокол». М., 1963.

славленный заголовок. А чуть выше мелкими буквами The bell: английские буквы и — клеймо изгнания. По легенде, когда Новгород был покорен Москвой, вечевой колокол — символ древней свободы — был отправлен в столицу, но на одном из валдайских ухабов “спрыгнул” с телеги и разбился на тысячи маленьких “валдайских колокольцев”. С тех пор они сопровождают путь каждого ямщика и разносят по всей Руси память о старинных вольностях. <...> В названии герценовского журнала — и отзвуки революционного набата, и шиллеровская “Песнь о колоколе”: “Свободны колокола звуки...” Гремящее заглавие с первого номера стало полноправным участником сражений, почетной фигурой в острогах и ударах»¹².

Целостность, смысловое единство каждой журнальной книжки предопределены направлением журнала, его этико-эстетической стратегией. При этом редакция вновь открывающегося русского журнала, как правило (и в этом сказывалась просветительская традиция XVIII века), считала своим неперменным долгом «уяснение духа и направления»¹³. Объявляя о подписке на журнал «Время» на 1861 год, Ф. М. Достоевский первым делом формулирует свое понимание настоящего момента жизни, суть которого в «слитии образованности и ее представителей с началом народным»¹⁴. Далее писатель так развивает свою мысль: «Мы убедились, наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал. <...> Характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности»¹⁵.

Очертив основную идею журнала, Достоевский акцентировал, что особенное внимание будет обращено на отдел критики: «Крити-

¹² Эйдельман Н. Я. Герценовский «Колокол». С. 19.

¹³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 35.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 36–37.

ка пошлеет и мельчает. В иных изданиях совершенно обходят иных писателей, боясь проговориться о них. Спорят для верха в споре, а не для истины»¹⁶. Новый литературный орган должен быть независимым, не подначальным литературным авторитетам и предводителям, объединив честные литературные силы. В этом редакция «Времени» видела *другую* причину основания журнала. Наконец, программа журнала, включавшая шесть разделов (литературный, критический, внутренних новостей, политический, научно-популярный и «смесь»), традиционно соответствовала двусоставной структуре российского «толстого» журнала: литературно-художественный и общественно-политический.

Отсюда вытекают непосредственные задачи и тактика нового издания — честное и справедливое следование Истине, Добру и Красоте, которые получили свою дальнейшую нравственно-эстетическую категориальную разработку в литературно-критических статьях журнала, и в первую очередь в статьях его духовного вождя Ф. М. Достоевского. Истина, Добро и Красота — три ипостаси Идеала, определяющие как смысл человеческого существования, так и сущность литературного творчества. «Потребность красоты и творчества, воплощающего ее, — развивает свою мысль Достоевский в статье «Г-н -бов и вопрос об искусстве», — неразлучна с человеком, и без нее человек, может быть, не захотел бы жить на свете. Человек жаждет ее, находит и принимает красоту *без всяких условий*, а так, потому только, что она красота. <...> И потому красота присуща всему здоровому, то есть наиболее живущему, и есть необходимая потребность организма человеческого. Она есть гармония; в ней залог успокоения; она воплощает человеку и человечеству его идеалы»¹⁷. Здоровье же человека, по Достоевскому, понятие религиозно-этическое, потому одна из важнейших задач искусства характеризуется «мыслью христианской и высоконравственной», формула которой — «восстановление погибшего человека»¹⁸, воз-

¹⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 18. С. 38.

¹⁷ Там же. С. 94.

¹⁸ Там же. Т. 20. С. 28.

вращение человека к своей духовной природе. Истина — это и есть воплощение человеческой потребности Добра и Красоты.

Спустя столетие «Новый мир» в классический период своего существования (1958–1970) определил эстетическую — реализм — и этическую меру вещей, ориентируясь на то же самое, выработанное духовным опытом человечества единство Истины, Добра, Красоты, которое и стало критерием отбора и оценки всех материалов для публикации. Философские категории в переводе на журнальный, критический, историко-литературный язык звучат весьма обыденно, но благодаря «Новому миру» они стали ключевыми словами литературной и общественной жизни периода «оттепели»: *правда жизни, позиция автора, качество литературы*. Нередко они становились ключевыми словами и отдельной книжки журнала. Так, категория правды становится связующим звеном всех материалов, составляющих последнюю подписанную в печать А. Твардовским в качестве главного редактора книжку «Нового мира»¹⁹. Номер открывается официальной статьей академика А. М. Румянцева «В. И. Ленин — ученый, революционер и государственный деятель». Причины публикации ее очевидны: подцензурный журнал не мог не участвовать в начавшейся пропагандистской кампании, связанной с юбилейной датой — столетием со дня рождения В. И. Ленина. При всей официальности статьи она не официозна и вполне сообразуется с идеологической установкой новомировцев, с их мечтой о «социализме с человеческим лицом». В ней открыто говорится о высокой зависимости российского литератора (автор подробно останавливается на причинах, которые побудили Ленина в анкете, в графе «профессия», написать «литератор») от правды жизни: «Сила слова есть функция, производная от его правды и исти, его соответствия реальному историческому движению своего народа и всего человечества...»²⁰

Новомировцы всегда пытались так скомпоновать журнальную книжку, чтобы в ней был кульминационный центр. Чаще всего это было прозаическое произведение (А. Солженицын, Ф. Абрамов,

¹⁹ См.: Новый мир. 1970. №. 1.

²⁰ Там же. С. 19.

С. Залыгин, Г. Владимов, В. Шукшин, В. Белов, В. Быков, Ч. Айтматов), реже — публицистическая или литературно-критическая статья (В. Лакшин, А. Синявский, Ю. Буртин, И. Виноградов, Ф. Светов, Ю. Черниченко). В последнем номере «Нового мира», после которого журнал в качестве лидера «оттепели» фактически перестал существовать, таким кульминационным центром, безусловно, стала повесть Ч. Айтматова «Белый пароход». Айтматов чувствовал себя новомировским автором, приносил в журнал все свои произведения 1960-х годов, после разгрома журнала демонстративно в нем не печатался, как и Ю. Трифонов, В. Лакшин, он ушел в журнал «Дружба народов». Повесть «Белый пароход» как произведение, значительно поднявшее планку правды о судьбе человека в двадцатом столетии, не нуждается в дополнительной аттестации. В связи с журнальной судьбой заметим, что «Новый мир» сумел сохранить авторский финал. В отдельном издании Айтматову пришлось пойти на уступки, на автоцензуру, значительно смягчив трагический финал повести.

«Новый мир» избегал публикаций переводной литературы, но в анализируемом номере российскому читателю предоставляется возможность знакомства с романом Франсуа Мориака «Подросток былых времен». Все публикации зарубежной литературы, будь то «Золотые плоды» Н. Саррот или «Бойня № 5» К. Воннегута, сопровождаются редакционными предисловиями, которые чаще всего писали В. Лакшин, Л. Копелев или Р. Орлова. В редакционных предисловиях, кроме характеристики творчества, всегда присутствует мысль о причинах публикации именно этого произведения в «Новом мире». Так и в случае с романом французского писателя вновь главной причиной публикации романа ставновится реалистическая манера Ф. Мариака, который, по мнению редколлегии, и «поныне остается хранителем и продолжателем большой реалистической традиции»²¹. Именно «стремлением найти правду» ценно для новомировцев творчество писателя.

Как было сказано выше, «толстому» журналу в России было важно, чтобы читалась не только первая, беллетристическая часть,

²¹ Новый мир. 1970. № 1. С. 105.

но и вторая, посвященная проблемам общественной и литературной жизни страны. Опубликованные в первой книжке «Нового мира» за 1970 год воспоминания Г. Софронова «Незабываемые дни» прямо соотносимы с важнейшим принципом журнала: документ враждебен стереотипам, факт разрушает легенды. Широко публикуя документальную литературу, мемуары, письма, архивные материалы, «Новый мир» постоянно обращает внимание читателей на это направление литературного процесса, подчеркивая тем самым такую его роль, как пробуждение в общественном сознании импульса к самостоятельному мышлению и самостоятельным выводам путем сопоставления факта и легенды. Публикация генерал-лейтенанта Г. Софронова, посвященная его восприятию революции, не противоречит основному направлению журнала, редакцию которого эти незамысловатые страницы не могли не подкупить своей субъективной правдивостью, безыскусственностью тона повествования и — главное — установкой на факт, свойственной человеку, который был свидетелем и прямым участником истории.

В разделе «Литературная критика» помещена большая статья И. Борисовой «Вступление (о творчестве Виктора Астафьева)». Этот материал — образец «реальной критики», культивируемой на страницах «Нового мира». На материале анализа первых, ныне почти забытых произведений Астафьева (например, романа «Тают снега»), а также произведений 1960-х годов («Стародуб», «Кража», «Где-то гремит война») автор большой критической статьи убедительно показывает, как шел писатель от принятых стереотипов, штампов в изображении действительности к своей выношенной и выстраданной правде «живой жизни»: «Сколько нужно времени, сил, какого напряжения инстинкт свободы и истины должен быть заложен в писателе, чтобы рискнуть довериться собственному слуху и собственному зрению, довериться, не устранившись в то же время от всех влияний своего времени? Не оглушаясь ими, не зачаровываясь и не презируя их?»²² Анализ повести «Кража» — центральный фрагмент статьи, и он в сознании читателя этой книги не может не сопрягаться с только что прочитанным «Белым пароходом».

²² Новый мир. 1970. №. 1. С. 224.

Феномен сиротства, безотцовщины как прямого следствия катастроф российской истории XX века был в центре внимания многих писателей «оттепели» — от Ч. Айтматова до Ю. Трифонова, от А. Твардовского до Ф. Искандера.

«Книжное обозрение» — раздел, обычно завершающий журнальную книжку. В «Новом мире» ему отводилось большое количество страниц (в нашем случае — 50), при этом здесь не было ни случайных рецензентов, ни случайных рецензируемых авторов. Каждый подраздел этой рубрики имеет свой смысловой центр. В рассматриваемом номере, в подразделе «Литература и наука», это рецензия А. Лебедева на книгу Ю. Манна «Русская философская эстетика (1820–1830-е годы)» (М., 1969), в подразделе «Политика и наука» — рецензия Л. Лазарева на книгу Ф. Вигдоровой «Кем вы ему приходитесь?» (М., 1969).

В первом случае категория правды соотносится с методом филологической науки: «Кажется, что автору просто “пришло в голову” присмотреться попристальнее к некоторым из устоявшихся историко-литературных концепций и — не поленившись! — сопоставить их с действительными историко-литературными фактами»²³, единственное, что и дает возможность исследователю духовной жизни России прикоснуться к ходу истории.

Во втором случае категория правды связана с типом творческого поведения, который должен быть нормой, а не исключением для российского литератора: «Ф. Вигдорова твердо и беззаветно отстаивала правду и справедливость, смело и бескомпромиссно выступала против шаблона и рутины, бездушия и самоуправства, а это противники, которые и сегодня не сложили оружия»²⁴.

Думается, приведено достаточно доказательств того, что этико-эстетическая категория правды пронизывает и скрепляет в особую целостность журнальную книжку «Нового мира».

²³ Новый мир. 1970. № 1. С. 212.

²⁴ Там же. С. 269.

1.3. Журнал как свертхтекст

Но возможен и иной уровень исследования феномена российского «толстого» журнала, связанный с анализом его функционирования во времени, с рассмотрением журнальной периодики как свертхтекста.

Современная лингвистическая наука, определяя свертхтекст как «совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального / аномального»²⁵, предлагает попытку его типологизации: «Свертхтекст есть тематическая и модальная целостность, он может быть открытым и закрытым образованием; особенность свертхтекста определяется характером коммуникативной рамки (авторский / неавторский свертхтекст-адресат). Свертхтекст также может быть классифицирован с точки зрения его структурной определенности»²⁶. Имея в виду специфику журнального материала, можно приложить концепцию свертхтекста и к периодическим изданиям.

«Толстый» журнал, безусловно, *целостное образование*. Например, «почвенническая» идеология Достоевского предопределила ближайший круг сотрудников его журналов, которые, естественно, были его единомышленниками: Ап. Григорьев, Н. Н. Страхов, Я. П. Полонский, А. У. Порецкий. С другой стороны, тенденциозность редактора накладывала отпечаток не только на содержание литературной критики и статей о внешней и внутренней политике, но и на характер художественной беллетристики. Не только в «вершинных» произведениях русской литературы, впервые опубликованных «Временем» и «Эпохой» (повести и романы Достоевского, «Призраки» И. С. Тургенева, «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова), но и в произведениях остальных, менее известных

²⁵ Купина Н. А., Битенская Г. В. Свертхтекст и его разновидности // Человек — текст — культура. Екатеринбург, 1994. С. 215.

²⁶ Там же.

писателей можно отметить общие и для других разделов журналов темы и проблемы: крестьянская реформа и ее последствия, капиталистическое развитие России, проблемы народного образования и демократизация культуры, нравственное состояние современного общества, вопросы женской эмансипации, условия и предпосылки духовного оздоровления русского народа — вот далеко не полный перечень основных составляющих «русской идеи» Достоевского.

Тематическая целостность «Нового мира» определена стремлением главного редактора и редколлегии представить на страницах журнала жизнь нации в условиях нового мироустройства; модальная целостность — оценкой этического, эстетического, художественного содержания эпохи социализма с позиции устойчивого, непреходящего идеала единства Истины, Добра, Красоты.

«Толстый» журнал в России одновременно может быть *открытым* и *закрытым сверхтекстом*. Это открытый сверхтекст во время его функционирования. Читатель ждет следующую книгу журнала по двум причинам: «продолжение следует» и следует продолжение давно начатого диалога журнала и читателя по важнейшим проблемам современной ему жизни. Журнал может быть и закрытым сверхтекстом. Журнал становится в восприятии общественности закрытым сверхтекстом, когда его запрещает власть или когда происходит смена главного редактора.

Деление на закрытые и открытые сверхтексты осуществляется на базе категории законченности. Применительно к журналу эта категория всегда соотносится с именем главного редактора журнала. Но здесь возможны различные варианты. Журналы «Время» и «Эпоха», несмотря на разные названия и то, что официальным редактором числился старший брат великого писателя Михаил, были, по сути дела, одним журналом, журналом Достоевского. С другой стороны, история некрасовского «Современника» (1847–1866) говорит об обратном. Редакторство Некрасова, чьи произведения, опубликованные в журнале, хотя и определили его общее прогрессивно-демократическое направление, не смогли уберечь «Современник» от существенных изменений его литературно-эстетического и общественного облика. В 1847–1848 годах (при жизни В. Г. Белинского) «Современник» пропагандирует социальный реализм нату-

ральной школы, в 1848–1855 годах, не изменяя в целом «гоголевскому направлению», активно развивает идеи «эстетической критики», а в середине 1850-х годов журнал становится оплотом «утилитарной» эстетики революционных демократов, после разгрома которых, в последние годы своего существования, утрачивает достойный его уровень художественной критики, ударившись в во многом бессмысленную полемику. Наконец, «Новый мир» времен Твардовского и периода Косолапова или Наровчатова — это разные журналы, вернее, во втором случае это уже и не журнал, а просто издательский орган, в котором можно прочесть «Алмазный мой венец» В. Катаева, романы М. Слущиса, а также «романы» Л. И. Брежнева и с которым вследствие этого нельзя вести постоянный диалог.

Вопрос о *характере коммуникативной рамки*, а именно вопрос о том, является ли «толстый» российский журнал не авторским свертхтекстом, то есть свертхтекстом с собирательным характеризованным образом автора, — вопрос сколь сложный, столь и интересный. С одной стороны, вокруг журнала, имеющего свое направление, всегда собирается группа единомышленников: редактор, редколлегия, постоянные авторы, определенный состав критиков и т. д. Не случайно в общественно-литературном сознании периода «оттепели» возникают такие понятия, как «новомировцы», «новомировская критика», «новомировские авторы», «“Новый мир” Твардовского».

С другой стороны, нет смысла идеализировать отношения российского журнала с писателями. Открывая новые, порой блистательные имена, журнал обычно становится ревнивым к своим авторам, пытается придать отношениям со своим автором характер патронирования, что чаще всего, если речь идет о большом мастере, который по сути своей не может ограничиться рамками магистральной тенденции журнала, завершается разрывом. Так произошло с Н. А. Некрасовым и Л. Н. Толстым в XIX веке, с А. Т. Твардовским и А. И. Солженицыным в веке XX.

С большой определенностью можно говорить об *адресате* российского «толстого» журнала. В данном случае журнал будет выступать как свертхтекст, ориентированный на конкретный характеризованный тип адресата. Поиск и обретение именно такого типа

адресата — основа существования российского «толстого» журнала, и его адресат — читающая интеллигентная Россия.

«Толстый» журнал всегда *структурно определен*. Это обусловлено уже его подзаголовком: общественно-политический и литературно-художественный журнал. Так, В. Лакшин, напрямую связывая проблему двусоставного единства российского журнала с отечественной традицией, пишет об этой его характерологической черте как о своеобразном импульсе, во многом породившем и своего читателя: «Постоянный читатель журнала, подписчик был фигурой совсем иной, чем прежний случайный читатель книг. Открывая каждый месяц *свой журнал*, он получал возможность следить за движением литературы, его начинала интересовать не одна беллетристика, но и научные статьи, и критика — словом, духовная жизнь общества в целом»²⁷. Очевидно, что настойчивое акцентирование структурно-смыслового единства литературных и политико-публицистических страниц «толстого» журнала обусловлено его стремлением объединить под своим знаменем и новое поколение писателей, и новое поколение читателей, влиять не только на литературную, но и на общественную жизнь страны.

Необходимо помнить, что, кроме двусоставного единства, каждая книжка журнала имеет однотипную структуру: «Проза», «Поэзия», «Литературная критика», «Мемуары», «Дневник писателя», «Коротко о книгах», «Без комментариев» и т. д. Конечно, вторая часть журнала может варьироваться, но общий набор рубрик один и тот же. Тип структурирования порой определяет лицо журнала, его направленность. Интересные результаты дает сопоставительный анализ структуры «Нового мира» под редакторством А. Твардовского в 1950–1954 годах и К. Симонова в 1954–1958 годах. Журнал Твардовского (речь идет о редакторстве «первого захода») и журнал Симонова — два типа «толстого» журнала в России, по сути делающих одно и то же дело — собирающих лучшие литературные силы своего времени, но использующих при этом разные формы и способы ведения и организации журнала. Причем приверженность к разным стилям — академическому и журналистскому —

²⁷ Лакшин В. Писатель, читатель, критик. Ст. 1 // Новый мир. 1965. № 4. С. 223.

определяется не столько временем (до и после известных событий середины 1950-х годов), сколько разными творческими типами поведения главных редакторов и, как следствие, различным комплексом эстетических пристрастий и антипатий, разными «командами» редколлегий и несколько различным типом структурирования, что с неизбежностью сказывается на лице журнала.

К. Симонов сделал «Новый мир» менее строгим, менее основательным, но более доступным, броским. Он раздробил рубрики, увеличив их количество вдвое по сравнению с тем, что было у Твардовского: 1. Романы, повести, рассказы, драматургия, кинокомедии, киносценарии (последние два жанра у Твардовского отсутствовали). 2. Поэмы и стихи. 3. Новые переводы. 4. Очерки наших дней. 5. Очерки памятных дней (нет у Твардовского). 6. Иностранная новелла (нет у Твардовского). 7. На зарубежные темы. 8. Отклики и комментарии (нет у Твардовского в 50-х годах, но появляются в 60-е). 9. Публицистика. 10. Проблемы науки и техники (у Твардовского не было отдельной рубрики, но эта тема была частью рубрики «Публицистика»). 11. Дневник писателя. 12. Из писательского архива (нет у Твардовского; опубликованы «Из переписки И. Бунина», переписка М. Горького с М. Кольцовым). 13. Дневник искусств (нет у Твардовского). 14. Дневники. Воспоминания. Документы. 15. Письма из редакции (нет у Твардовского). 16. Литературная критика. 17. Трибуна писателя. 18. Трибуна читателя. 19. Книжно-журнальное обозрение. 20. Реплики (нет у Твардовского). 21. Между прочим... (равно «Уголку юмора», что немислимо было у Твардовского).

В ведении журнала Симоновым чувствуется его богатый опыт оперативного журналиста, сильная «журналистская рука». Он стремится сделать журнал ярким не только по сути, но и по форме. Например, к 40-летию Октября появляется публикация под броским названием «Сорок Октябрей — сорок стихотворений». К. Симонов идет на открытый диалог с читателем не только посредством самих публикаций, но и более часто, чем это было у Твардовского, через рубрики «От редакции», «Письма из редакции». В симоновском журнале были бы уместны и иллюстрации, и цветная обложка.

Повторим, между журналом Твардовского первой половины 50-х годов и журналом Симонова второй половины 50-х нет прин-

ципиальной разницы, непроходимой пропасти. Но К. Симонов предпринял попытку создания журнала несколько иного типа — журнала, рассчитанного и на серьезное, и не только на серьезное чтение. Думается, его опыт пригодился отечественной журналистике последующих поколений, поскольку подобный столетней давности опыт Сенковского был в России накрепко забыт. Доказательством этого служит «мирное сосуществование» дополняющих друг друга журналов 60-х годов — «Юности» и «Нового мира».

Итак, «толстый» журнал в России можно рассматривать как сверхтекст, если речь идет об определенном отрезке времени, в рамках которого существовала определенная направленность журнала, но можно говорить и о журнале как целостном тексте, когда речь идет об одной журнальной книжке. Более того, есть смысл сделать и следующий вывод: журнал как текст является единицей литературного процесса; журнал как сверхтекст — явление национальной культуры определенной эпохи.

Глава 2

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА (аналитические примеры)

2.1. А. Твардовский — редактор «Нового мира»

«Толстые» журналы традиционно выполняли особую роль в формировании российского писателя и читателя. Не случайно В. Я. Лакшин определяет феномен существования «толстого» журнала в России как знак своеобразия развития национальной культуры, а исчезновение этого феномена — как знак завершения целой литературной эпохи¹. Не случайно, пытаясь описать «мир советского человека» в книге, посвященной «оттепели», П. Вайль и А. Генис точно называют круг людей, «в среде которых рождались, жили и умирали идеологические течения или хотя бы идеологические моды». Это «круг средней интеллигенции, активно заинтересованной в проблемах общественной жизни», который условно можно определить «как подписчиков “толстых журналов”»².

В пору своего формирования и расцвета журнал не только фиксировал состояние и уровень литературно-общественной жизни страны, но, и это главное, активно формировал новое поколение писателей и читателей, в конечном счете становясь «властителем

¹ Лакшин В. Я. Берега культуры М., 1994. С. 104–111.

² Вайль П., Генис А. 60-е : Мир советского человека. М., 1996. С. 6.

дум» своей эпохи. Более того, в читательском сознании весь журнал с безусловностью отождествлялся с именем его редактора, о чем, в частности, свидетельствуют письма в редакцию «Нового мира»: «Меня уже не однажды посещала дерзкая мысль: прийти к Вам, по-русски поцеловать и уйти... Поверьте, это — не “сентименты” впечатлительного человека, находящегося под властью минутного порыва. Мое отношение к Вам, можно сказать, выстрадано, глубоко осознано, взвешено на “исторических” весах (я — историк), и оно есть и остается теперь уже неизменным»³.

Соответственно если позиция журнала не устраивала читателя, то и обвинения направлялись также лично Твардовскому, с неизменно негодующим вопросом, как «выдающийся советский поэт, коммунист» может быть редактором *такого* журнала: «Да, вы засели крепко. Войти в вашу крепость могут только те, кто искажает нашу жизнь по вашим меркам. А для тех, кто попивал кофеек в парижском кафе, когда вершилась революция, когда умирали Островские, для тех, кто пастернакал, для всей этой своры у вас находились и находятся поистине удивительное радушие, поистине удивительные симпатии. Как смогли Вам, солдату, внушить они эти симпатии, как смогли Вы Шуховых и Матрен выдавать за критерий нашей жизни?»⁴

Персонально-личностный подход непременен при читательской оценке журнального направления и возможен при его историко-литературном осмыслении, о чем недвусмысленно писал В. Я. Лакшин в письме к В. А. Твардовской в связи с публикацией в «Новом мире» его статьи, посвященной «Отечественным запискам»: «...Меня более всего интересовала не социально-политическая характеристика журнала, а нравственный, человеческий и гражданский облик людей, поставленных обществом в определенные обстоятельства и призванных действовать в этих обстоятельствах на журнальном поприще»⁵.

³ РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 9с. Ед. хр. 259.

⁴ Там же. Ед. хр. № 167.

⁵ Там же. Ед. хр. № 249.

В условиях катастрофического снижения качества литературы, ухудшения самой литературной атмосферы, отсутствия «духа творчества», с одной стороны, но в надежде и предчувствии новой литературы иного, несомненно талантливого, поколения — с другой, Твардовский в 1958 году решается вновь стать редактором «Нового мира». Решение давалось с трудом, о чем свидетельствуют дневники и письма той поры. Твардовский изначально давал себе отчет в том, *что* для его судьбы будет значить этот пост. Прежде всего, это сознательное ограничение себя как художника: «А что писать я не смогу одновременно с работой по журналу, который нужно пробудить из небытия, — это несомненно. А сколько времени уйдет на обязательную, но бесплодную тоску заседаний, приемов, чтения многих вещей, — ведь все это я знаю по опыту. И представляю, как может не раз охватить отчаяние: свое упускаю, и здесь, в журнале, ничего особенного, а время уходит»⁶.

Не обольщался Твардовский на счет той меры свободы, которую ему позволят в качестве редактора ведущего журнала страны, в чем и смог убедиться почти сразу: «Второй срок моего редакторства, наконец, избавляет от всяких иллюзий: немыслим, невозможен журнал в том виде, какой иногда мне грезился, — ему просто не дадут быть. А отдавать главную часть жизни для того, чтобы журнал был немного грамотнее, немного приличнее и совестливее других, — не стоит»⁷. Наконец, и это удивительно, Твардовский был изначально уверен в том, что его рано или поздно вновь снимут с поста редактора с соответствующими «оргвыводами», но все-таки считал, что «кое-что можно сделать, пока не сгонят»⁸.

Итак, несмотря на все аргументы «против», Твардовский решается на редакторство: «...Все за меня боятся. Как бы не подвести. А чего боятся? На костер я и сам сумею взойти»⁹. Главнейшую роль в этом решении сыграла совестливая готовность русского писателя пренебречь своим творчеством из-за нужд ответственности. В 1959 году, готовя автобиографию, Твардовский не без самоиронии

⁶ Твардовский А. Рабочие тетради // Знамя. 1989. № 9. С. 185.

⁷ Там же. С. 164.

⁸ Там же. № 7. С. 185.

⁹ Лакишин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева. М., 1991. С. 40.

так объясняет и роль редакторства в своей жизни, и то, почему он вынужден снять этот фрагмент из текста: «Абзац о редакторстве решил опустить, хотя был соблазн щегольнуть благородным извятием фраз: “Работа в журнале для меня была и остается не просто “должностью”, лишь внешне соприкосновенной характеру моей собственной работы. Это — наиболее пришедшаяся мне по душе (хотелось бы даже сказать — единственно мыслимая) форма литературно-общественной деятельности (было еще: освященная благородным примером многих русских писателей), которая, несмотря на все трудности и значительные затраты времени, способна приносить большое и радостное удовлетворение”. Но, во-первых, я затрудняюсь выразить “перерыв” в этой моей благородной деятельности... а главное, не об этом сейчас речь, и читателю это, покамест, ни к чему, да и надолго ли опять эта “форма”, трудно сказать»¹⁰.

Заняв пост редактора «Нового мира», Твардовский имел реальную возможность, во-первых, существенно поднять уровень требовательности к художественному качеству литературы, влиять на духовно-творческую атмосферу литературных кругов, выявлять прогрессивные тенденции в современном ему литературном процессе. Во-вторых, Твардовскому предоставлялась возможность практической работы с писателями и критиками новой литературы.

Имея опыт редакторства «первого захода» (1950–1954), Твардовский довольно точно предвидел то, каким должен быть журнал, каким общественным и эстетическим задачам должен следовать. Твардовский сознательно ориентировал «Новый мир» на идею гражданского служения, примером которого для него были классические журналы XIX века «Отечественные записки» и «Современник». Отсюда серьезность тона и строгость структуры, обозначенные на титуле журнала: литературно-художественный и общественно-политический журнал. «Новый мир» создавался в расчете на интеллигентную, читающую Россию, оттого и основной пафос его синих книжек был либерально-просветительским.

Направление «Нового мира» определяла во многом этическая позиция журнала и его главного редактора. Такие категории, как

¹⁰ Твардовский А. Рабочие тетради. С. 157.

добро, справедливость, стремление к истине, стали базовыми для оценки художественного достоинства любого текста. Проверка литературного человеческого — основной творческий принцип журнала. Этот принцип распространялся и на становление эстетической стратегии и тактики «Нового мира» его классического периода (1958–1970).

Столь легко и прямо соотносимая с российской журналистикой XIX века стратегия «Нового мира»: концепция целостности журнала при его двусоставной направленности (литературно-художественное и общественно-политическое издание), особый (взыскательно-доверительный) тип работы как с писателем, так и с читателем, свой корпус, весьма постоянный, критиков, открыто отстаивающих направление журнала, акцентированное внимание к проблемам современной жизни — все это существенные, но все же внешние проявления воскрешения духовно-гуманистической культуры прошлого, пришедшие к «Новому миру», так сказать, «через голову» накопленного опыта первой половины XX века. Журнал, лишь формально соблюдая некий «политес», говорил о традициях советской журналистики 1920-х годов, но умалчивал не только «по велению времени», но и «по велению сердца» об изданиях начала века. Для него как бы не существовало журналов «Красная новь» и тем более «На посту». Также для него совершенно естественно не существовало «Аполлона», «Гиперборея», «Весов», «Мира искусств» и, конечно, футуристических изданий.

«Новый мир», видимо интуитивно, взял иную, не только историко-литературную меру вещей, ориентируясь, как было уже сказано выше, на выработанное духовным опытом человечества единство Истины, Добра, Красоты. Эти ценности — высшие стимулы человеческого поведения, утверждение в мире чисто человеческого начала. В своем повседневье (что подтверждается анализом структуры журнала, содержания всех его основных разделов) «Новый мир» руководствовался именно этими идеальными ориентирами человеческого и человеческого существования, ставшими критериями отбора и оценки всех материалов. Философские категории в переводе на журнальный, критический, историко-литературный язык звучали весьма обыденно, но одновременно благодаря «Новому миру» стали

ключевыми словами литературной и общественной жизни периода «оттепели»: *правда жизни, позиция автора, качество литературы.*

На страницах «Нового мира» подвергались разрушительному анализу мифологема и идеологема, связанные с социалистическим способом жизнеустройства, который привел к явственным изменениям в социопсихологической атмосфере национального бытия: психология рабства, всевластие безликого «мы», страх и корысть как основные регуляторы межличностных отношений.

Внешне следуя делению литературы по тематическому признаку (тема войны, колхозная тематика, историко-революционная, производственная, нравственно-бытовая), «Новый мир» в устойчивом аспекте выстраивал свой исследовательский сюжет, уже в конце 1950-х — начале 1960-х наполняя традиционную тематику особым смыслом. Тема войны превращается в проблему «человек и война» (повести В. Быкова), колхозная тематика — в тему судьбы русской деревни в XX веке («На Иртыше» С. Залыгина, «Матренин двор» А. Солженицына), историко-революционная тема позволяет обозначить проблему «человек и история» или «человек и тоталитарный режим» (мемуарная литература, «Один день Ивана Денисовича») и т. д.

В соответствии с гражданской позицией журнала формировалась его эстетическая программа, столь же оппозиционная к официозу — к эстетике соцреализма. На страницах «Нового мира» говорится о реализме «без прилагательных», все чаще вместо термина «классовый гуманизм» употребляется понятие «общечеловеческий гуманизм». «Принцип партийности» в искусстве и литературе заменяется «гражданским направлением». «Новый мир» и его редактор настаивали на том, что принятые способы изображения «образа советского человека» — «положительный герой», «идеальный герой» и т. д. — «явно вне традиций русской классики»¹¹.

Последовательное и упорное отстаивание своих гражданских и эстетических принципов, стоившее «Новому миру» немало усилий, способствовало созданию «своего лица», сделало исключительной его роль в литературной, общественной жизни страны в 60-е годы.

¹¹ Твардовский А. По случаю юбилея // Новый мир. 1965. № 1. С. 14.

Необходимо добавить, что пристрастное отношение к «Новому миру» периода Твардовского, кроме всего прочего, объясняется и причинами, корнящимися в особой психологической установке русской интеллигенции: азарт борьбы, рождающий чувство «заединщиков», культ «раскола», противостояния официозу, государственности, любовь к жертве, загнанному, обреченному. Не только у Твардовского, но и у его редколлегии изначально было ощущение, что они «взойдут на костер», было чувство обреченности, которым они гордились, ибо это было подтверждением праведности дела, которому они служат.

Подробнее остановимся на двух тематических блоках журнала, которым А. Твардовский как редактор уделял особое внимание. Это история советской эпохи и мемуарная литература, конкретнее — военные мемуары, активно публиковавшиеся на страницах «Нового мира».

«Новый мир», руководимый А. Твардовским в годы «оттепели», ставший трибуной для писателей-шестидесятников, развивался под знаменем гражданского служения обществу. Считая одной из функций искусства функцию познавательную, «Новый мир» был последовательным приверженцем реалистического способа художественного осмысления действительности, и здесь чувствуется твердая рука А. Твардовского. В программной для очерчивания позиции журнала статье «По случаю юбилея» он пишет: «Предпочтительное внимание журнал уделяет произведениям, правдиво, реалистически отражающим действительность, по формам простым, но отнюдь не упрощенным, чуждым формалистической замысловатости, более близким классической традиции, но отнюдь не избегающим новых средств выражения, оправданных содержанием»¹². Причем в подчеркивании преимущества факта над легендой, особенно если это касалось произведений, посвященных истории страны, А. Твардовский был способен пойти на определенный риск. Так, он (при поддержке редколлегии) принимает полуграмотную рукопись

¹² Новый мир. 1965. № 1. С. 4.

А. Бартова «Побег из колчаковской тюрьмы», пришедшую в журнал «самотеком». Твардовский хотел даже поместить ее в номер, посвященный 50-летию революции, что было бы прямым вызовом официозу. Но и для ординарного номера, не говоря о юбилейном, безыскусный текст о том, «как было тогда на самом деле», вступал в явное противоречие с героической традицией осмысления событий 1917 года. Именно это пленило Твардовского, и именно на это в редакторском предуведомлении он обращает внимание читателя: «Он [Бартов] и не пытается показаться иным, чем он есть на самом деле. Не в пример иным мемуаристам, склонным вольно или невольно несколько преувеличить и выделить свою роль в великих исторических событиях, он предельно скромен и правдив»¹³.

В то же время А. Твардовский, характеризуя направление своего журнала, неоднократно подчеркивал его ведущую ориентацию — *новый мир*, современность (отсутствие которой, надо сказать, было часто весомой мотивировкой отказа в публикации той или иной рукописи). Тем не менее «Новый мир» весьма охотно предоставлял свои страницы мемуарам, в какой-то степени реабилитировав этот жанр для отечественной литературы. Журнал сосредоточился на трех, но принципиально важных страницах истории советского периода — революции, коллективизации, сталинских репрессиях.

К революционной тематике журнал относился с большой осторожностью и из-за вынужденной цензурной оглядки, и из-за внутренних ограничителей. Разоблачению подвергались легенды о революции, установка делалась на ее факты. Журнал неизменно обращался к работам Е. Драбкиной и упорно печатал их (во второй половине 1960-х годов, правда, все с большим трудом). В 1959 году опубликованы «Черные сухари», в 1960 — «Золотая осень», в 1968 — «Зимний перевал». Приверженность «Нового мира» творчеству писательницы в свете мировоззренческих и этических принципов журнала вполне объяснима. Е. Драбкина была репрессирована, но вера ее в правоту совершенного в 1917 году осталась непоколебимой. Российская история знает этот определенный тип людей, навсегда обольщенных революционной романтикой, воспитан-

¹³ Новый мир. 1968. № 10. С. 77–78.

ных чаще всего в семьях профессиональных революционеров, для которых «общее дело» всегда было значимее, нежели «личное счастье». Не случайна оговорка Е. Драбкиной о том, что отца, занятого революционной работой, она знала мало и не хотела знать больше: «...Я была целиком поглощена происходившими вокруг событиями и всякий интерес к семье считала проявлением мелкобуржуазного мещанства»¹⁴. Это монологический тип личности, в лучшем случае слышащий другого, но признающий лишь свою правду и свою правоту.

Характерен фрагмент из «Черных сухарей», в котором Е. Драбкина вспоминает празднование первой годовщины Октября, точнее — открытие памятников революционерам: «...Памятники были сооружены в виде прямоугольных кубов, увенчанных приплюснутыми обрубками, изображающими головы. <...> Но нам эти первые детища революции казались прекрасными — и мы были абсолютно искренни, когда с воодушевлением говорили, что памятники эти будут стоять века! А сбоку на это глядела интеллектуальнейшая плесень. <...> Эта плесень слушала философские лекции Шпета, почитала себя поклонницей феноменологической школы Гуссерля, рукоплескала “Вехам”, Милюкову, Струве и Туган-Барановскому, бывала на премьерах пьес Метерлинка, зачитывалась Владимиром Соловьевым, декларировала стихи Вячеслава Иванова. <...> Она, эта плесень, ощупывала памятники колючими глазами, обнаруживала их уродливость, открывала пятна, нанесенные сыростью, тыкала пальцами в язвы и трещины на рыхлом бетоне — и торжествуя предсказывала, что памятники быстро развалятся. Это была *их* (выделено автором. — Т. С.) правда, правда лишая, правда мокрицы»¹⁵.

Процитированный фрагмент — типичный образец советского публицистического стиля (ср.: «политическая физиономия Зощенко», «полумонашенка, полублудница Ахматова» и т. д.). Но фанатики от революции, к которым принадлежала Е. Драбкина, в отличие от революционеров-карьеристов, не приукрашивали и свою правду,

¹⁴ Драбкина Е. Черные сухари // Новый мир. 1959. № 4. С. 11.

¹⁵ Там же. С. 20.

часто пытаюсь писать о том, «что было», подчас невольно разоблачая самих себя.

Субъективная искренность и честность, так привлекавшая А. Твардовского в книгах Е. Драбкиной, порой приводила к еще одному, также мало предсказуемому результату, о чем свидетельствует работа писательницы «Зимний перевал», не без основания с трудом проходившая цензуру. Е. Драбкина на основе анализа доступных ей документов предложила свой, весьма неожиданный и опасный аспект ленинианы при описании последнего периода жизни Ленина, его болезни, оправдывавшей полнейшую его изоляцию и немоту, что под пером писательницы становилось символом трагедии человека, который все отчетливее видел, как в революции побеждает «боковая сила» (выражение А. Платонова), но уже не в силах был что-либо предотвратить или изменить. Изображение Ленина как трагического героя истории, возможно, в 60-е годы было не менее странным, чем создаваемый в то же время сатирический образ этого же героя другим автором «Нового мира»: Солженицын в конце 1960-х писал «Ленина в Цюрихе».

Революционная тема была сколь опасна, столь и притягательна для журнала, ибо вела к нежелательным для власти вопросам, постановки и разрешения которых требовало общество: добрая воля и насилие, террор; народные интересы и корысть режима; идеал и реальные итоги революционного преобразования жизни.

В статье «Посев и жатва (трилогия о революции в театре “Современник”）」 В. Лакшин, анализируя пьесы «Декабристы» А. Зорина, «Народовольцы» А. Свободина, «Большевики» А. Шатрова и их сценическое воплощение, приуроченное к 50-летию Октября, не мог и не хотел обойти ни один из острых углов повторяющейся психологической интриги истории. Так, он пишет, помня комплекс булгаковского Понтия Пилата, о качественном различии страха на поле брани и страха перед лицом Кесаря-государства: «Одно дело сражаться в общем воинском строю, — размышляет Сергей Трубецкой, герой Бородина, — в открытом поединке, ощущая за спиной поддержку всей армии, страны и государства, и совсем другое — выступать против этого государства в кучке заговорщиков. Тут другая

природа страха, когда человек может показаться себе ничтожной, одинокой пылинкой»¹⁶.

В. Лакшин акцентирует внимание и на проблеме «санкционированного счастья», которое навязывается народу любой революцией: «Народовольцы хотят отстаивать народные интересы, как они их понимают, нередко при безразличии, а то и при прямом сопротивлении народной среды. Народовольцев на их крестном пути неизменно сопровождает в спектакле “Современника” народ-стадо, народ-толпа, народ-чернь»¹⁷. Но самой болезненной проблемой, сразу же вызывающей историческую параллель в связи с террором как неизменным спутником революции, была проблема царевубийства, которое, по мнению критика, не могло быть оправдано никакими высшими целями. Лакшин специально останавливается на конфликте между Н. Муравьевым и П. Пестелем: «Смирившись с идеей царевубийства как с необходимостью, Муравьев никак не может принять спокойной решимости Пестеля истребить всю царскую фамилию. “Там ведь и женщины, там дети почти”, — восклицает он»¹⁸.

Соотношение цели и средств ее достижения — важнейший вопрос, волнующий общественное сознание периода «оттепели». Тезис о народном характере революции, воплощенный в государственном лозунге «Все для народа», на страницах «Нового мира» если не опровергается, то существенно корректируется. Принципиальную роль здесь сыграл роман С. Залыгина «Соленая Падь», посвященный особенностям революционных лет в Сибири, роман, который, к огорчению Твардовского, был плохо прочитан и не оценен по достоинству. Главный редактор «Нового мира» увидел в нем главное: народ власти необходим только как ара-ра (живой заслон из женщин, стариков и детей, прикрывающий одну из враждующих сторон), или как «пушечное мясо» (Л. Толстой) во время войн, или как «мясо освобождения» (А. Герцен) во время революций.

Именно с этой точки зрения рассматривалась журналом и его главным редактором «антисталинская литература», которую после

¹⁶ Лакшин В. Посев и жатва (трилогия о революции в театре «Современник») // Новый мир. 1968. № 9. С. 189–190.

¹⁷ Там же. С. 196.

¹⁸ Там же. С. 185.

публикации повести А. Солженицына присылали преимущественно в «Новый мир». Без преувеличения можно сказать, что появление «Одного дня Ивана Денисовича» раскололо общество на два лагеря не менее, чем XX съезд партии, еще раз доказав особое могущество художественного слова в России. В. Лакшин очень точно назвал статью, посвященную повести, «Иван Денисович, его друзья и недруги»¹⁹. Враги Ивана Денисовича стали врагами журнала, его друзья — друзьями «Нового мира». Содержание критической атаки, развернувшейся на страницах «Литературной России», «Дона», «Огонька», «Октября», нельзя сводить — и по прошествии более полувека это видно особенно отчетливо — к сугубо политическому смыслу. Речь шла о кардинальных проблемах национального мироощущения, о приоритетных ценностях бытия: человека уважать или любить надо (отношение к Шухову); освобожденный или подневольный труд есть основа социалистического образа жизни (эпизод кладки стены на ТЭЦ); соотношение внутренней и внешней свободы (образ баптиста Алеши); что такое народ и есть ли пропасть между российской интеллигенцией и русским народом (образ Цезаря Марковича); вера истинная и вера мнимая, проблема глобальной иллюзии, которой может жить человек (кавторанг) и т. д.

Очень осторожно и дозированно публикуя тексты, связанные с годами репрессий (в портфеле «Нового мира» было немало рукописей, которые не только не прошли цензуру, но и были отклонены самой редколлегией), журнал, в отличие от изданий и публикаций второй волны десталинизации (конец 1980-х годов), никогда не шел на перечисление «через запятую» ошибок, грехов и преступлений Сталина. Его интересовало не явление, но закон, не столько Сталин, сколько феномен культа личности, создавший ситуацию уничтожения народа руками самого народа. И в этом смысле «Новый мир» сказал о тоталитаризме почти все, тогда как перестроечное время ознаменовалось лишь количественным наращиванием фактов, но не углублением сущностных характеристик.

Да, А. Твардовский не смог опубликовать проанонсированные «Белые одежды» В. Дудинцева (первоначальное название — «Не-

¹⁹ См.: Новый мир. 1964. № 1.

известный солдат») и «Дети Арбата» А. Рыбакова. В корректуре остались роман А. Бека «Новое назначение» (первоначальное название — «Сшибка»), дневники К. Симонова, последняя поэма самого главного редактора «По праву памяти», не говоря уже о «Раковом корпусе» и «В кругу первом» А. Солженицына. А. Твардовский не захотел публиковать «Софью Петровну» Л. К. Чуковской и никогда бы не опубликовал повесть Б. Дьякова «Пережитое», в которой лагерь описан через призму сломанного, исковерканного режимом сознания, принявшего и усвоившего правила советской (равно «лагерной») игры.

Рецензируя книгу Ю. Трифонова «Отблеск костра», которую автор посвятил своему отцу, принадлежавшему к когорте «пламенных революционеров», репрессированному и погибшему, И. Крамов тонко заметил, что это и рассказ о том, «как это было», и раздумье о том, как 1937 год повлиял на сознание последующих поколений. Ю. Трифонов оговаривается, что он пишет «книгу не о жизни, а о судьбе», автор рецензии считает, что именно в этом главная победа писателя: «Книга о судьбе. Добавлю — и о времени. <...> Судьба выразила время, а время определило судьбу»²⁰.

«Новый мир» интересовали произведения не о сталинизме как таковом, хотя десталинизация была важнейшим сюжетом журнала, но книги о судьбе страны в эпоху сталинизма. Поэтому говорящей, исторически важной цифрой для журнала был не только 1937 год, но и 1917, 1929 и 1953 годы.

В течение 1960-х годов в «Новом мире» был опубликован целый ряд произведений, так или иначе затрагивающих проблему «искажения ленинских норм жизни», но с неизменностью уходящих от педалирования сугубо политических аспектов этой проблемы: воспоминания А. В. Горбатова «Годы и войны», главы «Друг детства» и «Так это было» из поэмы Твардовского «За далью — даль», «Теркин на том свете», рассказ А. Солженицына «Случай на станции Кречеткова», повесть Ю. Домбровского «Хранитель древностей». Особое место в этом ряду занимает повесть С. Залыгина «На Иртыше (Из хроники села Крутые Луки)». Не случайно А. Твардовский ценил

²⁰ Крамов И. Судьба и время // Новый мир. 1967. № 3. С. 252.

ее не менее «Одного дня Ивана Денисовича» и наравне с любимым им романом «Соленая Падь». Пожалуй, впервые именно в этой повести прозвучала мысль, ставшая общепринятой только в конце 1980-х годов: коллективизация есть облава на народ. Трудно понять, как этот текст сумел пройти цензуру.

Письмо С. Залыгина к Б. Заксу от 12 января — 18 декабря 1964 года свидетельствует о том, что писатель вкладывал в первоначальное авторское название повести — «Перекос» особый смысл и долго не хотел с ним расставаться, поскольку оно «сразу же вводит нас в атмосферу того времени. Тогда говорили “перегиб”, а по-деревенски — “перекос”. Тогда эти слова бытовали, теперь раскрывается их смысл, содержание»²¹. Временная дистанция («тогда» и «теперь»), хроника села Крутые Луки и авторское знание исхода данной истории создают особую тревожную атмосферу повести: у русской деревни истинная трагедия — ее гибель — впереди. И это интуитивно осознает главный герой повести Степан Чаузов. В финальной сцене Степан охвачен неясной тревогой: «Отбился я, вроде, мужики. Нонче отбился»²². В отличие от героя автор знает, как Степан опасен для новой власти со своим трудолюбием, врожденным чувством справедливости, абсолютным авторитетом среди односельчан. Он — носитель традиционной нравственности, приверженец «старых» ценностей, тот тип мужика, на котором держалась русская деревня, следовательно — Россия. Именно поэтому он не только не нужен, но более того — опасен, как был опасен для нового способа общежития Григорий Мелехов. Корякин, «бывший мужик», цену Степану Чаузову знает: «Повторяю: носитель он индивидуализма и собственничества. Он всегда между нами и сознательными трудящимися колхозниками стоять будет. <...> Я на пожаре не был, но ясно себе представляю, кто за кем шел. Нынче Чаузов Степан шел пожар тушить, а завтра он пойдет колхоз рушить, а некоторые мужики его на этот случай берегут. Таких, как Чаузов, навсегда надо от масс изолировать, избавиться от их влияния»²³. «На Иртыше» С. Залы-

²¹ РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 9. Д. 122.

²² Залыгин С. На Иртыше // Новый мир. 1964. № 2. С. 48.

²³ Там же. С. 75.

гина — большая удача «Нового мира», ибо эта повесть соединила в себе и историко-социальную, и нравственную правду о судьбе русской деревни в XX веке.

Внешне следуя общепринятому делению современной ему литературы по тематическому признаку (тема войны, колхозная тематика, историко-революционная, производственная, нравственно-бытовая), «Новый мир» не ограничивался этим принципом подхода к литературному процессу и в устоявшемся тематическом аспекте находил свой ракурс — общечеловеческий, общегуманистический.

В программной статье «По случаю юбилея» Твардовский-редактор, определяя эстетические принципы и пристрастия своего журнала, говорит не только об отдаваемом предпочтении произведениям «правдиво, реалистически отражающим действительность», но и об особой заслуге «Нового мира» в том, что он «широко открыл двери произведениям мемуарного жанра»²⁴.

Ценность этой литературы Твардовский видел в подлинности и большой силе личности автора, в том, что дефицит правды художественной восполняется правдой личного свидетельства: «В особом внимании читателя к мемуарной форме, несомненно, нашло косвенное выражение и недовольство литературой профессиональной, стремление дополнить ее фактами, которых она или вовсе не касалась, или касалась не глубоко, не до конца правдиво»²⁵.

Безусловно, русская литература советской эпохи знала и культивировала мемуарный жанр в разных его ипостасях: биография, автобиография, дневник писателя, «такой-то в воспоминаниях современников». Но все это внешнее разнообразие зачастую, если судить по тому, что было опубликовано в советской печати в 1930–1950-е годы, сводилось к единому пафосу: «жизнь замечательных людей». В 1950–1960-е годы Твардовский и его редколлегия на стра-

²⁴ Твардовский А. По случаю юбилея. С. 7.

²⁵ Там же.

ницах своего журнала также культивировали мемуары, но мемуары принципиально другие.

Основной принцип отбора произведений мемуарного характера для публикации был соотнесен с категорическим «нравственным императивом правды», главным и для Твардовского, и для журнала. В необходимости появления мемуарно-документальной литературы в 1960-е годы сошлось многое: и готовность авторов «вспомнить», и настрой читателей на достоверность, а не на мифологию, и стратегическая задача журнала по «вочеловечиванию» истории. «Настало время, — пишет один из авторов журнала, — когда можно вспомнить тех людей, которые, казалось, обречены на забвение, посмотреть на события минувших дней “свежими, нынешними очами”»²⁶.

Журнал настаивает на необходимости не «сквозь советские факты» смотреть на прошлое, а уважать факты истории. Два основных принципа оценки мемуаров (и отбора их для журнала), определенные вновь Твардовским в той же статье «По случаю юбилея», — «подлинность и большая нравственная сила автора» смыкались с основными задачами литературы, какими их видел редактор и его журнал: разрушение советских мифологем разных видов и свойств (кроме основной: социализм как наиболее совершенная форма сообщества людей) и очеловечивание истории и жизни. Мемуары ценились не только как форма обществоведения, но и как форма человековедения, где история представлялась не как «движение масс», но как совокупность индивидуальных судеб, как биография человеческого духа. В традиционной формуле советского литературоведения «рассказ о времени и о себе» акцент все больше делался на второй ее составляющей.

А. Твардовский оценивает мемуары и по сближенности их с хорошей прозой. На обсуждении пятого, шестого и седьмого номеров журнала за 1967 год он счел возможным сопоставить тексты повести Домбровского и мемуаров Горбатова: «В обсуждении выделены две вещи, Горбатова и Домбровского, хотя эти вещи разножанровые.

²⁶ Малыгин Л. Сочинение с ошибками : (Заметки на полях мемуаров А. Штейна) // Новый мир. 1964. № 12. С. 206.

Горбатов — честные, прямые мемуары, Домбровский — беллетристика в чистом виде, но беллетристика хорошая. И тут и там незаурядные авторы. Эти вещи объединяет серьезная нравственная основа, какое-то проникновение в их рассказ чувства человечности, цельной человеческой личности. В одном случае речь идет о людях павших, погибших, в другом — плод фантазии автора, но с какой бережностью отношения к людям»²⁷.

В 1960-е годы в «Новом мире» были опубликованы воспоминания, затрагивающие фактически все периоды истории первой половины XX века. Революция: «Черные сухари» и «Зимний перевал» Е. Драбкиной, «Побег из колчаковской тюрьмы» А. Бартова; годы войны: «В боях за Одессу» маршала Н. И. Крылова, «Сорок пятый год. Страницы воспоминаний» маршала И. Конева, «В небе Ленинграда» маршала А. Новикова, книга воспоминаний генерала армии А. В. Горбатова, «В конце войны», «Незабываемый, победный» генерала Д. А. Драгунского, «Записки из плена» В. Бондарца, «Тыл фронта», «Почетная служба (воспоминания пограничника)» Н. А. Антипенко, «На рубеже мира и войны. С дипломатической миссией в Берлине (1940–1941)» В. Бережкова, «Духом окрепнем в борьбе...» А. Бирика, «Борьба за второй фронт. Из записок посла» И. М. Майского, «Гитлеровцы в Париже» В. Сухомлина, «По дну Ладоги» С. Бланка и Д. Шинберга.

Главная проблема, связанная с темой войны, для новомирцев — это проблема «цены Победы» и, следовательно, цены человеческой жизни на войне. Отсюда яростные нападки официальной критики, считавшей, что новомирские авторы «принимают подвиг советского народа», забывают за «правдой факта» «правду явления», и не менее яростная защита отделом литературной критики именно «правды факта», которая и питает «правду жизни». В рецензии на книгу А. Розена «Последние две недели» А. Кондратович отмечал: «...Писателей, которые вглядываются в то грозное лето сорок первого года и стремятся понять, что тогда произошло, называют “недалекими литераторами”. Но мы потеряли в те месяцы сотни тысяч, если

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 9. Д. 116. Протокол редакционных совещаний. 18 авг. 1964 г.

не миллионы людей, отдали врагу, пусть временно, громадную территорию, и назвать это мелкой, несущественной “правдой факта”, пожалуй, кощунственно. “Отговаривать” же писателей от “темы 41-го года” — значит по меньшей мере обнаруживать незаинтересованность в исторической правде»²⁸. Внешняя «дегероизация подвига», столь характерная для художественного осмысления войны шестидесятниками, так же как и «правда факта» военной мемуаристики, защищалась «Новым миром», поскольку она имела принципиальное значение: показной патриотизм государственных структур, приведший к многомиллионным потерям, к окончательному обесцениванию человеческой жизни, противопоставлялся «скрытой теплоте патриотизма» тушинского типа, объясняющей готовность воина «принять огонь на себя».

Публикуя в 1969 году свои дневниковые записи «С Карельского перешейка», Твардовский в авторском предуведомлении признается, как велик был соблазн кое-что исправить в давнишних записях и как он отказался от этой мысли: «И мне показалось решительно невозможным делать в них какие-либо исправления или дополнения, кроме необходимых подстрочных замечаний. Если эти записи имеют какую-либо ценность, то лишь как занесенные в тетрадь для себя тогда»²⁹. В движении к гуманизму, к постижению ценности человеческой жизни и необходимости хранить «жестокую память войны» виделся Твардовскому смысл публикации его давнишней работы. В дневниковых записях есть строки прозрения: «...Такое время, когда об отдельном человеке забывают...», «Сознание постарело...»³⁰, которые во многом определяют психологическую атмосферу книг, в том числе и мемуарных, о войне.

Из широкого спектра военной мемуаристики, опубликованной на страницах «Нового мира», есть смысл подробнее остановиться на воспоминаниях генерала армии А. В. Горбатова «Годы и войны» как на одних из самых типичных и характерных для журнала.

²⁸ Кондратович А. Накануне войны // Новый мир. 1965. № 10. С. 232.

²⁹ Твардовский А. С Карельского перешейка // Новый мир. 1969. № 2. С. 117.

³⁰ Там же. С. 120.

Личное знакомство А. Твардовского с генералом армии А. В. Горбатовым состоялось в конце 1963 года, когда тот без особой протекции («протекцией» было имя) сам принес в журнал «Новый мир» рукопись своих мемуаров. В воспоминаниях «Открытая дверь, или Вечер у генерала Горбатова» В. Я. Лакшин так пишет о встрече сотрудников «Нового мира» с возможным автором журнала: «Он появился в редакции несколько необычным для военного его ранга образом. Бывало, появлению самого предшествовала вереница адъютантов, порученцев, вестовых, передававших красиво оформленную рукопись. <...> С генералом Горбатовым все было иначе»³¹. Простота общения, четкое понимание того, что в редакции он выступает не как генерал армии, но как начинающий автор, явно чувствующиеся крестьянские корни, проявляющие себя в некой застенчивости поведения в чужом пространстве, невероятный жизненный опыт — все это, по свидетельству очевидцев, покорило А. Твардовского, как покорила главного и его редколлегию интонация «невывдуманного рассказа», открытая установка писать (и умение писать!) о том, что пережил сам, в переданной «из руки в руки» рукописи.

Рукопись называлась внешне просто, но не без едва уловимого пафоса — «Жизнь солдата». Твардовский предложил иное название. Главный редактор делал это в случаях, когда и автор, и произведение были для него дороги, а более удачное и точное название могло укрепить успех. Классический пример — превращение повести «Щ-854» в «Один день Ивана Денисовича», тоже непритязательное, но внутренне более объемное, выдвигающее на первый план основной вектор книги — индивидуальную судьбу и историю.

Книга мемуаров А. В. Горбатова под названием «Годы и войны» была опубликована в «Новом мире» в трех номерах за 1964 год. Структура ее непритязательна и проста, сделана по варианту «исповедь сына века». Воспоминания относятся не только к периоду Великой Отечественной войны: автор начинает повествование со своего рождения, строя его строго хронологически, подчиняя традиционным этапам биографии, которые, и это характерно для судьбы

³¹ Лакшин В. Голоса и лица. М., 2004. С. 346, 348.

сильной личности, совпадают со значительными историческими рубежами. Так, главы «Детство», «Юность», «Первая любовь» естественно продолжены главами, в которых индивидуальная биография продолжается в судьбе страны: «Служба в царской армии», «Революция», «Гражданская война», «В мирное время», «Черный год», «Отечественная война». Хроника событий, оказавшихся в поле зрения автора, не претендует на исчерпывающую полноту, автор стремится писать лишь о тех событиях, непосредственным участником которых он был и которые формировали его характер: «Не считая возможным изображать себя иным, чем я был, я и пишу лишь о том, что действительно заполняло в те годы мою жизнь»³².

Простота, безыскусственность и установка на максимально возможную правдивость таили в себе немалую опасность для безболезненного прохождения книги через цензуру. В воспоминаниях Горбатова было несколько узловых моментов, которые с трудом удалось отстоять «Новому миру»: зачастую спасало само имя автора (но, вспомним, приблизительно в это время имя не спасло маршала Жукова) и мастерство редколлегии журнала. Так, удалось сохранить страницы, посвященные детству, время которого подчинено православному индикту — годовому кругу богослужений и церковных праздников: «В нашей и окрестных деревнях существовал обычай: уходить на зиму в отхожий промысел на выделку овчин. Все мужское население, достигшее двенадцати лет, покидало свои дома до масленицы, а порой задерживалось и на первые недели великого поста...»³³; «Был морозный крещенский сочельник, когда я пришел в какую-то деревню»³⁴.

Более того, удалось сохранить и страницы, на которых автор признается в глубинном православии своей семьи, естественно ставшем важнейшей частью его душевной жизни: «В лесу, горько плача, я упал на колени, страстно призывая бога и всех известных мне святых смягчить сердце отца»³⁵; «Привычная жизнь моей собственной семьи, патриархальной и набожной, тоже меня приучила

³² Горбатов А. В. Годы и войны // Новый мир. 1964. № 3. С. 145–146.

³³ Там же. С. 134.

³⁴ Там же. С. 137.

³⁵ Там же. С. 136.

жить только повседневными мыслями о своем труде, зарплате, о поддержании мало-мальски сносного быта»³⁶.

Но, по свидетельству В. Я. Лакшина, цензурой были сняты сказанные в сердцах слова о командующем М.: «“Это не командарм, это бесструнная балалайка”. Защищая эту фразу, Александр Васильевич наивно настаивал, что слова свои помнит точно — как же можно их вычеркнуть? Он упрямо сжимал губы, глядел в упор своими строгими глазами и обиженно повторял: “Как же так? Ведь это *так и было*. Я ему в лицо сказал...”»³⁷ В журнальном варианте книги «Годы и войны» этот выпад против командующего М. сильно смягчен, и в результате у читателя остается впечатление недоговоренности:

«Доведенный оскорблениями до белого каления, я в запальчивости, показывая рукой на командарма, воскликнул:

— Да разве это командарм?

Ко мне подошел Н. С. Хрущев и, положив на мое плечо руку, укоризненно сказал:

— Товарищ Горбатов, разве можно так говорить о командарме, да еще во время войны?

— Больше нет терпения, товарищ генерал. Я сказал то, что думаю...»³⁸

Однако на волне «первой десталинизации» журналу удалось оставить главу «Черный год», которая может быть осмыслена и как завершающая историю становления сильной индивидуальности профессионала войны, и как прологовая к части, посвященной полной личностной реализации генерала армии. Над описанием ареста, пыток («Кроме следователя, в допросах принимали участие два дюжих палача. И сейчас в моих ушах, когда меня, обессиленного и окровавленного, уносили, звучит зловеще шипящий голос Столбунского: “Подпишешь, подпишешь”. Выдержал я эту муку и во время второго круга допросов. Но когда началась третья серия допросов, как хотелось мне скорее умереть!»³⁹); нечеловеческих условий лагерной жизни, усугубленной сопротивлением издевательствам

³⁶ Горбатов А. В. Годы и войны. № 3. С. 146.

³⁷ Лакшин В. Голоса и лица. С. 352.

³⁸ Горбатов А. В. Годы и войны. № 5. С. 122.

³⁹ Там же. № 4. С. 120.

уголовников («социально близких», по язвительной терминологии А. Солженицына); каторжного труда заключенных, многие из которых умирали, не дождавшись освобождения («Читателям будет трудно представить себе картину, как по склонам гор, растянувшись на четыре километра, вереницей бредут исхудалые люди, не люди, а тени, и, вытянув, как журавли в перелете, шеи вперед, напрягая последние силы, тянут древесину. Тяжело тащить груз с горы, еще тяжелее по ровной местности, а при самом незначительном подъеме он становится просто непосильным. Люди спотыкаются, падают, встают и снова падают, но груз трогается с места лишь тогда, когда приходит на помощь кто-нибудь другой, сзади идущий. Так доставляется древесина в лагерь»⁴⁰), — над описанием всех этих страданий все же верховенствовала мысль о безусловности веры в новую государственность, мысль, покинувшая самого А. Твардовского только в самые последние годы его жизни: «Пройдет еще много времени, прежде чем в полной мере будет оценен этот период в истории нашей страны. Пройдут года... Цель моего рассказа — поведать молодому поколению о людях, не потерявших даже в этих условиях веру в справедливость, в нашу великую ленинскую партию и родную советскую власть, хотя многие из этих несчастных потеряли надежду вернуться когда бы то ни было на свободу»⁴¹.

Для А. Горбатова, как и для многих советских людей, важно было не то, как несправедливо обошлась с ним власть, но то, как репрессии, обрушившиеся на кадровое офицерство, опасны для страны: «Больше, чем собственная судьба, военных в нашей среде волновал вопрос: если действительно началась война, то сколько будет излишних потерь в войсках, которые лишились в связи с арестами опытных командиров?»⁴²

Автор не убоился написать, а журнал сумел отстоять мысль, которая все более овладевала сознанием общества периода «оттепели», подкрепляясь и «лейтенантской прозой», и мемуарами «Нового мира»: неготовность страны к войне — ошибка власти,

⁴⁰ Горбатов А. В. Годы и войны. № 4. С. 128.

⁴¹ Там же. С. 126.

⁴² Там же. С. 124.

обернувшаяся трагедией для народа: «В эти тревожные дни я много думал о том, как же это случилось, что мы оказались на Волге, можно ли объяснить это только тем, что нападение противника было внезапным? Нет, дело не только в этом, думал я и все больше и больше склонялся к тому, что одной из основных причин наших неудач на фронте является недостаток квалифицированных кадров командного состава: сколько опытных командиров дивизий сидит на Колыме, в то время как на фронте подчас приходится доверять командование частями и соединениями людям хотя и честным, и преданным, и способным умереть за нашу родину, но не умеющим воевать. Части несут потери, получают пополнение, состоящее из людей, давно уволенных из армии в запас. Одни из них забыли военное дело, другие приходят в части, даже не ознакомившись с новым вооружением и техникой. В округах их не учат самому необходимому. Все это усугубляется неумелым подбором людей»⁴³.

Но в воспоминаниях генерала армии, и это чрезвычайная редкость, «правда штаба» не всегда входила в конфликт с «правдой окопа». Профессионал войны не мог не писать о войне с точки зрения выполнения служебного долга полководца. Отсюда и описания проблем технического оснащения армии: «Срок решительных действий по расширению нашего южного плацдарма, намеченный на 12 октября, приближался. Но, несмотря на старание тыловых работников, боеприпасы прибывали медленно, их едва хватало на покрытие текущей потребности. Причин этому было много: отставание складов, подвоз конным транспортом, ибо шоссейных дорог не было, а проселочные из-за дождей для машин стали непроходимыми, да и большая часть машин была неисправной, один рейс занимал четырнадцать суток. Что же получалось? С одной стороны, нельзя проводить активных действий с таким количеством боеприпасов, которого и для обороны мало; с другой стороны, при каждом докладе командующему фронтом мы слышали требование — вести активные действия. Мы были вынуждены отбирать боеприпасы у одних соединений, прибавлять тем, которые предназначены для активных действий»⁴⁴.

⁴³ Горбатов А. В. Годы и войны. № 5. С. 124–125.

⁴⁴ Там же. С. 129.

Отсюда и привлечение точного фактического материала. По-видимому, при создании книги воспоминаний автор пользовался записями, которые вел во время войны: «Одиннадцатого мы освободили Верхний Салтов и Петровское, а двенадцатого овладели большим торговым селом Старый Салтов и даже заняли еще большое село Молодовое. За три дня боев мы захватили 42 орудия, 51 миномет, 71 пулемет, 55 автоматов, 400 винтовок, 82 лошади, 16 кухонь, 72 повозки, 6 раций, 41 склад с боеприпасами, продовольствием и вещевым имуществом и другие трофеи»⁴⁵.

Привлечение документов подтверждается включением в текст мемуаров цитат из военных донесений: «Вот что я доносил командарму: “Горючее полностью отсутствует, нет надежды на его подвоз колесным транспортом. На дороге г. Волчанск — ст. Бибакново-Новый брошено шоферами большое количество машин с грузом, принадлежащим 14-й кавдивизии. Кроме того, в г. Волчанске оставлено много машин, даже танков, без горючего, принадлежащих 3-й танковой бригаде, хотя боевые части уже отошли восточнее”»⁴⁶.

Но мемуары Горбатова заполнены лицами людей, рядовых солдат и офицеров, не менее, если не более, нежели донесениями, перечислениями военной техники, хроникой военных сражений. Причем, и это важно, автор вспоминает чаще всего поступки, реакции людей в трагических ситуациях войны:

«Переходя от одного дерущегося подразделения к другому, я видел, как один красноармеец, согнувшись под тяжестью другого, сходил с бугорка. Положив тяжелораненого на землю, он сел около него передохнуть. Когда я подошел к ним, у раненого были крепко сжаты губы, глаза закрыты, а щеки влажны от слез. Услышав разговор, раненый открыл большие серые глаза и, как будто оправдываясь, сказал:

— Я плачу не от боли, нет, я плачу от того, что дал себе слово не умереть, пока не убью хоть пять фашистов, а вот приходится умирать сейчас...

⁴⁵ Горбатов А. В. Годы и войны. № 5. С. 121.

⁴⁶ Там же. С. 114.

Красноармеец-санитар скороговоркой, как будто боялся опоздать, сказал ему:

— Ты из своего пулемета убил не пять, а может, пятьдесят. Я сам видел, как они падали от твоих очередей.

Не знаю, правду сказал санитар или хотел лишь успокоить умирающего, но после его слов раненый спокойно закрыл свои серые глаза и из них больше не текли слезы. И вот с такими людьми отступить!..»⁴⁷;

«Мы услышали новые артвыстрелы у противника.

— Наклоняйтесь ниже, это по нас, — сказал Гуртьев.

Окопчик был неглубоким, мы присели, но головы оставались над землей. Один из снарядов разорвался перед нами в десяти-пятнадцати шагах. Мне показалось, что я ранен в голову, но это была лишь легкая контузия. Гуртьев приподнялся, проговорил:

— Товарищ командующий, я, кажется, убит, убит, — и уронил голову мне на плечо. Да, он был убит. На память мне он оставил свою кровь на моей гимнастерке и фуражке. Эту гимнастерку и фуражку я хранил до конца войны»⁴⁸.

Написанные в жанре автобиографии, воспоминания «Годы и войны» содержат в себе важные сведения непосредственного участника событий. Глубокий психологизм книги, большая степень документальности, минимализм беллетристики и художественной образности направлены на то, чтобы сделать акцент на достоверность изображаемых событий и их «субъективную правдивость». Точен В. Лакшин в определении черт личности, позволивших Горбатову написать живую историю своей жизни, неразрывно связанную с войнами: «Он не принадлежал к числу славолюбцев, которые привыкли на людях кичиться одними победами, упиваться пением фанфар и ликовать. Ему больше помнились тяготы, потери, собственные и других командиров промахи, моменты высшей опасности на войне. И если он чем гордился, то тем, что упрямо преодолевал их»⁴⁹.

⁴⁷ Горбатов А. В. Годы и войны. № 5. С. 112.

⁴⁸ Там же. С. 126–127.

⁴⁹ Лакшин В. Голоса и лица. С. 357.

Принципиально важный для «Нового мира» и сопряженный с его основным направлением сюжет: документ враждебен стереотипам, факт разрушает легенды. «Новый мир» требовал от общественных деятелей и литературы не жизнеподобия и правдоподобия, но правды и достоверности. Публикуя документальную литературу — мемуары, письма, архивные материалы, — журнал тем самым формировал общественное самосознание своего читателя.

2.2. Журнал «Урал» начала XXI века

Роль журнала в России резко изменилась в новую социополитическую эпоху на грани XX и XXI веков, которая ныне оценивается весьма противоречиво и зачастую характеризуется как эпоха кризисная, и одним из сигналов «духовной ямы» называют гибель «толстого» журнала как феномена русской культуры. Характерны названия дискуссий, посвященных этой проблеме и проведенных на страницах «Дружбы народов»: «Продуктовый набор или осколок вытесняемой культуры?», «Литературные журналы — реальность и перспективы»⁵⁰.

Участники дискуссий, разделившись на две неравные группы (пессимисты с безусловностью преобладают), среди причин гибели (назовем спокойнее — изменения) российского литературного журнала называют разрушение тех его параметров, которые были обозначены выше: «Кризис журналов — в отказе от критики... без критики журнал перестал влиять на литературную ситуацию в целом. Журнал выпал из современного литературного процесса» (В. Бондаренко); «Кризис — в отношениях с читателями» (Е. Иванническая); «Толстые журналы — зеркало общей сыпи» (В. Курбатов); «Толстые журналы стали чем-то специальным, а не общечеловеческим» (А. Воскресенский).

⁵⁰ См.: Продуктовый набор или осколок вытесняемой культуры? // Дружба народов. 2005. № 1. С. 167–200; Литературные журналы — реальность и перспективы // Там же. 2007. № 4. С. 184–209.

Заслуживают внимания профессиональные прогнозы возможных судеб «толстых» журналов. Так, Б. Дубин, социолог литературы, считает, что «литература перестала быть центром интеллектуальной жизни», но это отнюдь не кризис, а просто другая форма ее существования. Сегодня нет единой литературы, «литератур стало несколько (глянцевая, как и сетевая, серийно-массовая и т. д., — одни из них); расслоились прежние читатели (многие отпали — устали, состарились, обеднели, отстранены на периферию)»⁵¹. Отсюда и другой формат существования российского журнала: литературные приложения, региональные издания, малые обзоры, дешевые тонкие журналы, «летучие» издания, ведомственные журналы и т. д.

Характерно, что в аннотируемых дискуссиях журнал «Урал» назывался неоднократно как единственный региональный журнал в контексте столичных общероссийских, и это является косвенным подтверждением того, что он сумел удержаться «на плаву», в какой-то мере сохранил свой статус «толстого» журнала, а не «продуктового набора», то есть сборника разрозненных, собранных по «альманачному» принципу текстов.

Региональный журнал обладает тем же типологическим набором черт, что и любой столичный «толстый» журнал. Но в основе его лежит отражение литературной ситуации региона, а также — при накоплении и концентрации литературных сил вокруг издания — формирование литературного процесса. В значительной степени специфику регионального «толстого» журнала определяет как литературная ситуация конкретного региона, так и тенденции общероссийского литературного процесса. Региональность диктует журналу свои правила, заставляя его менять свое направление, которое все же в любых условиях определяется системой «редактор — редколлегия — писатель — читатель».

Внешний сюжет, определяющий позицию журнала «Урал», явлен в открытых формах представления: слово редактора, слово (коллективное, деперсонифицированное) редколлегии, авторское

⁵¹ Дубин Б. Литература перестала быть центром интеллектуальной жизни // Дружба народов. 2005. № 1. С. 181.

слово одного из членов редакции, состав и характер рубрики, разовые акции журнала.

Главный редактор «Урала» того времени Николай Коляда — писатель, с именем которого напрямую соотносят состояние новой российской драматургии, режиссер, актер и художественный руководитель собственного «Коляда-театра» — нечасто публиковал свои произведения на страницах журнала. За все время его редакторства (1999–2010) вышло не более десяти публикаций, подписанных его именем, иногда с указанием поста, занимаемого в журнале. Характерно, что среди этих «выходов» главного редактора на страницы «своего» журнала лишь одна пьеса. Чаще это прозаические тексты — очерки («На Сахалин» (2000. № 7), «Чтобы помнили» (2007. № 4)) или рецензии (например, «Сила в правде» (2007. № 12)). Таким образом, Н. Коляда позиционирует себя больше в качестве руководителя/режиссера журнала, нежели его автора. Прямое слово главного редактора, обращенное к читателю, предваряет, как правило, тематические и специальные номера, которые по определению требуют разъяснений со стороны редакции.

Очевидна необходимость такого слова в юбилейном номере «Урала»: «Журналу “Урал” — 50 лет». Риторика «слова редактора» — сколок позиции и направления журнала. Тон Н. Коляды доверителен, интимен, выдержан в стилистике разговора, напоминая тональность не классики этого жанра (серьезное достоинство статьи «По случаю юбилея А. Твардовского»), но скорее обращения журнала «Юность» «оттепельных» времен к своему читателю: «Вот и в этом номере есть публикации совсем “стариков” и есть совсем “желторотая” молодежь. <...> Я родился и воспитывался в советское время, когда главным принципом было: “Молодым — везде у нас дорога, старикам — всегда у нас почет”. Пытаюсь всю жизнь придерживаться этого правила, потому что, в сущности, оно ведь замечательное — согласитесь»⁵².

Молодежный (то есть номер журнала, посвященный дебютным авторам с надеждой на открытие новых талантливых имен и предоставлением начинающим возможности публикации на страницах

⁵² Коляда Н. Журналу «Урал» — 50 лет // Урал. 2008. № 1. С. 3.

серьезного журнала) специальный выпуск 2005 года (№ 9) открывается статьей Н. Коляды с броским и двусмысленным названием «Колбаса молодежная». Статья — своеобразное подведение итогов спустя шесть лет с момента, когда Коляда стал главным редактором журнала. Это уже второй молодежный номер, что обнаруживает стратегическую линию журнала — ставку на молодых. И заголовок, и эпиграф, и постановка вопроса в первом абзаце: «И вообще, есть ли какой-то смысл в том, что где-то в провинции раз в месяц выходит толстый (265 страниц!) литературный журнал?»⁵³, и дальнейший стиль изложения — все это направлено на эмоционально-психологическое сокращение дистанции между журналом и его читателем.

Кроме «сольного» голоса редактора, на страницах журнала появляются выступления, подписанные как кем-то из литературных сотрудников журнала, так и редколлекцией. Всякий раз это особенный случай, требующий комментария: тематический, необычно сформированный номер журнала, новая рубрика, юбилей и т. д. С точки зрения содержания это всегда объяснение-комментарий. Но стиль и отношение к адресату (чаще — установление отношений с адресатом) могут меняться и от номера к номеру, и от повода к поводу. Так, номер, посвященный немецкой литературе (2000. № 7), предваряется обращенным к читателям «Словом редакции». Это краткий, интонационно спокойный, информативный текст, поддерживающий дружеский тон со своим читателем: «В этом номере нам хотелось рассказать о взаимопроникновении, взаимообогащении культур разных народов, поведать нашим читателям чуть побольше о сегодняшней культуре немецкоязычных стран»⁵⁴.

Иначе воспринимается статья «Дорогие читатели!», открывающая специальный номер «Урала», посвященный андеграундному искусству конца 1980-х. Смешивая клише того времени и современные растиражированные формулировки, автор статьи добивается эффекта абсурдного по форме сообщения при довольно очевидном содержании: «Человек Логический (вывернуто-негативный мозгополушарный антипод художника), подумав, сказал: “Бога нет”,

⁵³ Коляда Н. Колбаса молодежная // Урал. 2005. № 9. С. 3.

⁵⁴ Дорогие читатели! // Урал. 2000. № 7. С. 3.

но оказалось, что есть не только Бог, но есть также и Нет. И оно, это Нет, в критических фазах гиперциклов порождает турбулентность, так что появляется Нечто. Художник-то и есть реинкарнация этого Нечто. Сначала турбулентность, потом — бумага, холст, тушь, масло, багет, мольберт, кубисты, модернисты, постмодернисты, искусствоведы»⁵⁵. Таким образом, с первой же страницы читатель вовлекается в «игру в 1987 год», которая будет вестись на площадке журнального текста и с героями журнала (художники и другие культурные деятели конца 80-х годов), и с читателем. Продолжает эту игру опубликованный на следующей странице после слова редакции словарь «Терминариум»: «установление правил», заявленное в преамбуле, ведет к «договору» с читателями о терминологии.

Активно используется в журнале тактика выступлений сотрудников с собственными комментариями. Так, Сергей Беляков, один из ведущих критиков «Урала», открывая рубрику «Господин Бестселлер», аргументированно обозначает причины появления и идею новой рубрики. А молодежные и альтернативные номера уже традиционно предваряются статьями Андрея Ильенкова, который задает «первую ноту» для читателя ежегодного необычного номера, рассуждая с ним то о скоротечности времени («Вспоминая 99-й». 2005. № 9), то о пространстве понятия «молодежная литература» («****», 2006. № 9), то о «принципе вселенской гармонии» («****». 2007. № 9). Степень личного присутствия в таких текстах всегда (за редким исключением) нескрываемая и максимально высока.

Не менее очевидным, нежели «Слово редактора» и «Слово редколлегии», проявлением журнальной стратегии является тип и характер номинации разделов журнальной книги. Рубрикатор — основа единства журнала на протяжении его существования и в то же время его структурирующее начало. Разделы прозы и поэзии, критики и публицистики содержит любой «толстый» журнал, и «Урал» здесь не исключение. Однако своеобычность журнала «Урал» являет себя, во-первых, в существовании нетрадиционных, так называемых плавающих рубрик и, во-вторых, в структурировании и оформлении не ординарных, а специальных выпусков.

⁵⁵ Дорогие читатели! // Урал. 2007. № 4.

Список временных рубрик, одни из которых появляются и исчезают, а другие возвращаются в журнал спустя время, достаточно велик: «Последний киносеанс», «Портрет», «Тени забытых предков», «Мемуарчики», «Былое и думы», «Три толстяка», «О, дивный книжный мир!», «Складчина» (появляющаяся/исчезающая рубрика в отделе поэзии) и т. д. Здесь журнал очень мобилен. Если редколлегия чувствует, что произведение, подготовленное к публикации, нельзя включить ни в одну из существующих рубрик, создается еще одна. Характерен пример с введением рубрики «Евразия», в рамках которой в нескольких номерах публиковались пьесы, отобранные к участию в драматургическом фестивале, тогда как публикуемые в течение года драмы выходили в рубрике «Проза и поэзия». Редакция внимательно следит за тем, чтобы вести читателя по страницам журнала: если появляется новая постоянная (с той или иной регулярностью) рубрика, ее всегда предваряет слово редакции или ответственного за нее литературного сотрудника, специальные номера также всегда открываются словом редколлегии или редактора.

Практика формирования специальной или тематической журнальной книжки стала тотально распространенной среди «толстых» российских журналов в последние десять-пятнадцать лет. Раньше это было исключительным случаем, целостность номера создавалась благодаря внутреннему и постоянному единству направления, которое и определяло лицо того или иного журнала, будь то, скажем, «Новый мир» или «Октябрь», «Юность» или «Молодая гвардия». Постоянное нарушение привычного содержательного формата связано, видимо, с необходимостью разнообразить приемы привлечения читательского внимания. Все специальные выпуски «Урала» можно объединить в несколько групп: молодежные, экологические, национальные (в 2000-е годы вышло 5 номеров, посвященных литературе и культуре отдельной нации: немецкой (2000. № 7), американской (2001. № 6), французской (2002. № 6), нидерландской (2002. № 9) и еврейской (2004. № 11)) и номера, приуроченные к значительным событиям или юбилейным датам. Выход некоторых специальных номеров (например, молодежных и экологических) стал ежегодным периодическим событием, а формирование номера, посвященного определенной дате, является разовым проектом (например, № 11

за 2002 год приурочен к 150-летию со дня рождения Д. Н. Мамин-Сибиряка; № 5 за 2004 год посвящен 80-летию и памяти В. П. Астафьева).

История тематических выпусков «Урала» под редакторством Н. Коляды началась с молодежного номера (1999. № 9), который должен был продолжить идею, впервые реализованную еще в 1988 году, когда был издан знаменитый экспериментальный номер (1988. № 1), необычный во всем: от способа расположения материала до характера соотношения вербального и визуального рядов и, конечно, до самих отобранных к публикации текстов, к которым применимо определение В. Курицына: «уральская литература новой волны». В конце 1980-х этот опыт оказался очень удачен: о публикациях номера много говорили и писали.

Чувствуя необходимость появления на страницах журнала новых литературных сил, редколлегия выработала решение возобновить выход подобных выпусков. Обращаясь к читателям экспериментального номера 1988 года, В. Лукьянин, главный редактор журнала того времени, писал: «Произведения этого номера необычны, прежде всего, своей образной сутью, формой выражения художественных идей, способом превращения жизненных впечатлений в “вещество” искусства...» — и отмечал, что, «наряду с дебютантами в номере выступают писатели, уже завоевавшие определенную известность и авторитет своими прежними публикациями»⁵⁶. Этот принцип наследуют и молодежные номера рубежа веков. В журнале 1999 года редколлегия выносит на обложку подзаголовок «Молодежный. Новая литература», закрепляя именно такую номинацию за последующими номерами подобного рода.

Благодаря экспериментальным номерам, в которых произведения, не вписывающиеся в обычный номер, образуют собственный текст, «Урал» с большим успехом выполняет поисковую функцию «толстого» литературно-художественного журнала — открытие новых авторов для читателей. Некоторые из них имеют публикации только в молодежных номерах «Урала». Любопытно, что журнал в некоторых случаях дистанцируется от своего автора. Например,

⁵⁶ Лукьянин В. К читателям // Урал. 1988. № 1. С. 1–2.

предвидя споры и осуждение со стороны читателей по поводу публикации романа «Черная бабочка» Д. Шкарина, редакция посчитала нужным не только дать редакционный комментарий, но и напечатать произведение мелким шрифтом. Одновременно в авторский состав номеров «новой литературы» входят и писатели с именем. Например, рассказы А. Верникова были опубликованы в первом экспериментальном номере за 1988 год, после чего его произведения стали активно публиковаться в столичных журналах, выходить книгами, однако его текст синтетического жанра «Летать как птица (Как научиться?)» о том, «чем похожи птицы и люди», вошел и в молодежный выпуск 2006 года.

Журнал общается с читателем не только посредством слова. Существует и визуальный код, считываемый при первом же взгляде на издание. Изображения всегда сопровождаются текстовыми комментариями, что создает так называемый креолизированный текст. В традиции «толстых» журналов заложено отсутствие иллюстраций и строгий дизайн (хотя в истории журналистики встречаются и значительные исключения). В этом отношении «Урал» отходит от общепринятого, причем в некоторых проявлениях — весьма радикально. Во-первых, изображение появляется на обложке журнала, и это изображение может обыгрываться. Так, на обложке молодежного номера вместо яркой стрелки, нарисованной поверх земного шара, изображена протыкающая его вилка. Во-вторых, в каждом специальном выпуске тексты сопровождаются иллюстрациями. Наиболее характерный пример, безусловно, альтернативные номера, максимально чуждые академизму. В первую очередь это номер журнала, посвященный главным образом андеграундным художникам, их знаменитой выставке 1987 года на ул. Сурикова, 31, а также литераторам эпохи «позднего застоя» (2007. № 4).

Анализ внешней стратегии «Урала» позволяет сказать, что журнал делает ставку на непринужденный, неформальный, неофициальный, неакадемичный стиль общения, благодаря чему он становится в какой-то мере журналом, ориентированным на новую литературу, на поколение литераторов, создающих ее. Порой «Урал» начала века стоит вплотную к той грани, когда его формат близок к формату молодежного журнала, правда, в том понимании, которое вкладывают

в него главный редактор и редколлегия: «Этот номер мы называем “альтернативным”. Среди его участников — и действительно очень молодые люди, и давно прославленные уральские писатели, некоторые из которых частично даже подзабыты литературной тусовкой — возможно, из-за того, что они теперь более увлечены собственно литературой, чем собственным пиаром. Главное, что объединяет авторов, — попытки искать новые возможные векторы развития литературы»⁵⁷.

Род занятий (драматург, актер, режиссер) и творческое поведение (личность театральная) главного редактора добавляют еще один штрих к облику журнала — склонность к игровым взаимоотношениям с читателем и авторами, эффектность жестов. Например, это юбилейные (к 50-летию журнала) «соревновательные» публикации авторов разных поколений под общей шапкой «Век минувший — век нынешний», в которых могут «сталкиваться» Кс. Некрасова и Евг. Изварина, Б. Марьев и В. Месяц. Во многом специфичному художественному образу мышления Коляды журнал «Урал» обязан и более частыми публикациями драматургических произведений на своих страницах (что редкость для «толстых» журналов: этот род литературы отдается на откуп специализированным изданиям), и явному стремлению оставаться в постоянном непосредственном диалоге с читателем, а также с современной литературой и, шире, культурой.

Официальным магистральным направлением и провозглашаемым лозунгом журнала «Урал» является традиционный для изданий такого типа девиз: печатать лучшее из уральской литературы. Поскольку Коляда занял пост главного редактора в непростой (очередной непростой) для журнала момент, ему пришлось выбирать дальнейшую тактику работы с авторами очень быстро. Как правило, в таких ситуациях может быть два выхода: публиковать надежных и проверенных авторов, которые уже имели успех у читателей, или работать с «молодыми» авторами, помогая новым лицам в литературе донести свои произведения до читателя. Редколлегия «Урала» во главе с главным редактором совмещает оба тактических варианта:

⁵⁷ Ильенков А. ***** // Урал. 2006. № 9. С. 4.

наряду с произведениями тех авторов, которые печатались и в предыдущие десятилетия, интенсивно публикуются «молодые» писатели.

Таковыми открытиями «Урала» стали К. Костенко, Д. Шкарин, А. Матвеева, А. Ильенков, Д. Бавильский, Б. Телков, А. Кирьянова, Д. Симонова, Е. Пинаев, драматурги «школы Н. Коляды». Некоторые из этих писателей уже имеют собственные книги, но их творческая судьба неразрывно связана с «Уралом», они составляют новую уральскую литературу. Однако множество новых лиц не нарушило преемственность традиций «Урала». В нем продолжают публиковаться и те писатели, которых открывал журнал периода редакторства В. Лукьянина: А. Чуманов, А. Новиков, М. Немченко, А. Титов, И. Давыдов, В. Блинов, М. Никулина, Н. Горланова, В. Буккур, Л. Усыскин, А. Матвеев.

Чрезвычайно симптоматичен в этом смысле тот круг авторов, к которому обратился журнал при проведении анкеты о судьбе «толстых» журналов в России в XXI веке, — анкеты, приуроченной к 45-летию юбилею журнала⁵⁸. Это писатели и критики, пришедшие в «Урал» еще в «оттепельные» времена, в 1960-е и 1970-е годы: Н. Никонов, М. Никулина, Ф. Вибе, Г. Дробиз, Н. Лейдерман, В. Лукьянин, Л. Быков. Но также это и те, кто пришел в журнал на рубеже XX и XXI веков: Евг. Изварина, А. Матвеева, Ан. Новиков. Не менее важно и то, что на вопрос журнала, на страницах которого все названные писатели и критики обрели свое литературное имя, — «Как вы думаете, продолжится ли в России век “толстых” литературных журналов или в ближайшем будущем их роль и значение будут и дальше ослабевать?» — ответ был скорее «нет», чем «да». В размышлениях литераторов провинции нет категоричности, характерной для столичного журнала, а есть ощущение необходимости журнала для поддержания литературной атмосферы, для существования некоего энергетического духовного центра, что М. Никулина формульно определила следующим образом: «Выживут ли наши толстые журналы или вымрут, зависит только от того, останемся ли мы сами собой или, поддавшись массовой (в том числе и газетно-журнальной) обработке, счастливо

⁵⁸ См.: Урал. 2003. № 1–2.

согласимся с тем, что наша самобытность и самостоятельность нам неинтересна и невыгодна»⁵⁹.

О. Славникова еще категоричнее в определении роли современного регионального журнала: «Между тем “Урал” в каком-то смысле более важен, чем “Новый мир”. Существование столичных “толстяков” под вопросом: их авторы бесперебойно издаются книгами, и журнальный носитель текстов теряет значение. В регионах ситуация иная. Задача регионального литературного журнала — не конкурировать с “Иностранкой” или “Амфорой”, прекрасно издающими переводную литературу, но сохранять региональный литературный процесс. Иными словами, печатать местных уральских авторов и, значит, быть непровинциальным — быть самим собой»⁶⁰.

Внутренний сюжет реализации социокультурной позиции журнала «Урал» являет себя, кроме выбора своих авторов, и в определенных жанрово-родовых предпочтениях. Жанровый реестр журнальной книжки, жанровая наполненность традиционных разделов «Проза», «Поэзия», «Публицистика» и т. д., появление поисковых рубрик, предполагающих использование специфических жанровых образований, существование системы доминантных жанров и фоновых, периферийных, — все это также становится и знаком состояния литературного процесса региона, и знаком определенной политики редакции.

Для «Урала» начала XXI века характерно особое внимание к драматургии, что «толстым» журналам в принципе не свойственно. «Урал» — едва ли не единственный российский «толстый» журнал, активно публикующий драматургические произведения. Это одна из самых выразительных черт журнала, придающая ему индивидуальность, и одно из явных проявлений личности главного редактора (в быту именующего себя «солнцем русской драматургии») в формировании художественной тактики журнала. Содержание драматургического блока журнала составляют пьесы учеников Н. Коляды: В. Сигарева, О. Богаева, А. Архипова, К. Костенко, З. Деминой,

⁵⁹ Никулина М. Ответ на анкету журнала «Урал» // Урал. 2003. № 1. С. 5.

⁶⁰ Славникова О. Часть всего : Открытое письмо к читателям журнала «Урал» // Архив журнала «Урал». 2005. Рукопись не опубликована.

П. Казанцева. Кроме того, поскольку «Урал» стал одним из соучредителей драматургического конкурса «Евразия», а также фестиваля современной драматургии «Коляда-Plays», в первой половине года (перед конкурсом) на его страницах в течение нескольких номеров публикуются избранные произведения, присланные на конкурс.

Очевидно, что в первую очередь драматургию журнала «Урал» и всю «уральскую драматургическую школу» характеризует творчество главного редактора журнала Н. В. Коляды, несмотря на то что в журнале за все время его редакторства была опубликована лишь одна его пьеса — «Старая зайчиха» (2006. № 8). Главные герои этой пьесы, два артиста преклонных лет из провинциального театра, сыгравшие на своем веку множество второстепенных ролей, «звезды массовки», вновь оказываются наедине спустя много лет после расставания. Эти персонажи, Он и Она, одинокие, непонятые, несчастные, непризнанные, боящиеся своей старости и ненужности, в первый и последний раз в жизни проходят катарсическое очищение через понимание своих истинных желаний и места в жизни, через собственное личностное, социальное и профессиональное унижение. Люди, не завоевавшие значительного общественного статуса, опускающиеся на социальное и духовное дно жизни, типичны для пьес Н. Коляды и всей драматургии «новой волны». Таков конфликт и таковы герои пьес его учеников, например, опубликованных в «Урале» произведений Златы Деминой («Бог любит»), Олега Богаева («Тридцать три счастья»), Вадима Леванова («Святая блаженная Ксения Петербургская в житии (Пьеса в клеймах)'), Василия Сигарева («Пластилин»).

Общие черты драматургической школы проявляют себя и в нарочитой установке на игровое начало, открытой условности обстоятельств, в которых оказываются герои, при полной реальности человеческих чувств и реакций. В пьесе Ольги Паутовой «Берлинские кролики» (2003. № 2) главным героям присвоены имена Джон и Таня, которые напрямую ассоциируются с Евгением и Татьяной. «Русскость души» Тани в этой пьесе автор делает утрированно очевидной путем географической дистанции: Джон живет в Канаде и не говорит по-русски. Большая часть действия происходит в пространстве самого языка, который разбирается на конструкции,

характерные и нехарактерные для русского языка, имея в виду непереводимость иронического слова. Пьеса состоит из нескольких небольших диалогов Джона и Тани, в которых Джон всякий раз как будто силится понять ее «русскую душу», но не может этого сделать, поскольку его американская модель поведения совсем иная. Эти герои не опущены на социальное дно, здесь нет четких, обрисованных автором декораций и обстоятельств действия — просто беседы двух не понимающих друг друга людей. В значительной степени пьеса Паутовой приближается к стремительно развивающемуся на волне успеха «новой драмы» жанру «пьесы для чтения».

Драматургия журнала «Урал» не только соотносима с общероссийской, не только встраивается в нее, дополняя, но и в чем-то определяет ее стратегии. Однако трудно оценить реальное влияние на общую ситуацию публикаций пьес именно в «Урале», хотя неоспоримым фактом является то, что наиболее успешные пьесы были в свое время опубликованы именно в нем: «Марьино поле» О. Богаева, «Пластин» В. Сигарева, «Клаустрофобия» К. Костенко и др. Но в данном случае становится наиболее очевидной все еще работающая инерция: популярность приходит к автору по-прежнему через столичную публикацию.

Основная трудность, возникающая при рассмотрении прозы журнала, состоит в том, что ее сложно охарактеризовать в целом, поскольку в «Урале» возможна публикация в одном номере таких, например, полюсных и мировоззренчески, и художественно авторов, как А. Чуманов и Ю. Кокошко. Журнал предоставляет свои страницы авторам разных направлений и школ: от социально-психологического реализма до постмодернизма.

Еще одной особенностью прозы «Урала» начала века можно назвать дефицит крупной прозаической формы. В течение 2007 года было опубликовано два романа — «Лето любви и смерти» А. Аде в двух номерах и «Страсти по Икару» В. Турунтаева в одном. В 2006 году — вновь два романа, один из которых — роман воспоминаний «Похвальное слово Бахусу, или Верстовые столбы бродячего живописца» Е. Пинаева (четвертая книга). Немного увереннее крупная форма появлялась в 2004–2005 годах — до четырех романов в год.

В этом региональная литературная ситуация соответствует общероссийской: крупная форма на рубеже веков вновь претерпевает кризисные изменения (исключение составит массовая литература). Ни один из упомянутых и не упомянутых романов (кроме романа «Небеса» Анны Матвеевой, опубликованного отдельной книгой) не стал знаковой публикацией журнала за тот или иной период.

В обрисовке прозы ограничимся анализом тех жанров, в рамках которых особо отчетливо проявляет себя региональная специфика журнала «Урал». Это повесть, основанная на мифопоэтике края, краеведческий очерк различных модификаций и мемуарная проза. В свое время успех к А. Матвеевой пришел благодаря публикации в журнале ее повести «Перевал Дятлова», в основе которой лежит широко известная, быстро ставшая легендой Урала история таинственной гибели группы студентов-туристов, «дятловцев». С момента событий прошло много лет, но, поскольку загадка осталась неразгаданной, она не только породила множество разговоров и домыслов, но и стала сюжетообразующей еще для одного прозаического произведения — «Охоты Сорни-Най» А. Кирьяновой. Художественному мышлению Анны Кирьяновой свойствен мистицизм, через который персонажи ее произведения прикасаются к непостижимому космосу человеческого бытия. Не случайно публикация предваряется комментарием «От редакции», который предупреждает читателя: «Реальные студенты-дятловцы также не являются прототипами героев романа. Один из персонажей только потому стал однофамильцем Игоря Дятлова, что за прошедшие полвека эта история успела превратиться в настоящий уральский миф. Теперь, как любая мифология, она подлежит не только научному изучению, но и эстетическому переосмыслению»⁶¹.

С особой интенсивностью и художественной оправданностью региональная специфика осуществляет себя в жанре очерка. Краеведческими задачами обусловлен массив этнографических публикаций об Урале и его природных богатствах, экономических, социальных и политических возможностях.

⁶¹ От редакции // Урал. 2005. № 6. С. 6.

Специфичным жанровым явлением для «Урала» стал экологический очерк, который фактически получил статус самостоятельного жанра и образует выделяемый самой редакцией сверхтекст, поскольку в подшивке журнала есть специальные номера с подзаголовком «Природа и человек: возможно ли равновесие?». Очерк на экологическую тематику обнаруживает геопозитическую доминанту. Во-первых, с точки зрения геопозитики всякая литература зависит от пространства, топонимо-географической данности: происходит момент взаимодействия и единства ландшафта (гео-) и литературной формы (поэтика), концептуализации территории, определения набора ключевых черт края и развития их художественных возможностей в литературе. Вследствие этого взаимодействия рождается некий художественный образ географического пространства как единого целого⁶².

В этом отношении журнал развивает тезис «Урал — опорный край державы» во всех смыслах: от идеи выражения лучшего в современной литературе до призыва беречь то, что на Урале развивалось веками (промыслы, природные богатства, культурное наследие). Можно утверждать, что многократное обращение «Урала» к теме природоохранной необходимости породило закономерное появление соответствующих ежегодных спецвыпусков.

Первый специальный выпуск журнала «Урал» с подзаголовком «Природа и человек: возможно ли равновесие?» и одноименной рубрикой, занимающей центральное место в этом выпуске, вышел в 2004 году. В этом же номере (2004. № 8) опубликован отчет о «круглом столе» в екатеринбургском Доме ученых, название которого и было позаимствовано для ежегодных специальных номеров. Основу специальных номеров составляют экологические очерки, сохраняющие все жанровые черты неспециализированного очерка, но применительно к конкретной тематике — экологическому состоянию уральской природы и всей России.

Двуединая природа очерка — сплав документального и художественного — очевидна и в очерке «Живая вода. Потекут ли ураль-

⁶² См.: Абашев В. В. Геопозитический взгляд на историю литературы Урала // Литература Урала: история и современность : сб. статей. Екатеринбург, 2006. С. 17–30.

ские и сибирские реки вспять?» (2004. № 8) Сергея Парфенова, одного из постоянных авторов «Урала». Центральная тема задана в подзаголовке — автор анализирует и оценивает «природоустроительные» идеи государственной значимости. Композиционное и логическое развитие очерка строится на последовательном анализе конкретных примеров и выходе к выводам обобщающего характера. При этом вступление к документальному, по сути, очерку вполне художественное. Оно обнажает субъективное переживание героя, обретающее статус некоего микросюжета: «Так вот, исследуя однажды речку своего детства, я заметил в густом ивняке, обступившем июльское мелководье, дивный и заманчивый омут... Мигом охватил рыбацкий азарт, аж засосало под ложечкой...»⁶³ В этом очерке исследовательское начало, требующее объективности, соединяется с глубоко индивидуальным, что находит свое отражение и в отборе фактов из области экологии, и в стилистике, в которой выдержано произведение.

Экологических специальных выпусков за время редакторства Н. В. Коляды вышло четыре. Каждый раз подзаголовок специального номера вынесен на обложку журнала, а название журнала окрашивается в зеленый цвет. Оказываясь в окружении художественных произведений, экологические очерки начинают функционировать немного иначе, приобретают большую «литературность». Хотя, может быть, эти связи сугубо окказиональны, случайны. Поэтому в большинстве случаев в каждой отдельной книжке журнала, которую читатель воспринимает как целостный текст, экологический блок представляет собой своеобразный журнал в журнале, состоящий в системных связях с журнальной книжкой в целом.

Внутри экологических очерков существует множество индивидуальных жанровых вариаций. Так, например, очерки О. Капорейки (инициатора экологических специальных выпусков журнала), скорее, наследуют традицию «Записок охотника» Тургенева. Такая ассоциация возникает в первую очередь из-за жанровых особенностей очерка. Очерк «Гончак, сын Флейты и Фагота» (2007. № 8) представ-

⁶³ Парфенов С. Живая вода : Потекут ли уральские и сибирские реки вспять? // Урал. 2004. № 8. С. 68.

ляет собой образец художественной публицистики с простроенной фабулой и попыткой выписать характеры. С лирическим рассказом можно сравнить и очерк О. Капорейки «Птицы вы мои, тетерева!» (2006. № 8): «Ждешь, когда я наконец-то вспомню о тетеревах? Да, о них есть что рассказать. Тем более что я не только множество раз слышал их азартную игру, но и наблюдал за их ристалищами много весен в самой близи. Что говорить, без этих птиц лес не лес, да и весна не весна, это уж точно!»⁶⁴ С первых же строк задается тон интимного диалога автора и читателя. Здесь совсем нет явной публицистической тенденциозности, но она тем очевиднее, чем больше намеренно скрыта. За лирическим любованием природой проступает сожаление о том, как стремительно исчезают птицы из леса.

Три первых специальных выпуска «Урала» состояли только из экологических очерков, представлявших собой в большей степени специальную рубрику. В четвертом выпуске в эту же рубрику уже включены поэтические произведения, что, во-первых, придает рубрике значение журнала в журнале, во-вторых, контекстуально задает иную парадигму прочтения очерков — в русле традиционной для русской литературы концептуализации природы, и, в-третьих, напрямую связывает тематику очерков с новой волной актуализации экологической проблематики в современной литературе. Так, в № 8 за 2007 год опубликованы стихотворения Н. Мережникова соответствующей тематики и отрывок из поэмы Н. Буйносовой «Вода живая».

Как уже говорилось, начальной точкой систематических публикаций на экологическую тему на страницах «Урала» послужил «круглый стол». В. Лукьянин (главный редактор журнала в 1980–1990-е годы) обработал материалы «круглого стола» для публикации их в журнале. Предваряет этот материал эпиграф — афористичная фраза Эрнста Фейхтерслебена, которая может обобщить весь массив публикаций журнала под заголовком «Природа и человек»: «Весь секрет продления жизни состоит в том, чтобы не укорачивать ее»⁶⁵.

⁶⁴ Капорейко О. Птицы вы мои, тетерева! // Урал. 2006. № 8. С. 87.

⁶⁵ Лукьянин В. П. Природа и человек: возможно ли равновесие? : «Круглый стол» в екатеринбургском Доме ученых // Урал. 2004. № 8. С. 84.

Действительно, таков пафос всех без исключения экологических очерков журнала «Урал»: «Время стихийного и бесшабашного отношения к окружающей природной среде, в том числе к ее важнейшему объекту — животному миру, все-таки должно пройти. Природопользование должно осуществляться строго на научной основе и с учетом международного опыта. На новых принципах должно вестись и охотничье хозяйство в современной России»⁶⁶.

Существует два способа создания эмоционального напряжения в таких тематических очерках. Во-первых, это может быть сам отбор фактов, который с помощью фоновых знаний создаст сильный эмоциональный диссонанс: авторы фактически подписывают смертный приговор человечеству. Во-вторых, собственно авторская публицистическая риторика, которая направлена на то, чтобы вызвать эмоциональную реакцию на прочитанное. Здесь и множество риторических вопросов, и обращения, и ужасающие или, наоборот, оптимистичные прогнозы. Сохранение и приумножение не только культурного и научно-технического богатства, но и естественных, природных ценностей России в целом и Урала как одного из самых богатых природными ресурсами края — закономерно ключевая тема экологических очерков регионального журнала.

Параллельно и в диалоге с природоохранной тематикой возникает идея просвещения читателя в вопросах истории региона, города, земли, а также этнографии края. Изысканные художественно-публицистические очерки О. Бухаркиной, посвященные истории Екатеринбурга, можно охарактеризовать как путеводитель по старому городу. Конечно, они представляют интерес только для жителя Екатеринбурга, поскольку только он может сравнить, что было и что стало с обликом города. Но, с другой стороны, автор сопровождает рассказ едва ли не о каждом строении вымышленной микроисторией (без всякой претензии на историзм), что добавляет элемент эссеистичности произведению и делает его универсальным относительно этнографии.

Все эти разные по жанрам, теме и направлению публицистические произведения объединяет то, что они, при всем стилевом

⁶⁶ Воронин Б. Мечты? Несбыточно? А жаль!... // Урал. 2006. № 8. С. 98.

и авторском многообразии, создают мощный культурный фон для региональной идентичности, собирания и архивирования всего уникального культурного наследия региона, а также планомерно знакомят читателя с духовной историей его земли. Отсюда множество портретов культурных, общественных и научных деятелей Урала, ежегодные публикации на тему театральные итоги сезона, музыкальные очерки и т. д.

Любопытно, что журнал «Урал» не может наверняка определить статус мемуарной прозы. Рубрика «Без вымысла», которая создавалась специально для произведений документальных жанров, стала плавающей: несколько лет ее вообще не было, но затем она начала нерегулярно возвращаться на страницы журнала. А произведения, которые потенциально возможно поместить в эту рубрику (мемуары, дневники, воспоминания и пр.), оказываются среди либо художественных произведений, либо публицистических: происходит размывание границ документального. Это может быть связано как с общей установкой современности на литературу non fiction, так и с внутренними процессами в художественной практике журнала.

Отделом поэзии журнала «Урал» периода Коляды заведовал Н. Мережников, один из «старожилов» журнала. Учитывая региональную специфику издания, он постоянно работал над необходимостью показать не только поэзию Екатеринбурга, но и Урала в целом, в результате чего на страницах журнала регулярно появлялись подборки стихотворений, объединенные одним топом. В 2001 году была опубликована подборка каменск-уральских поэтов «Каменск-Уральский: виражи трехсотлетия», приуроченная к празднованию юбилея города (№ 6), а в 2007 году — подборка «Поэты Качканара» к празднованию 50-летия этого города (№ 5). Большинство из опубликованных поэтов впервые увидели свои стихи напечатанными в «центральной» журнале, но большая часть этих авторов более не публиковалась. Тем не менее такие характерные подборки еще раз подтверждают целенаправленное внимание журнала к областной литературе.

Однако именно поэзия не столько демонстрирует свою местническую принадлежность, сколько дает поколенческий срез, характерный для всей литературы Урала начала XXI века.

М. Найдич, Н. Мережников, М. Никулина (которая, и это важно, всегда стояла особняком) — «старшее» поколение поэтов «Урала», сформировавшееся еще в годы «оттепели». Это поколение, чьи границы определяли такие — уже ушедшие — поэты, как Б. Марьев (публицистическая поэзия) и А. Решетов («тихая лирика», если пользоваться «оттепельной» терминологией), чутко чувствует жанровый канон и придерживается традиционной жанровой системы русской лирики: от поэмы до элегии, от стихотворного рассказа до философской миниатюры и пейзажной зарисовки:

Я буду воздух пить весенний,
С рекой я будет говорить.
Ну, пусть не ждет: природа — сфинкс!
Ей состраданье не присуще.
Она все тот же исполин,
Объемлющий моря и суши⁶⁷.

Пик творческой активности второго, «среднего», поколения поэтов журнала «Урал» — поколения преимущественно 40–50-летних — пришелся на начало редакторства Н. Коляды, и это наиболее сильные представители поэтического раздела журнала, уже признанные мэтры уральской литературы, характеризующие уральскую поэтическую школу: Ю. Казарин, Е. Касимов, О. Дозморов, А. Ильенков, Б. Рыжий и др. Становление этого поколения совпало с лидерством постмодернизма, с одной стороны, и с официальным господством соцреализма — с другой, что своеобразно претворилось в жанрово-стилевых предпочтениях.

Так, например, поэзию Ю. Казарина, ученого-лингвиста, характеризует невероятная текстовая емкость, его стихотворения культурологичны и филологичны, что влечет за собой неизбежную повышенную литературность, соединенную с усложненной метафоричностью поэтического мышления. В результате текст поэта обладает свойством постоянного разворачивания и расширения смыслового поля. «Плотность» письма порой делает стихотворение

⁶⁷ Мережников Н. Стихи // Урал. 2004. № 8. С. 118.

ребусом, добавляя формальной тяжеловесности, некой трудной монотонности, связанной с напряженной работой мысли и зрения:

Это суши и тверди прирост,
столкновение зора и взгляда.
И мерцает значение звезд
в шаровой болтовне снегопада⁶⁸.

Сам о себе Ю. Казарин говорит: «Я — человек книги», считая стихотворную книгу магистральным жанром поэзии, поэтому журнальные подборки этого поэта чаще всего составлены из стихотворений другого любимого им жанра — лирической миниатюры. Ю. Казарин сотрудничал с «Уралом» периода Н. Коляды совсем недолго: после 2003 года его стихотворения практически не печатаются (только в коллективных подборках), что, кроме внелитературных, объясняется и собственно художественными причинами. Мысля поэтическими книгами, поэт предпочитает публиковаться именно в этом формате.

Традиции поэзии серебряного века, прежде всего акмеизма, сильны и очевидны в творчестве поэтов этого поколения, отсюда — чаще почтительный, редко дерзко-игровой — диалог с классикой. (Видимо, есть смысл сказать, что почти все поколение этих поэтов — профессиональные гуманитарии, закончившие Уральский и другие университеты). Характерна поэтика названия одной из публикаций О. Дозморова — «Маленькие стихотворения». Они равновелики по форме — два четверостишия, которые вполне способны передать созерцательное состояние лирического героя. Эти стихотворения в журнале образуют цикл, сделанный по классической модели крупного жанрового образования: его скрепляет в художественное целое единая элегическая интонация и традиционный внутренний сюжет вечного закона кругооборота природы, лирической констатации погружения мира в осеннее уныние и зимний сон: «Что зима — это только предзимье, / а природа совсем хороша, / и в душе верховодит унынье, /и печали желает душа».

⁶⁸ Казарин Ю. Начало века: поэтическая мозаика // Урал. 2002. № 1. С. 44.

Поколение поэтов, которое дебютировало в период редакторства Н. В. Коляды, воспринимает литературу как «акт современного искусства», зачастую требующий социализации, «проекта» (В. Чепелев, Т. Трофимов и др.). Наиболее характерным примером может служить творчество В. Чепелева, который известен не только как поэт, но и как культуртрегер. Это соответствующая рубежу веков «интерактивная» поэзия: поэт существует и обретает себя не в тексте, а в реальности, поэзия становится хроникой жизни реального мира, который все в меньшей степени подвергается художественной интерпретации. Отсюда явный и нарочитый отказ от конвенций русской поэзии, в том числе и жанровых (явление, периодически возникающее в поэзии XX века — от авангарда начала до авангарда конца этого века). Поэт отказывается от лирического героя как носителя авторского сознания, включает самого себя, бытующего в мире, в стихотворение. Сам строй «естественного языка», который присущ верлибру (а большинство стихотворений Чепелева написаны именно верлибром), сближающему поэзию с прозой, провоцирует на ослабление законов поэзии в каждом конкретном произведении. И в каждом стихотворении происходит борьба традиции (лирический герой, поэтическая форма) и своеобразного поэтического мышления В. Чепелева (и многих других молодых поэтов). Показателен и авторский литературный проект В. Чепелева «Литературрентген» — публичные поэтические чтения со своим внутренним конкурсом, основная задача которого — выявление молодых талантов.

Говоря об «Урале» поэтическом, невозможно не назвать имени Бориса Рыжего, хотя в этом журнале его стихотворений опубликовано значительно меньше, чем в «Арионе», «Звезде» или «Знамени», хотя бы потому, что сотрудничество поэта с журналом прекратилось достаточно быстро из-за разногласий с главным редактором. Столкнулись два художника, выражающие себя не только в творчестве, но и в творческом поведении. Скажем только, что в основе жанровой системы Б. Рыжего лежит романсовая поэтика («...есть только музыка одна») при активном подключении диалога с традицией жанровых канонов русской поэзии трех веков ее существования. При сохранении «памяти жанра», поэзия Б. Рыжего

всегда дает непреременный индивидуально-художественный сдвиг, что тоже абсолютно в традиции жанрового мышления русской лирики. Показательна интерпретация-контаминация Рыжим двух канонических жанров — дружеского послания и кладбищенской элегии, усложненной авторской номинацией «Стансы»:

Мысль об этом леденит: О
лег, какие наши го
ды, а сердце уж разбито,
нету счастья у него,
хоть хорошие мы поэ
ты, никто не любит на
с — человечество слепое,
это все его вина,
мы погибнем, мы умрем, О
лег, с тобой от невнима
ния — это так знакомо —
а за окнами зима,
а за окнами сугробы,
неуютный грустный вид.
Кто потащит наши гробы,
Кто венки нам подарит?⁶⁹

Поэтические страницы журнала «Урал» показывают, что он, безусловно, справляется с одной из своих функций: репрезентирует жанрово-стилевое богатство региональной поэзии.

Будучи, как и любой «толстый» журнал, двусоставным по природе (литературно-художественный и общественно-публицистический), «Урал» активно работает в рамках своего второго раздела. Именно в публицистике и критике особенно интенсивно осуществляется региональная идентификация. Жанровый спектр это подтверждает. Так, все жанры критики: историко-литературная статья (Л. Быков, Н. Лейдерман, Л. Слобожанинова, В. Лукьянин), рецензия, эссе (С. Беляков, Е. Изварина, А. Ильенков, О. Дозморов, В. Бли-

⁶⁹ Рыжий Б. Стансы // Урал. 2001. № 8. С. 7.

нов) — обращены главным образом к культурному и литературному прошлому Урала или к сегодняшним проблемам уральской литературы. И если в случае с современностью журнал видит свою задачу в критическом осмыслении литературного процесса, то в отношении истории его цель — сохранение культурного наследия Урала: «Если забудет “Урал” — забудут все».

Тот же «охранительный» принцип по отношению к классикам литературы Урала является ведущим в публицистике. Так, М. Никулина в исследовании бажовских мест и творчества П. П. Бажова не только соотносит реальный топоним с художественным пространством сказов, интерпретирует конкретные сюжеты в мифологемах, но и активно привлекает уральские народные поверья и легенды. С одной стороны, это раскрывает загадки многих уральских легенд, а с другой — способствует созданию образа Урала не только как богатого природными ресурсами региона, но и как места, полного своих тайн и своего обаяния: «Каменный цветок, вернее, цветы — “большие зеленые колокольцы малахитовы, и в каждом сурьмяная звездочка” — тоже часть Горы и каменного, внутри Горы, леса, но он не просто волшебный предмет; в нем суть искусства, увидевший его понимает истинную красоту камня, он — коренная тайность и огласке не подлежит. Но постоянная готовность увидеть его любой ценой есть отличительная черта таланта и своеобразный пропуск в Гору. Но поскольку Гора — это целый мир, земля и небо, возвышенное и земное, место, где скрыты земные клады и древний опыт, следы ушедших людей и заветы на будущее, поскольку в Гору вхожи только избранные и посвященные, мастер, допущенный в Гору, — не только художник, он хранитель тайных знаний и места, он часовой, не имеющий права оставить пост до явления смены»⁷⁰.

Итак, позиция литературно-художественного регионального журнала «Урал» может проявлять себя в его внешнем сюжете в различных, в том числе жанровых, формах: слово редактора или редакционной коллегии, аннотация, а также тип креолизации, публичные акции журнала (от создания специальных номеров до презентаций самого журнала в театральной обстановке). Внутренний сюжет связан

⁷⁰ Никулина М. Место, Мастер // Урал. 2002. № 1. С. 221.

с художественной практикой журнала, на страницах которого явлен региональный срез современной литературы, в том числе в ее жанровой функциональности.

В условиях неопределенности будущих путей развития литературы журнал «Урал» избирает стратегию, целью которой становится существование журнала как необходимого духовного пространства, в котором константные культурные ценности и творческие эксперименты (порой весьма раскованные и рискованные) объединены одним культурно-географическим ландшафтом.

2.3. Двухязычный коми журнал: традиции и современность (по материалам журналов «Комі Му — Зырянский край» и «Арт / Лад»)

Магистральные социокультурные стратегии и частные редакторские практики «толстого» журнала нередко обусловлены форматом, рассмотренным с точки зрения его целевой аудитории в ее соотнесенности с географической и / или этнонациональной принадлежностью. Функция общероссийского (как правило, столичного) журнала — репрезентация литературного процесса, открытие новых имен, сосредоточение внимания на основных литературных течениях и оценка их с точки зрения избранной журналом эстетической позиции. Региональный республиканский журнал не может себе позволить стать приверженцем какого-либо одного направления в литературе, его задача — консолидация литературных сил локального единства, а также продвижение их на более широкий геополитический уровень. Но главной задачей такого типа журналов становится задача культуртрегерская, просветительская, направленная на сосредоточение всех сил на постановке и возможном решении системы проблем, связанных с этнонациональным сознанием: история (и социальная, и культурная) нации, характер психологического портрета этноса, особенности менталитета, религия, язык, образование, место и роль этноса в межнациональном сообществе.

Ключевыми словами стратегии и тактики журналов, репрезентирующих определенный этнос, становятся такие, как *память* и *сохранение* национальной самобытности. В этом смысле два взятых для рассмотрения двуязычных коми журнала удивительным и сущностным образом перекликаются между собой. Оба возникли на сломе общественно-политической и, как следствие, культурной ситуации, оба принципиально билингвистичны. Журналы (конечно, с безусловной поправкой на время издания: 1920-е годы и самый финал XX века — текущие десятилетия XXI века) находятся в едином смысловом и даже стилевом пространстве: оба ставят одни и те же задачи, освещают проблемы зырянизации (воспользуемся термином журнала 1920-х годов) и отношения с «титულიной нацией», проблемы и возможности национального возрождения. Для обоих журналов характерно соединение собственно литературного и «учебно-художественного» (термин В. А. Лимеровой) письма.

«Комі Му — Зырянский край» — экономический и краеведческий журнал, издаваемый Исполнительным комитетом Автономной области Коми и Обществом изучения Коми края. Журнал начал выходить в 1924 году. В первом номере, в статье «От редакции», сразу обозначается положение края как «затерянного в дебрях непроходимых лесов и болот самого крайнего северо-восточного угла Европы, отдаленного за тысячи километров от ее промышленных и культурных центров, малодоступного из-за отсутствия постоянных и удобных путей сообщения, населенного малочисленным “некультурным”, “иностранческим” “племенем” и подчас мало кому известного»⁷¹. Определяются и главные задачи будущего издания: научно-просветительская, популяризаторская, культуртрегерская, которым соответствуют разделы журнала: «1) экономический; 2) краеведческий (статьи по всевозможным отраслям местного краеведения — географии, естественной истории, антропологии, этнографии, истории, архе-

⁷¹ Комі Му — Зырянский край. 1924. № 1–2. С. 3.

ологии и проч.); 3) культурная жизнь края (в настоящем и прошлом); и 4) литературный»⁷².

Оговариваются сопутствующие основным рубрики: «В журнале отведено будет место также для “Сообщений с мест”, касающихся вопросов экономики и краеведения. По мере возможности будет помещаться и “Обзор печати” экономический и краеведческий (газет и журналов). Чтобы читатель находился в курсе хозяйственно-экономической жизни Области, равно в курсе научно-исследовательской, культурно-просветительской работы края, выделены соответственные разделы “Хроники”. Для осведомления читателя о литературе по Коми краю и выходящих на Коми языке книг вводится еще отдел “Критика и Библиография”»⁷³.

Следуя основному принципу российского «толстого» журнала активной направленности на, как сейчас принято говорить, «целевую аудиторию», редакция ждет как помощи, так и суда своего читателя, которого надеется приобрести: «Принимая столь сложную и ответственную работу, Редакция журнала, конечно, не мыслит для себя эту задачу выполнимой без участия в этой работе всех культурных сил края. Каждый интересующийся своим малоизвестным во всех отношениях краем должен поставить себе задачей установить непосредственную связь с Редакцией журнала, писать обо всем, что касается материальной и духовной культуры и экономическо-хозяйственного благосостояния края»⁷⁴.

Обращает на себя внимание изначально принятый тон в предполагаемом диалоге с читателем — доверительный, открытый, приглашающий к сотрудничеству на равных: «Поспешность, свойственная всякому периодическому изданию, выпускаемой книжке журнала, несомненно, вызовет недочеты в нем и недостаточную обработку материала и изложения. Сознывая это, Редакция сильно рассчитывает на благосклонное отношение читателей, которые своей серьезностью и беспристрастной критикой, и указанием слабых сторон журнала, наверное, не откажут помочь Редакции избежать подобных же про-

⁷² Коми Му — Зырянский край. 1924. № 1–2. С. 5.

⁷³ Там же. С. 8.

⁷⁴ Там же.

махов в следующих книжках журнала»⁷⁵. В 4–6-й книжках номера вновь звучит обращение к своему читателю, которое стало постоянным: «Редакция журнала “Комі Му — Зырянский Край” обращается ко всем гражданам и гражданам с настоятельной просьбой присылать материалы по всем вопросам, касающимся освещения Коми края и Коми народа, его жизни и языка в настоящем и прошлом (экономика, краеведение, литература и проч.)»⁷⁶.

Главнейшими в журнале стали экономический и краеведческий разделы, содержащие статьи авторитетных специалистов по всевозможным проблемам ресурсно-экономического характера и работы, выполненные в русле национально ориентированного краеведения, географии, антропологии, этнографии, истории, археологии. Два других раздела журнала посвящены культурной жизни края (в настоящем и прошлом) и его литературе.

Есть смысл сразу же указать на то, что все материалы журнала выполнены в традиции, которую точно описала В. А. Лимерова в предисловии к антологии «Зыряне и Зырянский край в литературных документах XIX века». Опубликованные в ней материалы дали возможность составителю, во-первых, заметить, что труды по зыряноведению отличает «строгая научная мысль», а «объективное описание соседствует в них с эмоциями наблюдателя», указав, что «такой вид письма, органично сочетающий науку с публицистикой и художеством, имел в позапрошлом столетии чрезвычайно устойчивую популярность и даже выделился в особое “учено-художественное” направление»⁷⁷. Во-вторых, важен тезис современного исследователя, который ставит проблему теоретического плана: является ли язык абсолютным маркером национальной принадлежности текста. Если поставить под сомнение это некогда аксиоматичное положение (разрушаемое на протяжении всего XX века и почти разрушенное в XXI веке), то возникает возможность адек-

⁷⁵ Комі Му — Зырянский край. 1924. № 1–2. С. 6.

⁷⁶ Там же. №. 4–6. С. 136.

⁷⁷ Лимерова В. А. К вопросу о становлении национальной словесности: зырянская тема в литературных документах XIX века // Зыряне и Зырянский край в литературных документах XIX века. Сыктывкар, 2010. С. 3.

ватнее представить фактическое положение дел в литературе любого малого этноса.

Кажется доказательным и по-своему новым следующее утверждение по отношению к «учено-художественному» направлению в литературе, обращенной к истории, этнографии, религии и особенностям психологического портрета зырян: «Фактически мы имеем дело с очерковой прозой, написанной по-русски для русских и выражающей точку зрения русского человека на зырян и зырянский уклад жизни независимо от того, является ли автор на самом деле русским, или он сам “из зырян”. В связи с этим нас не должно удивлять отсутствие в очерковой прозе XIX века текстов на коми языке, однако исключать из письменно-художественного фонда коми эту часть словесности ... по причине русскоязычия и считать ее только подготовительным этапом возникновения прозы на коми языке представляется научно безосновательным. В литературном процессе, имевшем не столько национальный, сколько региональный характер, русскоязычие было формой, способом существования повествовательно-публицистического слова, обращенного к читателю-современнику. Тем не менее просветительно-познавательное задание, выдвинутое временем перед всей литературой, стало фактором самосознания региональной словесности и становления в ней собственно эстетических ресурсов»⁷⁸.

Так, двуязычие, заявленное уже в самом названии журнала «Комі Му — Зырянский край» имело те же причины, что и в XIX веке: и русский, и природный зырянин пишут по-русски о коми. А тематика и целевая установка — просветительство и возрождение коми народа — с неизбежностью ведут к смешению русского и зырянского языков в рамках одного материала: в лингвистических статьях — к постоянному соседству двух алфавитов, а в литературном отделе происходит, и это естественно, почти тотальный переход на родной язык. Сложная языковая ситуация журнала имела для культуры коми далеко идущие последствия: вырабатывался сложный механизм существования двуязычного пространства, который адекватно отражал положение дел в культурно-интеллигентном коми дискур-

⁷⁸ Лимерова В. А. К вопросу о становлении национальной словесности... С. 5.

се, с одной стороны, а с другой, видимо, благоприятно сказывался на утверждении литературного коми языка.

И еще об одном внешнем сюжете стратегии и тактики редколлегии «Комі Му — Зырянский край», связанном со знанием традиций «толстых» российских журналов, об умении инициировать и вести дискуссию. Журнал зачастую идет путем не только прямой оценки публикуемого материала проблемного характера, но и путем дистанцирования от некоторых публикаций, как ставящих вопросы, так и требующих дальнейшей их разработки. Например, по поводу статьи А. Мартюшева «К вопросу о земледелии и землеустройстве в Коми области (В дискуссионном порядке)» сделана редакционная сноска: «В настоящей статье автор предлагает свой, “своеобразный”, взгляд по землеустроительному вопросу, оставляя в стороне существующие по нему материалы. Вопрос по земельному устройству в Коми Области — крайне важный и требует возможно скорейшего разрешения. В надежде вызвать по данному вопросу более оживленный обмен мнений и более широкое и всестороннее освещение его в печати и помещается предлагаемая статья»⁷⁹. Резкая рецензия-отповедь «Несколько слов по поводу статьи профессора В. Налимова “Краткий естественно-географический очерк Коми края”» автора, скрывшегося под псевдонимом «Читатель», содержит ряд обвинений в незнании родного языка: «Если бы не полная подпись автора в конце статьи, то трудно было бы поверить, что статью эту писал зырянин и при этом выросший в деревне, в крестьянской земледельческой семье»⁸⁰; «совершенно непозволительно для *зырянина* (выделено автором. — Т. С., А. П.) понимание, характеристика им “Пармы”»⁸¹. «Читатель» в финале противопоставляет уровень журнала уровню статьи автора, которому была предоставлена возможность публикации: «Я писал заметку совсем не ради “критики”, я глубоко убежден, что автор может дать для краевого журнала не такую только работу, а действительно ценную и незаменимую...»⁸² В этом случае редакция, естественно, объясняет

⁷⁹ Комі Му — Зырянский край. 1924. № 3. С. 5.

⁸⁰ Там же. № 4–6. С. 132.

⁸¹ Там же. С. 134.

⁸² Там же. С. 135.

причину, по которой публикует отрицательную рецензию на работу, принятую журналом, да к тому же постоянного и очень активного автора издания: «Данную заметку, имеющую, весьма возможно, свои недочеты, мы считаем не столько критикой, сколько дополнением, с некоторыми поправками к статье уважаемого профессора. Подобная “полемика” может лишь разъяснить суть затронутого вопроса. Коми край еще очень мало исследован, а потому мы рады всякому материалу, служащему к нашему самопознанию»⁸³.

Внутренний сюжет журнала был, видимо, определен изначально, что следует из уже цитируемой статьи «От редакции», и в течение первого года существования были уже сформированы его основные проблемно-тематические блоки: политический (народ коми и новая власть), экономический, этнографический, историко-краеведческий, лингвистический (проблемы форм существования языка коми), литературный.

В 1920-е годы обобщенное идеей братства и равноправия народов бывшей Российской империи коми сообщество позиционирует себя не только как равного члена новой государственной структуры, но и в качестве, может быть, одной из самых сильных ее составляющих. Характерен пафос стихотворения В. Чисталева, написанного по-русски, приуроченного к Всезырянскому съезду, в котором есть и такие строфы:

Доселе неведом народец сей был,
Он с вымершей путался Чудью, —
А ныне из тьмы Автономией всплыл,
Вскормленной Советскою грудью.

Но мать ослабела, взростивши детей,
Ей сил поднабраться бы надо...
Мужай, Автономный! На помощь с своей
Страной Коми-му — Эльдорадо⁸⁴.

⁸³ Коми Му — Зырянский край. 1924. № 4–6. С. 135.

⁸⁴ Там же. С. 113.

Политическая риторика — отнюдь не главная и одновременно отнюдь не принудительная составляющая журнала, поскольку повернута к важнейшей для издания проблеме — возможности зырянизации края. Симптоматично само название статьи-некролога, подписанного А. Алмазовым, — «Ильич — часовой свободы национальных меньшинств», в которой акцентируется прежде всего «национальный вопрос»: «Память о нем и его заветах будет жить бесконечно в сердцах трудящихся всего мира и особенно в сердцах угнетенных национальных меньшинств царской России и между ними Коми народа»⁸⁵.

В этом же номере, в статье Д. Батиева «К трехлетию Автономной области Коми», со ссылкой на политическую историю страны ставится вопрос о государственном статусе Коми области: «Идея о самостоятельном положении Коми народа далеко не новая. Еще в новгородский период Коми была самостоятельной единицей в системе древнерусских народоправств; в московскую эпоху нам известны два княжества — Удорское и Чердынское, а в эпоху Стефана Пермского на Выми была крупная политическая единица — Емо-Зырянская теократия под главенством полупоупендарного Пама. В шестидесятых годах проскальзывают об этом несколько туманных теорий сначала Г. С. Лыткина, а потом К. Ф. Жакова. <...>. Пермский народ — Пермьки и Зыряне — составят отдельную Республику, которая оправдывает доверие к ней СССР; ибо только при соединении всего народа Коми (Пермьков и Зырян и Нижней Печоры) в форме Автономной Республики возможно культурно-экономическое возрождение этого народа в целом»⁸⁶.

Уже со ссылкой на легендаризованную историю Н. Богословский в статье «К материалам по истории общественной и торгово-промышленной жизни в Коми области. “Челобитная г. Яренска нижайшего купеческого человека Елисея Ивановича сына Суханова” (Странички из прошлой жизни гор. Устьсысольска)», привлекая краеведческий материал, также настаивает на изначальной самостоятельности Коми края, которую всегда необходимо было защищать:

⁸⁵ Коми Му — Зырянский край. 1924. № 1–2. С. 7.

⁸⁶ Там же. С. 3–4.

«Если бросить взгляд на даль прошлого Коми края и Коми народа, невольно встают в уме картины: то полчища диких Вогулов, наступающих на древнюю Пермь (Устьвымь), то смелых Новгородских Ушкуйников, забирающихся на своих утлых ладьях Вычегдой рекой и ее притоками за Урал в Югру за “Югорской данью”, за мехами и серебром, то монахов, учреждающих для своего духовного влияния на Коми народ монастыри и церкви, а вслед за ними и правительственных чиновников, присылаемых сюда для обрусения и управления краем. Но народ Коми, упорно отстаивая свою самостоятельность, остается в своей массе почти тем же, что и сотни лет тому назад. Былое Коми края невольно притягивает к себе, хочется изучить его, но, к сожалению, письменных и других исторических памятников в Коми Области о себе не имеется; является неотложная нужда в сгруппировании и опубликовании таковых памятников. Полагаем, что недалеко то время, когда это будет сделано»⁸⁷.

Впервые термин «зырянизация» появился в статье Н. Шахова, в связи с необходимостью утверждения коми языка как государственного, для чего созданная Комиссия по зырянизации разрабатывает широкую образовательную программу изучения языка на всех уровнях государственной структуры: от школы до судопроизводства. Так, А. Маегов в статье «Коми учительство и его переподготовка» пишет о работе Комиссии, инициированной постановлениями XII съезда РКП (б) по национальному вопросу, подтверждающими провозглашенное право наций на самоопределение (вплоть до отделения). Постановление было воспринято народами бывшей царской империи с определенным доверием, что и повлекло за собой восприятие идеи национального возрождения как идеи, всецело совпадающей с интересами новой власти: «Местное Коми население зырянизацию везде приветствует и требует скорейшего ее проведения, хотя вначале можно было бы ожидать и отрицательное к ней отношение, так как влияние русификаторской интеллигенции и церкви до Революции было довольно сильно»⁸⁸.

⁸⁷ Коми Му — Зырянский край. 1924. № 1–2. С. 64.

⁸⁸ Там же. С. 63.

Видимо, ситуация внутри тонкого интеллигентного слоя коми общества была весьма непростой: кто-то видел в дальнейшей русификации залог приобщения к общецивилизационному пути развития, кто-то полагал более верным влиться в советское и мировое пространство со своим «лица не общим выраженьем»: «До самого последнего времени каждое требование приспособления к местным условиям многими рассматривалось как нездоровое явление, проявление шовинизма, “самостийности”. Даже неоднократные предложения об издании хотя бы одного номера в неделю местной газеты на коми языке и введении в местную Совпартшколу коми языка и краеведения, как предметов изучения, регулярно отвергались и назывались “утопическими” и “идиотскими” требованиями. Да и теперь проведение зырянизации многие склонны рассматривать как проявление шовинизма»⁸⁹.

Для журнала зырянизация — основа идеи национального возрождения и нового позиционирования коми во внешне изменившемся мире, ставшая магистральным вектором развития издания.

Проблема национального позиционирования ставится и решается журналом на всех уровнях.

Прежде всего это продолжение давнего разговора о положении коми по отношению к своим предкам. В данном случае главным инструментом становится лингвистика и весьма специфическая языковая игра, поскольку слово «зыряне» переводится двойственно: или этнос вытесненный, или этнос вытесняющий. А. Е. Попов — священник, литератор, переводчик, языковед — в статье «Мнение о происхождении зырян и очерк некоторых свойств их» эту двойственность акцентирует особо: «Зыряне известны в истории и у других народов под сим последним названием — слово, звучащее на их языке: сдвинутые, вытесненные, от глагола: зырны — вытеснять, или от слова: зыр — лопата — орудие, известное в употреблении. <...> Есть еще мнение, что зыряне не вытеснены, но сами вытеснили других из тех мест, где теперь обитают, и эти другие были чуди, оставившие после себя памятники в могилах, будто бы рассеяны там, где поселились зыряне; но тогда эти последние долж-

⁸⁹ Коми Му — Зырянский край. 1924. № 1–2. С. 65.

ны были бы называться зырянне, от слова зыпсыны — втираться, заступать место другого, войти»⁹⁰. Сам автор придерживается весьма определенной позиции: «По первоначальному месту жительства зырян там, где история указывает на Заволочную Чудь, не будет ли правдоподобно, что они остаток чудского народа, и потому, вероятно, слово коми значит — выбылый, отделившийся, чуждый, чужак, чудь, — в противоположность слову: роч — зырянское название русского народа, употребляемого в смысле хитрого, искусного, ловкого, образованного; следовательно, коми-вой-тыр примет зачение народа простого, отдельного, чуждого, обитающего в противной стороне от юга, т. е. на севере»⁹¹.

Проф. А. Грен, один из самых активных сотрудников журнала «Комі Му», быстро ставший его ведущим автором в области проблем этнографии, истории, краеведения, языка и литературы, обладавший ярким публицистическим даром, один из последовательных борцов с русификацией, поворачивает вопрос происхождения зырян в неожиданном для того времени ракурсе: «Я намерен широко коснуться соотношения зырянского материала к иранским и германским переживаниям, так как они несомненны — первые в доистории Зырян, а вторые при столкновении Зырян с государством Германриха»⁹².

Вопрос о происхождении зырян напрямую связан с позиционированием этноса себя по отношению ко всему финно-угорскому миру. Поводов к постановке этого вопроса в первый год существования журнала было, по крайней мере, два: возможность присоединения к Коми области Пермьского края и ставшая постоянной, переходящая из номера в номер дискуссия о языке и алфавите, имеющая непростую предысторию и еще более непростые последствия.

В рубрике «За пределами области» (фактически — за ближайшими пределами) была опубликована статья Я. Пасютина и Н. Шахова «Пермьский край». Это работа экономического характера, с сильным политическим сюжетом, связанным с мыслью о естественности присоединения Пермьского края к области Коми из-за близости

⁹⁰ Коми Му — Зырянский край. 1924. № 1–2. С. 70.

⁹¹ Там же. С. 70–71.

⁹² Там же. С. 50.

их культур, языка, уклада жизни: «Пермяки сами себя называют Коми (как и зыряне). Язык их отличается от зырянского наречием, имеющим некоторые фонетические и лексические особенности»⁹³. По отношению к пермякам в статье употребляется та же риторика, что и к зырянам, связанная с еще одной их, возможно главной, общностью — насильственной русификацией и негативно-пренебрежительным отношением со стороны русских: «Как царскими чиновниками, так и Строгановскими служащими, велась жестокая русификация населения. Искусственно разжигаемый национальный антагонизм привел к тому, что даже трудящиеся массы соседних русских местностей стали смотреть на Пермяков, как на низшую расу и давать им презрительную кличку: “Пермяк — соленые уши”, а сами Пермяки стали стыдиться своего языка и своего национального происхождения. Даже теперь слово “пермяк” в устах некоторых Русских является презрительной кличкой. В результате такого гнета и тяжелых условий существования Пермяки являются забитыми, малокультурными и неотзывчивыми к общественной жизни»⁹⁴. Но поскольку в 1925 году Президиум ВЦИК отклонил ходатайство Коми области и Пермьского края об их объединении, то редколлегия публикует «Дополнение к статье “Пермьский край”», в котором задачи Коми области видятся уже не в объединении, но в налаживании контактов с коми-пермяками, что будет «содействовать их культурно-национальной работе»⁹⁵.

Дискуссия о языке — одна из самых острых на страницах журнала. Первая постановка вопроса о том, каков должен быть коми язык, изучающийся в школе, была заявлена в отделе «Критика и библиография» рецензией А. Сидорова на труд В. А. Молодцова, посвященный коми грамматике и опубликованный в 1921 году. Работа оценивается в целом положительно: «Появление книги в печати нужно считать весьма своевременным, ввиду полного отсутствия каких бы то ни было пособий по изучению в школах родного языка, если не считать элементарной грамматики Г. С. Лыткина, напечатан-

⁹³ Коми Му — Зырянский край. 1924. № 7–10. С. 13.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

ной в его книге “Зырянский край и Зырянский язык” еще в 1889 г.»⁹⁶. Но рецензируемый труд не рассматривается как окончательный вариант научной разработки коми языка, поскольку она только начинается: «Лица, предубежденные в возможности развития коми языка, могут использовать некоторые недостатки работы в своих интересах; но те работники, которые прилагают свои силы для выявления культурной физиономии Коми народа, ценят работу по тем усилиям, которые приходится прикладывать всякому, пробивающему дорогу ... в условиях нашей культурно отсталой Области, а потому еще более напрягут свою энергию для работы в направлении создания новых, более лучших культурных условий существования своего народа»⁹⁷.

Проф. Грен в статье «К вопросу о применении латинского алфавита к языкам коми и удмурт», в которой лингвистические проблемы прямо связаны с политическими, полагает, что алфавит В. А. Молодцова, преимущественно кириллический, служит делу обрусения зырян. Между тем, по мнению Грена, «такая политическая постановка дела совершенно неправильна. Во-первых, в Советской федерации наше Советское Правительство держит руль даже на полную самостоятельность “инородцев” для изжития великодержавного шовинизма, во-вторых, общефинское сродство необходимо для того, чтобы высококультурные родичи Зырян, Финны и Венгры, лучше познакомились с ними и чтобы таким образом получила толчок к успеху та коммунистическая пропаганда в Финляндии, Эстонии и Венгрии, которая ведется там сравнительно слабо. Но если получится единый финно-угорский блок по вопросам общекультурно-исторического характера, а это можно создать лишь применением латинского письма к алфавитам всех Финно Угорцев, то все эти народы представят когда-либо одну из важных советских федераций в общей схеме восточно-европейских, скажем, Советских Республик. Серьезная, деловитая финно-угорская нация тогда пойдет рука об руку со славянской федерацией, как она уже шла испокон веков со Славянами, но не как раба Славян, а как вполне равная им часть»⁹⁸.

⁹⁶ Коми Му — Зырянский край. 1924. № 1–2. С. 118.

⁹⁷ Там же. С. 113.

⁹⁸ Там же. № 3. С. 53.

В 7–10-м номерах журнал публикует ответ В. Молодцова, который настаивает на своем мнении: «Введением же латинского алфавита для зырянской литературы поставлено будет еще одно препятствие к скорейшему культурному возрождению народа Коми, ибо введение латинского алфавита затруднит необходимое для этого знание двух языков — зырянского и русского, из которых последний для Коми представляет единственную дорогу к европейской культуре. Нечего и говорить о том, что, с введением латинского шрифта вместо “Молодцовского”, в первый же момент возникновения зырянской литературы был бы положен предел созданию всякой национальной литературы для Коми народа, знающего только русский алфавит»⁹⁹. Опытный полемист не без язвительности замечает, что знаменательным является тот факт, что «в числе сторонников “общего латинского” шрифта мы не видим ни одного лингвиста»¹⁰⁰.

Дискуссия о языке шла на страницах журнала сколь напряженно, столь и максимально беспристрастно. Так, редколлегия без каких-либо комментариев публикует разгромную рецензию на опубликованную в журнале работу одного из создателей журнала А. С. Сидорова «Морфологическая структура коми языка». Это рецензия того же В. Молодцова, которая открывается следующим пассажем: «Трудно представить себе статью, претендующую не только на научность, но еще и на научные откровения, которая была бы научно столь несостоятельной»¹⁰¹.

Безусловным знаком интенсивности национальной политики журнала является то, что судьба коми ставится в контекст не только финно-угорского, но и мирового сообщества. Например, проф. В. Налимов, манере изложения которого в высшей степени присущ «учено-художественный» стиль, в работе «К этнологии коми (наброски)» рассматривает антропологические и психологические особенности коми на основе сопоставительного анализа. Например, он предлагает развернутое сопоставление антропологических данных зырянских детей разных возрастных классов со шведскими,

⁹⁹ Коми Му — Зырянский край. 1924. № 7–10. С. 153.

¹⁰⁰ Там же. С. 156.

¹⁰¹ Там же.

норвежскими и бельгийскими. Опираясь на большой статистический материал, автор приходит к выводам: «В Зырянской земле гораздо меньше умирает детей, чем в других странах. В этом отношении Зыряне превзошли весь мир, даже Швецию и Норвегию»¹⁰²; «Развитие детей — мальчиков до десяти лет, девочек до замужества — идет хорошо: по физическому состоянию они превосходят детей Западной Европы. Но с 10-летнего возраста у зырянских мальчиков идет медленное развитие»¹⁰³. Конечный, неутешительный, вывод: меньшая продолжительность жизни зырян по сравнению с европейцами объясняется невероятно тяжелыми климатическими условиями.

Процесс зырянизации неотделим для журнала от противопоставления новой политики Советского государства политике царской России. В журнале постоянно, во всех разделах — от экономического (хищническое отношение к природным богатствам края) до краеведческого (постепенное завоевание и освоение русскими исконных земель коми), от литературного (переводы мировой и русской классики на русский язык) до финансового (как ныне сказали бы, «непрозрачное» распределение денежных потоков) — зырянизация осмысливается как последовательная борьба с русификацией, как единственный путь возрождения края.

Из номера в номер, с традиционным журнальным «продолжение следует», публикуются такие исследования, очерки, статистические и научные статьи, как «Главнейшие факторы экономической конъюнктуры Коми области» Н. Карского, «Лесное хозяйство Автономной области Коми и его очередные задачи» А. Рудакова, «Охотничий промысел в Коми области» Д. Пантелеева, «Оленеводство в Ижмо-Печорском уезде Коми области» Н. Соснина, «Краткий естественно-географический очерк Коми края» В. Налимова. Эти публикации одновременно являются и своеобразным реестром природных богатств края, и рассказом о «хищнической политике царизма», и определением места суверенной (во всяком случае, вполне самостоятельной и самодостаточной) экономики края в контексте как экономического пространства СССР, так и мировой экономики.

¹⁰² Коми Му — Зырянский край. 1924. № 3. С. 48.

¹⁰³ Там же.

В редакционных статьях и передовицах все беды народа коми напрямую объясняются целенаправленной политикой царизма: «Коми народ в проявлениях своей жизни, благодаря царизму, немногим ушел дальше средневековья, по крайней мере, в его глухих уголках. У него были свои шаманы (“тунајас”), он верил в бесчисленных духов (“вӧрса”, “васа”, “орт”), а над всем этим господствовал внешний слой обрядового христианства с его неизменными попами. Он думал, что говорить ему на своем языке постыдно, но ему никогда не достигнуть величия Русских. Даже интеллигентные Коми переставали думать по-зырянски. И в результате этого было то, что из древнейших угро-финских языков — Коми не мог получить необходимого культурного развития, без которого ему в дальнейшем неминуемо угрожало постепенное вымирание как нации»¹⁰⁴. Неоднократно проговариваемое в журнале противостояние зырянского и русского имело свои давние корни и являлось в 1920-е годы своеобразным лозунгом национального возрождения.

Если основные разделы журнала — своеобразная картина экономической, политической, социальной жизни народа коми, то рубрика, посвященная его литературе, дает представление о культурно-духовной составляющей этноса. Одновременно это консолидация новых национальных литературных сил и репрезентация их возможностей. Причем в литературных публикациях преобладает поэзия, что было закономерно для общероссийского литературного процесса 1920-х годов.

Постоянными авторами журнала стали В. Чисталев (Жан Морӧс), Илла Вас, М. Лебедев, В. Колегов, Ф. Попов, Н. Игнатов. Публикации новых произведений В. Чисталева и Ф. Попова чаще всего «именные». Они дополняются фотографией, краткой биографией, и, как правило, это весьма представительные, объемные подборки стихов. Так, весь «Литературный отдел» сдвоенных 4-й и 5-й книжек журнала посвящен В. Чисталеву, где он представлен и как оригинальный поэт, и как переводчик на коми А. Пушкина, Е. Баратынского, Ю. Лермонтова, Языкова, Бальмонта, А. Гачева. Подбор имен весьма показателен и свидетельствует о стремлении

¹⁰⁴ Коми Му — Зырянский край. 1924. № 1–2. С. 8.

представить русскую поэзию в ее классических и современных образцах.

Хотя журнал позиционирует себя как экономический и краеведческий, он не только делает специальную рубрику «Литература», но и начинает публикацию литературной критики в разделе «Культурная жизнь края», что свидетельствует о понимании журналом современной ему литературной ситуации и заинтересованности в ее освещении. Так, статья автора, подписавшегося «Обозреватель», начинающаяся вопросом отнюдь не риторического характера: «Существует ли у нас коми литература?», потребовала «Примечания редколлегии»: «Данная статья, хотя написана автором уже давно (в 1922 году), помещается в целях вызова обмена мнений по затронутому автором вопросу и дальнейшей его разработки»¹⁰⁵. Эта статья касается проблем, ставших основными для молодой филологической науки коми. В ней напрямую связывается возникновение коми литературы с идеей национального возрождения: «Был момент, когда казалось, что развитие коми литературы пойдет гигантскими шагами. Это было в 1920 году, после изгнания “белых” банд из пределов Устьысольского уезда того времени. Здоровый национальный патриотизм, охвативший общество, зажег огонь вдохновения в сердцах многих коми литераторов, обогативших коми литературу своими произведениями»¹⁰⁶. Назван корпус ведущих авторов коми литературы: В. Чисталев, В. Савин, Е. Колегов, М. Лебедев (все они авторы журнала). Обозначено явное отставание прозы от поэзии, обусловленное тем, что «зырянский литературный язык до сих пор еще не выработан, и никто не знает, как можно и должно писать прозой по-зырянски»¹⁰⁷. Обозначена в качестве одной из определяющих пути развития коми литературы проблема характера ее диалога с русской литературой: «В Коми Издательстве, как известно, существует тенденция: создать самодовлеющую коми литературу, ничего общего с русской литературой не имеющую ни по внешней форме, ни по внутреннему содержанию. Это стремление Издатель-

¹⁰⁵ Коми Му — Зырянский край. 1924. № 7–10. С. 71.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же. С. 73.

ства доказывает его любовь к родному языку и родному народу, но можем ли мы обойтись без подражания русской литературе, — это подлежит большому сомнению. Ведь, в сущности, большинство коми стихотворений по внешней форме являются подражанием русским образцам, что, однако же, не роняет их достоинства. <...> Видеть в позаимствовании внешних форм какую-то опасность для нашей национальной “самобытности”, по крайней мере, нелепо, тем более, что литературный слог, если так можно выразиться, интернационален, как вообще интернациональны истинная красота и искусство»¹⁰⁸.

В журнале есть и пример литературной рецензии-аннотации — рецензия А. Грена на стихотворный сборник В. А. Савина: «Перед нами сборник стихотворений талантливого зырянского поэта В. А. Савина, снабженный его портретом. <...> Большинство из этих песен агитационного характера или являются просто веселыми песенками-частушками, быстро воспринимаемыми крестьянской молодежью. Однако, некоторые из стихотворений, особенно в отделе “Комі олём”, чрезвычайно важны в этнографическом отношении, так как рисуют быт и нравы зырянской пролетарской семьи и написаны почти народным языком. Одной из лучших песен нужно назвать стихотворение “Пернапас”, где автор рисует всю безотрадную картину христианских суеверий Зырянина. Было бы очень хорошо, если бы этот сборник, хоть и в прозе, был переведен на русский язык»¹⁰⁹.

В разделе «Краеведческая хроника» В. Лыткиным освещаются события, связанные с литературной жизнью: «Год тому назад в августе месяце происходила первая во всей истории Коми народа конференция коми литературных работников. Отсутствие коми печатного литературного органа, который направлял бы ход развития зарождающейся коми литературы, требовало скорейшего созыва литературных работников, хотя бы для взаимной информации. <...> Особенно много внимания было уделено коми шрифту. В результате широкого обмена мнений шрифт, предложенный

¹⁰⁸ Комі Му — Зырянский край. 1924. № 7–10. С. 73.

¹⁰⁹ Там же. С. 162.

В. А. Молодцовым, был признан (большинством против одного) “наиболее удобным для коми литературы”». <...> Теперь культурное развитие Коми народа обеспечено. Обеспечено и развитие коми литературы, — тем более, что коми литература в данное время имеет свой периодический орган, в виде “Литературного Отдела” настоящего журнала»¹¹⁰.

При анализе «литературных» страниц экономического и краеведческого журнала «Комі Му — Зырянский край» становится очевидным следующее. Во-первых, состояние коми литературы для журнала — показатель возможности национального возрождения. Во-вторых, именно в недрах этого журнала постепенно осознавалась все более ясно необходимость создания собственно литературного коми издания. И такой журнал, собиратель писателей нового поколения и организатор литературной жизни, появился: «В 1926 году в Коми стал выходить ежемесячный литературно-художественный журнал “Ордым” (“Просека”). Журнал был не чисто литературным, скорее просветительским. У истоков журнала стояли молодые писатели и поэты, ныне классики коми литературы — Виктор Савин, Вениамин Чисталев, Николая Попов. В 1946 году журнал получил новое название — “Войвыв кодзув” (“Северная звезда”). Под таким названием он существует и поныне. Все произведения коми писателей первоначально публиковались в этом журнале — от классиков до современных писателей»¹¹¹.

Звучащий несколько пафосно, но точно определяющий смысл создания журнала «Комі Му — Зырянский край» призыв, сформулированный в его первом номере: «Сольем же наши силы в дружной работе выявления материальных и духовных ценностей мало изведанной Коми (Зырянской) Автономной Области, положим основу, сделаем первый шаг к ее изучению: будем создавать всецело посвященный нашему краю журнал “Комі — Му” — “Зырянский край”!»¹¹² — как свидетельствует годовая подшивка журнала поры его становления, оказался в полной мере реализованным.

¹¹⁰ Комі Му — Зырянский край. 1924. № 7–10. С. 145.

¹¹¹ Тимина В. Литература коми : Обзор // Арт / Лад. 2002. № 3. С. 10.

¹¹² Комі Му — Зырянский край. 1924. № 1–2. С. 6.

Опыт первого коми журнала уникален. Так и не обретя за первый год своего существования главного редактора, имея в составе своей редколлегии только трех человек (А. А. Маегов, Я. Ф. Потопаев, А. С. Сидоров), он стал выполнять все основные функции «толстого» российского журнала: сплотил вокруг себя сильный профессионально-творческий коллектив, целенаправленно освещавший проблемы и возможные направления национального возрождения, приобрел своего читателя, стал первой трибуной для нового поколения коми писателей.

Журнал «Комі Му — Зырянский край», по-своему восприняв опыт «толстых» общероссийских журналов и перенеся его на национальную почву, создал свою традицию двуязычного журнала. Современный журнал «Арт / Лад» демонстрирует востребованность этой традиции.

Журнал «Арт / Лад» официально позиционирует себя следующим образом: республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал. Издается с 1997 года. Выходит четыре раза в год. Учредители: Управление печати Республики Коми, Министерство по делам национальностей Республики Коми, Исполком съезда коми народа. В редакционный совет входят представители гуманитарного сообщества Эстонии, Венгрии, Удмуртии, а также Петербурга, Москвы. Главный редактор — известная в финно-угорском мире поэтесса, переводчица, культурный и общественный деятель Г. В. Бутырева, зам. главного редактора — филолог, этнограф, ведущий научный сотрудник Коми отделения УрО РАН П. Ф. Лимеров.

В специальном совместном номере журнала «Арт / Лад» и многоязычного журнала Баренцева региона под названием «66» (Хапаранда, Северная Швеция) главный редактор так определяет позицию журнала «Арт»: «...Журнал “Арт” публикует материалы по всему спектру жизни народов коми, включая научные работы в области культуры, истории, этнографии и т. д. “Арт” — двуязычный журнал. В нем печатаются оригинальные материалы на коми и на русском языках, а также переводы с других языков, потому что “Арт” всегда

был и остается открытым журналом для всех других культур. Здесь печатались такие известные писатели и поэты, как Валентин Распутин, Владимир Крупин, Надежда Мирошниченко, а также многие крупные финно-угорские литераторы и ученые с мировым именем из Венгрии, Эстонии, Финляндии, Удмуртии, Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска и т. д.»¹¹³.

Социокультурная стратегия, направленная на сохранение/возрождение самобытной культуры, образа жизни и языка «малых народов» финно-угорского мира, реализуется в системе частных практик журнала, которые делают его лицо узнаваемым и значимым.

Прежде всего это тщательно создаваемая и культивируемая журналом атмосфера обращенности к читателю, которую можно определить как интонацию размышления, побуждающего к *со-*размышлению. Так, открывая весьма рискованную с эстетической точки зрения рубрику «Народная литература», нацеленную на публикацию текстов непрофессиональных авторов — «невыдуманных рассказов» о своей судьбе, истории своего села и т. д. и несущую мощный историко-этический заряд, заместитель главного редактора П. Ф. Лимеров в редакционном предуведомлении «Народные писатели» задает тон одновременно и дружественный, и высокосерьезный: «...Каждая человеческая жизнь — уникальна, и как таковая обладает уникальным духовным опытом». Финал размышлений весьма характерен для всей интонационной ауры журнала, не чурающегося и убежденной пафосности: «Я не могу себе объяснить феномен этого вида писательского творчества, кроме как верой авторов в то, что написанное ими на бумаге немыслимым образом воссоздается на небесных скрижалях»¹¹⁴. Этот на первый взгляд излишне серьезный тон кому-то может показаться провинциальным, но именно он выгодно отличает «Арт» от нынешней игровой, порой облегченной манеры вести журнал, в том числе «толстый».

«Слово редактора» также характеризуется установкой на говорение от первого лица, предполагающей определенную доверительность, открытость, простоту и даже «домашность» тона. Например,

¹¹³ Арт / Лад. 2002. № 3. С. 4.

¹¹⁴ Там же. 2003. № 4. С. 120.

в предуведомлении к рубрике «Переделкино», начатой в 2002 году в связи работой коми писателей в известном доме творчества: «Кажется, Союзу писателей России, Литературному фонду удалось отстоять Дом творчества Переделкино, и хотелось бы верить, что это уже навсегда... <...> Вот уже более десяти лет, каждый февраль, в Переделкино работают Надежда Мирошниченко и Тамара Лонбина, самые верные “переделкинцы”, думаю, во всей необъятной России вернее не найдется... Недавно к ним примкнула и я»¹¹⁵.

«Слово редколлегии» облекается в традиционные формы. Это могут быть поздравления, скажем, в связи с датой, важной для Союза писателей Республики Коми («Юбилей — 70!»). Но и здесь с непременностью подчеркиваются задачи, определяющие социокультурную стратегию журнала: «Задачи, которые ставит перед собою журнал “Арт”, — это наши общие с Вами задачи: хранить и беречь наши языки, культуру и традиции наших народов, коми и русского. Ваш профессионализм и авторитет в литературном мире — это та основа, на которой зиждется успех журнала. Пусть всегда будет неисчерпаемым вдохновенный писательский труд, пусть всегда читатели с нетерпением будут ждать очередного номера журнала с Вашими новыми талантливыми произведениями»¹¹⁶. Это могут быть также традиционные для российской журналистики извинения за публикацию на страницах журнала материалов, которые могли «задеть чувство собственного достоинства отдельного народа».

На последней странице журнала может быть дана информация, интересная с точки зрения коми культуры и/или с точки зрения ее резонанса в общероссийском, финно-угорском, европейском контекстах, например: «“Журнал континент” (Москва, 2006, № 127) опубликовал новую повесть сыктывкарского писателя Юрия Екишева “Деревенская любовь”. В этом же журнале состоялся его дебют как прозаика: в 1995 году “Континент” напечатал повесть “Под защитой”. С тех пор Юрий Екишев является постоянным автором “Континента”»; «Российская Академия наук и Институт русской литературы (Пушкинский Дом) издали трехтомный словарь “Рус-

¹¹⁵ Арт / Лад. 2003. № 2. С. 25.

¹¹⁶ Там же. 2004. № 2. С. 192.

ская литература XX века”. Одна из более тысячи статей словаря посвящена известному русскому поэту из Сыктывкара Надежде Мирошниченко»; «Вышла в свет книга “Поспешное раскаяние” известного эстонского писателя Арво Валтона на коми языке. Переводы сделаны Николаем Кузнецовым, филологом, выпускником Тартуского университета, нашим земляком»¹¹⁷.

Для журнала характерно проведение культуртрегерских акций, «круглых столов», бесед, отражение в рубрике «Новости. Юбилеи. Памятные даты» значимых для социокультурной ситуации событий. В числе таких публикаций, например, беседа с Паулой Туомикоски, директором отдела культуры Министерства культуры и спорта Финляндии, в которой ключевыми были вопросы, напрямую соотносимые с журнальными задачами и политикой. В последние годы появилось приложение — CD-диски, чаще всего связанные с проблематикой номера. Так, книжка, большая часть которой посвящена юбилею Победы, снабжена фирменным CD-диском журнала «Песни Великой Отечественной войны в исполнении Любови Розе к 65-летию Победы!»

У журнала концептуально выверенный рубрикатор, варьирующийся в зависимости от целей каждого номера: «Финно-угорское движение», «Проза. Поэзия», «Финно-угорские штудии» или «Зырянские штудии», «Арт-факт», «Проза. Поэзия. Литературная критика» (причем для этой рубрики характерна равновеликость литературы и профессиональных суждений о ней), «Литературный архив», «Обзоры. Рецензии. Публикации», «Точка зрения» (название рубрики несколько дистанцирует позицию журнала от позиции публикуемого автора). Характерно для журнала появление специальных рубрик, приуроченных к определенным датам. Важен принцип их отбора: «Памяти А. Е. Ванеева» (2003. № 1; рубрика посвящена известному коми поэту, оставившему свой след в поэзии коми второй половины XX века); «Переделкино-2003»; «Стефан» (2003. № 2); «Стефан: 1396–2006» (2006. № 4); «Кураговедение».

Во второй половине нулевых в журнале появляется все больше рубрик, ориентированных на историческую и личную память, —

¹¹⁷ Арт / Лад. 2006. № 4. С. 192.

«Деревенская тема», «Память», «Этноархив», «Литературный архив», «Древности» «Народная литература», «Мемуары», а также ориентированных на молодое поколение — «Молодые голоса», «Штудии молодых». Порой рубрики даются на коми, например «Коми кывлӧн во» («Год коми языка»), или в смешанном варианте, например «Видзӧдлас. Точка зрения», что всегда мотивировано. Так, в приведенных случаях рубрики посвящены проблемам коми языка.

С точки зрения соотношения вербального и визуального кодов журнал «Арт / Лад» выполнен безукоризненно. Во-первых, удачно не только многозначное название журнала, удачна и его обложка. Она выполнена в одной цветовой гамме. Из номера в номер сохраняется не только цвет, но и шрифт написания названия, что вполне в традициях журнального оформления, направленного на эффект визуальной узнаваемости. При этом меняется, что ныне тоже принято, рисунок, нанесенный на постоянный фон и всегда ориентированный на основную этнокультурную направленность журнала: стилизованное графическое изображение тотемных животных, древний коми алфавит, православные церкви, древние языческие идолы, предметы национальной домашней утвари, иконы, лик Стефания Пермского, работы современных художников и скульпторов коми и т. д. В этой же стилистике выполнены черно-белые заставки к каждой рубрике (авторы Ю. Лисовский, Л. Осташева).

Во-вторых, рубрика «Арт-факт» (вновь обращает на себя внимание смысловая игра, дающая многозначность названию), посвященная современному искусству и содержащая, как правило, аналитические разборы и исследования высокого профессионального уровня, непременно сопровождается цветными вклейками-иллюстрациями работ тех деятелей искусства, о которых идет речь.

В-третьих, все журналы буквально «прошиваются» фотографиями, картами, схемами, ксерокопиями документов различного характера. Думается, это тоже весьма выверенная политика редколлегии, настроенной на восстановление, тиражирование и сохранение в памяти народа коми, в том числе в его визуальной памяти, основных событий его истории, его подвижников и культурных героев. Так, например, большая статья Дианы Холоповой, посвященная 110-летию со дня рождения классика коми литературы XX века

Вениамина Чисталева, сопровождается не только фотографиями традиционно биографического характера (дом, где родился писатель, его первый учитель, фотографии Чисталева и его семьи и т. д.), но и ксерокопиями рукописей стихов, написанных на коми, первых изданий произведений Чисталева, а также документов, связанных с арестом писателя в 1937 году, его гибелью и пересмотром дела «за отсутствием состава преступления».

Такого типа креолизация представляет материал в максимально возможном объеме и достоверности. «Арт / Лад» стремится достигнуть оптимального эффекта в создании современного типа журнала как креолизованного текста, то есть текста, в котором вербальные и визуальные коды вступают в диалог коррелятивного типа: содержание невербального компонента и содержание вербального компонента могут частично перекрывать друг друга; между содержанием компонентов связь может устанавливаться на ассоциативном уровне; невербальный компонент может привносить значительную дополнительную информацию, а порой подчеркивать какой-то аспект вербального.

Отметим еще одно свидетельство высокой культуры издания. В отличие от многих современных «толстых» журналов, в том числе и столичных, «Арт / Лад» не страдает шрифтовым излишеством.

Для журнала «Арт / Лад» характерна не столько распространенная ныне тематическая организация номера (излюбленный прием, например, «Урала»), сколько компоновка крепких проблемно-тематических блоков внутри отдельной книжки. Например, в рубрике «Стефан» (2003. № 2) опубликованы разножанровые материалы, вступающие друг с другом в интенсивный диалог по принципу и конфликта, и взаимодополнения. Это, с одной стороны, киноповесть Ю. Екишева «Люди твоя» — «драматическое повествование о событиях на землях полуночных в четырнадцатом столетии от рождения Христова», историко-теософская статья «К свету Фаворскому...» С. Журавлева, выполненная в эссеистской манере, публикация Льва Смоленцева «Святитель Стефан Пермский — 1339–1396», а с другой — статьи сугубо научного характера «Явление св. Стефана: рука Москвы или подвиг духа?» П. Лимерова и «Загадки древнепермской письменности» Вадима Понарядова. Рубрика

«Этноархив» в 4-й журнальной книжке за 2003 год, посвященная Л. С. Грибовой, известному ученому, всю жизнь занимавшемуся коми культурой, построена по принципу коллажа. О творческой судьбе ученого рассказывает статья Валерия Шарапова «Л. С. Грибова — исследователь народной культуры коми»; статья П. Лимерова «Чудь в исследованиях Л. С. Грибовой» анализирует одну из актуальных проблем научного наследия Л. С. Грибовой. Завершается рубрика публикацией работы самой Любви Степановны Грибовой «Чудь по коми-пермяцким преданиям и верованием», причем это не републикация, но текст, взятый из научного Архива КНЦ УрО РАН.

Книжка журнала, вышедшая к Дню Победы (2010. № 1) с обложкой, маркированной Георгиевской лентой, содержит тематическую рубрику «Великая Отечественная война». Рубрика вновь включает разножанровые материалы, дающие объемное осмысление темы. Это воспоминания ветерана Александра Щапова (с подробной врезкой биографического характера); научная статья Ольги Бондаренко, посвященная малоизвестным фактам советско-финляндской войны — участию в ней представителей народа коми, в числе которых, в частности, был и Филипп Павлович Парилов, его фронтовой дневник также публикуется в номере. Дневник фронтовика по-своему дополняется тыловым дневником 1941–1942 годов Ивана Максимовича Бутыленкова. Чрезвычайно корректно и выверенно даны подборки стихов, перемежающиеся с прозой.

«Арт / Лад» любит экспериментировать с объединением в одном номере двух разных журналов, что открывает возможности и для полилога, и для полилингвизма. Так, под традиционной обложкой «Арт / Лада» в № 3 за 2002 год представлены два журнала, «№ 66 & Арт», с тем чтобы попытаться реализовать концепцию внутреннего единства мира Севера. Журнал издан на четырех языках: коми, шведском, русском, английском — и посвящен проблеме сохранения локальных этносов в мире тотальной глобализации. В статье главного редактора журнала «66» «Литература Северной Калотты — многокультурная смесь» конкретика этой проблемы обрисована так: «Для северных писателей, конечно, существуют различные пути, как выбрать роли или индивидуальный стиль в огромном разнообразии: отождествлять себя с господствующей культурой

большинства, или противопоставлять себя культуре большинства и искать свой собственный путь, или писать “в северном стиле”, чтобы оправдать ожидания и предрассудки юга»¹¹⁸.

Как бы ни были разнообразны аспекты поставленной проблемы этнического идентитета «малых народов», объединенный номер двух журналов являет собой целостный текст, спаянный главным ключевым словом «Север». Достаточно посмотреть оглавление: «...Небом Севера», «Литература Северной Калотты», «Воркутинские письма», «Геософия Поморья», «Возможность этнофутуризма в развитии литературы северных народов», «Музыканты из Северной Финляндии, которые эмигрировали в США», «Искусства, музыка и пища на фоне северного пейзажа», «Некоторые фестивали и другие “горячие точки” (интересные места) в западной части Баренцева региона», «Северная кухня (северные блюда) — радуга вкуса», «Борг Меш — первый фотограф Севера».

И как бы ни была мозаична представленная в объединенном номере картина, поставленные задачи он выполнил: «познакомить с нашими изданиями и с нашими авторами более широкий круг читателей» (Г. Бутырева), «найти иной, уникальный и неожиданный духовный и физический северный ландшафт, непохожий на распространенные стереотипы» (Кеннет Микко).

Продуман и последовательно проводится в журнале «Арт / Лад» принцип отбора материала и способы его презентации и оценки. На страницах журнала публикуются главным образом те прозаики, поэты, драматурги, ученые, музейные работники, учителя, краеведы, которые связаны с Республикой Коми, с ее историей, культурой, этническим своеобразием, а также представители финно-угорского мира, прежде всего исследователи его национальной специфики. Наконец, публикуются русские писатели и ученые, каким-то образом связанные с Коми краем: живущие в Сыктывкаре, занимающиеся проблемами литературы, культуры, этнографии.

Обязательно представление каждого автора журнала, которое может быть написано и на русском языке, если дальнейший текст идет на русском или на коми, и на коми языке, если основной текст

¹¹⁸ Арт / Лад. 2002. № 3. С. 27.

только на коми. В представлении даются сведения биографического характера, указывается социальный, литературный и научный статус автора, обязательно подчеркивается, если есть на то основания, значимость личности для культурной и общественной жизни коми, а также сообщается о месте проживания автора. Наиболее характерный случай — представление Юрия Екишева, одного из постоянных авторов журнала: «Екишев Юрий Анатольевич родился 6 апреля 1964 года в г. Сыктывкаре. В 1981 году поступил на механико-математический факультет МГУ. В 1985 году перевелся в Сыктывкарский государственный университет, который закончил в 1987 году. Стажировался в Санкт-Петербургском государственном университете. В 1989 году оставил преподавательскую работу в университете и перешел к писательской и редакционно-издательской деятельности. Публиковался в журналах “Континент”, “Арт”. В качестве редактора в 1994 году издал православный Молитвослов на церковнославянском и коми языках; в 1996 году осуществил переиздание “Литургии Иоанна Златоустого” также на двух языках. В 1994 году построил православный храм в честь муч. Виктора в с. Вотча в память о погибшем друге (в настоящее время там основан мужской монастырь). В 1995 году реставрировал Стефановскую часовню в с. Ыб. В настоящее время живет в г. Сыктывкаре и в с. Вотча»¹¹⁹.

Примечательно, что хотя на страницах журнала используются разные формы и способы прямого присутствия редактора и редколлегии, «Арт» выглядит при этом очень сдержанно: не склонен к прямой оценке своих авторов во врезках, не столь часто, как обычно это делается, дает на своих страницах рецензии, посвященные именам и произведениям, опубликованным в журнале, почти не вступает в дискуссии. «Арт» высказывается прямо и оценочно, пожалуй, только в формате аннотирующего «Summary» на английском языке. Именно здесь, помимо присущей этому формату текста информации, журнал может дать оценку творчеству печатаемого на его страницах автора, не скупясь на положительные эпитеты от «хорошо известный» до «замечательный»; может объяснить появление той или иной рубрики: «The issue is opened a new section, in which

¹¹⁹ Арт / Лад. 2000. № 3. С. 4.

we plan to publish materials about village (Village Topic). Isn't it strange, that in our, traditionally agrarian country it is the village that seems to be a deadlock?»¹²⁰; может обозначить основную проблему номера: «This third of ART magazine is not going to shock its readers by late post-modernism or early ethno-futurism»; кроме того, может охарактеризовать все материалы журнальной книжки с точки зрения их принадлежности к реалистическому искусству¹²¹. В «Summary» может быть усилена значимость того или иного материала: «For the first time on the pages of "ART" magazine we publish wonderful verses-songs of Lyudmila Konanova, our guest from Kirov, "mother Lyudmila", as people often call her»¹²²; выражено отношение к статьям дискуссионно-проблемного характера, для которых введена новая рубрика «Точка зрения». В связи с десятилетним юбилеем журнала на аннотационной по своей сути страничке появилось даже прямое обращение «Арт /Лада» к своему читателю: «We sincerely hope for further cooperation with you!»¹²³

Безусловна сциентистская направленность журнала, инициируемая целью сохранения, а значит, и изучения коми этноса — культуры — социума. О сильной научной составляющей наглядно свидетельствует рубрикатор, в котором на равных существуют рубрики «Поэзия. Проза» и «Финно-угорские штудии». Эта составляющая дает возможность, например, открыть номер серий статей языковедческой проблематики — речь идет о четвертой книжке журнала за 2009 год, объявленный Годом коми языка. Все это, конечно, не совсем в традициях «толстого» журнала, но вполне согласуется с традицией, идущей от научно-популярного журнала «Коми Му — Зырянский край».

Внутренняя целостность журнала, имеющего свое направление, держится на трех проблемных блоках: язык — религия — этнос, связанных в сверттекстовом единстве периодического издания ключевыми словами *судьба*, *память* и *сохранение*. И здесь важнейшим становится принципиальный для социокультурной стратегии

¹²⁰ Арт / Лад. 2003. № 4. С. 193.

¹²¹ Там же. 2000. № 3. С. 193.

¹²² Там же. 2006. № 4. С. 1.

¹²³ Там же. С. 193.

журнала билингвизм, что уже вынесено в его название — «Арт / Лад» и что реализовано в публикациях художественного, публицистического и научного характера на коми языке, равноправно и без перевода печатающихся на страницах журнала. Более того, есть редкие, но знаковые для политики журнала и языкового пространства коми случаи, когда в рамках одного текста «работают» оба языка: и коми, и русский (как, например, в «Ангеле рода» Ю. Екишева).

В традиции республиканского журнала советской эпохи практиковались главным образом два варианта: национальный журнал на родном языке и национальный журнал на русском, который был не только своеобразным переводным дублером, но и существенным дополнением, показывающим литературную ситуацию в максимальной полноте. Современный билингвистический вариант «Арт / Лада» — явление креативно противоречивое, одновременно и сужающее читательскую аудиторию, и поддерживающее функционирование литературы, публицистики, науки на коми языке и показывающее возможность писать о проблемах жизни народа коми на русском. Двуязычие в данном случае не вынужденное, но сознательное, отражающее проблемы и реальность функционирования родного языка в тесном контакте с другим.

Языковая ситуация является важнейшей для журнала не только в аспекте его билингвистического существования, но и с точки зрения постоянно публикуемых материалов. И в своей билингвистической (иногда полилингвистической) практике журнал работает порой виртуозно. Так, например, в упомянутой уже книжке журнала, вышедшей к Дню Победы (2010. № 1), в тематической рубрике «Великая Отечественная война», наряду с другими материалами опубликованы подборки стихов на двух языках. Первая подборка, «“Дыр на, дыр на казытывны ми кутам...” Кывбуръяс», представляет стихи известных коми поэтов разных поколений на родном для них языке — Серафима Попова, Анания Размыслова, Альберта Ванева, Владимира Тимина, Галину Бутыреву, Евгения Козлова; вторая подборка, «Страна, не изменявшая присяге...», представляет стихи на русском языке Алексея Иевлева, Дмитрия Фролова, Евгения Суворова, Андрея Канева, Валерия Вьюхина.

В случае с журналом «Арт / Лад» корректность не предполагает сглаживания остроты проблем в жизни «малого народа». В рубрике «Точка зрения» так или иначе затрагиваются все проблемы, активно интересующие журнал, причем эта рубрика (если она есть) всегда открывает номер и всегда заостряет проблему. Так, по-прежнему важнейшим и дискуссионным остается вопрос существования коми языка. В статье старшего научного сотрудника КНЦ УрО РАН Е. Цыпанова «Коми язык как государственный: мечта или реальность?» риторический вопрос в названии уже свидетельствует о том, что это скорее мечта, нежели реальность. Предваряя статистику и выводы, автор делает широкий экскурс в историю функционирования коми языка — от азбуки абур, свидетельствующей о существовании древнекоми языка, до тех перипетий, которые происходили с родным для народа языком в период Российской и советской империй. Автор приходит к неутешительному заключению: несмотря на существование закона «О государственных языках Республики Коми» (1992), «дело вовлечения коми языка в государственное управление продвигается крайне медленно, и успехи в этом направлении весьма скромные. Особенно это заметно по сравнению с 20–30 годами, мероприятиями по “зырянизации-коренизации”, которая прошла быстро и очень эффективно. Хотя тогда и не было никакого закона о языках в настоящем смысле слова и государственных программ по его введению. Однако изменился с тех пор национальный состав населения, снизилось национальное самосознание, появился национальный нигилизм и безразличие, пассивность, ныне главенствует голый, бездушный практицизм в выборе языка общения, воспитания детей»¹²⁴.

В этой же рубрике изложена иная точка зрения на проблемы, связанные с жизнью коми языка. В сопоставительной статье «Сдерживание лингвистической волны: коми язык в России и французский в Канаде» канадский ученый Мишель Бушар в части, названной «Тезис», пишет: «После революции 1917 года политика нового государства иногда была довольно либеральной, иногда жесткой, а иногда просто безразличной к тому, как сохранялись языки малых

¹²⁴ Арт / Лад. 2003. № 2. С. 11.

народов. Советская идеология была уверена в том, что эти языки обречены на исчезновение. И случай с коми языком нельзя не назвать типичным: усилия, которые подрывали жизнеспособность коми языка, напоминают случаи с другими малыми народами, хотя бы назовем франкоговорящее меньшинство на Западе Канады, откуда родом автор данной статьи. Есть такое понятие, как “стокгольмский лингвистический синдром”: это когда меньшинство, находящееся под социальным воздействием большинства, ущемляет свой язык и любой ценой ищет одобрение у доминирующей группы. А когда население отказывается говорить на своем языке, дабы объединиться с доминирующей группой, происходит так называемый языковой суицид»¹²⁵.

Особая активизация интереса к судьбам коми языка была характерна для 2009 года, объявленного Годом коми языка. Например, в журнальной книжке № 4 этой теме отданы две рубрики: «Коми кывлӧн во» и «Слово о словаре». В первой рубрике предложена обстоятельная статья доктора филологических наук Галины Федюновой «Письменность и становление коми литературной традиции (XIX–XX вв.)», в которой на материале конкретного языка и литературы показана взаимосвязь появления общенационального языка и традиций письменности. Одновременно доказывается, что вне зависимости от социально-исторических катаклизмов не могут быть поняты многие закономерности развития языка и литературы. В рубрике «Слово о словаре» помещена статья известного коми ученого Адольфа Туркина, посвященная первым составителям русско-коми словаря. Завершается весь «лингвистический блок» публикацией писем составителей первого русско-коми словаря академику Андрею Михайловичу Шёгрёну, носящих преимущественно научный характер.

Когда речь идет о существовании коми языка и его носителей, журнал может становиться даже дерзким. Он может, например, предоставить свои страницы председателю комиссии Госсовета по национальным вопросам В. И. Скоробогатовой, не склонной к эвфемизмам и дипломатии: «Надо не только искусственно повышать статус языка, но и расширять сферу его применения, не ограничи-

¹²⁵ Арт / Лад. 2006. № 4. С. 4.

ваться культурой и образованием. К сожалению, в новом правительстве Республики Коми нет ни одного представителя, владеющего двумя государственными языками. Это ли не понижение статуса?»¹²⁶ Или может предоставить слово учителю коми языка и литературы Ирине Владимировне Калининой из села Важгорт Удорского района, которая имеет право на «прямоговорение»: «Ведь мы, коми, исчезаем, ассимилируемся, “растворяемся” в общей массе. И дело здесь не только в высокой смертности в коми селах и деревнях, а и в том, что человек стесняется своей национальности! <...> Конечно, нельзя отрицать влияния глобализации, но ведь умудряются же финны (и не только они) сохранять свой язык, культуру? Так в силу каких причин мы, коми, так легко отказываемся от своего языка, предаем его? Я не боюсь обсуждать эту острейшую проблему со своими учениками. На уроках литературы или занятиях кружка анализируем такое сложнейшее и противоречивое понятие, как “коми национальный характер”. Кто я? Почему я такой? Чем я похож на отца, деда? Чем отличаюсь? <...> Но усилий только учителя в решении проблемы понимания себя как частички коми нации недостаточно. Необходима серьезная государственная программа по сохранению коми этноса. Иначе мы скоро исчезнем, и тема данного разговора станет уже ненужной...»¹²⁷

Показательно, что «Арт», порой склонный к пафосу, не склонен к упрощению. Примером может быть осмысление на страницах журнала роли Стефания Пермского в судьбе коми народа. Фигура Стефания Пермского — центральная фигура фактически при любом разговоре об истории коми народа. Ему может быть отдана отдельная рубрика. О нем пишут драмы, прозу, ему посвящают стихи современные поэты, о его роли размышляют ученые, публикующиеся на страницах журнала. Так, в своей брошке названной статье «Явление св. Стефана: рука Москвы или подвиг духа?» заместитель главного редактора П. Ф. Лимеров убедительно пишет о причинах периодически возникающих негативных оценках деятельности святителя Стефана Пермского: «Ностальгические идеи о подлинно

¹²⁶ Арт / Лад. 2010. № 1. С. 5.

¹²⁷ Там же. С. 6.

национальной языческой культуре, абсолютно чуждой христианству, вообще характерны для периодов национального подъема. В духе ренессансных устремлений национальное движение ищет обоснование своей подлинности в мифическом прошлом, вызывая к жизни память о ценностях давно умерших культур»¹²⁸. Своеобразным добавлением к этому размышлению служит замечание А. Котылева в статье «Социокультурное значение образа и деяний святителя Стефана Пермского в свете исторических аналогий», обнажающее иной полюс в национальном движении интеллигенции: «Попытки представить Константина славянином, а Стефана — зырянником можно счесть современным стереотипом этнокультурного сознания, пытающегося организовать исторические события и персонажи относительно своего нового ядра»¹²⁹.

Из номера в номер журнал публикует материалы, в том числе и сугубо научного характера, в которых авторы размышляют о непростых взаимоотношениях «малого народа» и «титутльной нации». Как пример можно назвать три публикации, репрезентирующие широту подхода журнала к проблеме.

Уже цитированная сопоставительная статья Мишеля Бушара «Сдерживание лингвистической волны: коми язык в России и французский в Канаде» весьма убедительно показывает, что причины «лингвистического суицида» лежат не только в сфере государственной идеологии и политики, но и зависят в немалой степени от общецивилизационных процессов урбанизации, а также от демографических сдвигов. Красноречивы цифры, приведенные в конце статьи: в 1926 году коми населения в Республике Коми было 86,9 %, в 2002 году — 25,2 %.

Проблемы языка и религии связывает воедино остроактуальная статья этнографа из Финляндии Арно Сурво «Символы разума и символы веры», которая имеет подзаголовок, прямо ставящий проблему: «Лютеранство Ингерманландии в советском культурном пространстве: религиозно-магические представления как билингвиальный механизм культуры». Статья начинается с опреде-

¹²⁸ Арт / Лад. 2003. № 2. С. 115.

¹²⁹ Там же. 2006. № 4. С. 101.

ления ситуации, характерной, кажется, не только для отдельной лингворелигиозной общности: «Отождествление религиозности и этничности является одним из наиболее проблематичных феноменов культуры, приводящих к разрыву связей с ближней инаковостью (инаковостями) и знаменующихся в итоге различными конфликтами. В более широком понимании подобное стремление к идеологизированному “одноязычию” означает искусственное приравнивание пространственных и временных измерений культуры в контекстах идеологий, строящихся на наделении носителей иных языков всевозможными негативными атрибутами. <...> Однако вне идеологического противостояния существует другая действительность — реальность непосредственных этнорелигиозных контактов. Обстоятельства повседневной коммуникации конкретизируют и обновляют связи культурных антисистем, благодаря чему их противостояние трансформируется во взаимодействие языковых и смысловых пространств»¹³⁰.

Историчность и объективность взгляда исследователя позволяют ему и продуцировать новые термины («современное религиозное многоязычие»), и спокойно говорить не только и не столько о русско-советском шовинизме, но и об использовании финским национализмом политизированной религиозности: «От рассуждений финляндской элиты времен собирательства рун о “Финскости”, “Русскости” и “Шведскости” (эти — в переводе особенно курьезно звучащие — понятия писались к тому же с заглавной буквы) создается впечатление, будто речь идет не о реальной исторической эпохе, а о мифологическом противостоянии фольклорных персонажей. Поэтому не случайно то, что мифологизация “русскости”, а затем отождествление ее с “советскостью” — “русскую веру” заменил соответственно “атеизм” — являлось отличительной чертой и финляндского варианта славянофобии. “Демоничность” русского влияния стала очень удобным объяснением причин гражданской войны между “красными” и “белыми” финнами и иных исторических коллизий»¹³¹.

¹³⁰ Арт / Лад. 2000. № 3. С. 140.

¹³¹ Там же. С. 143.

Наконец, непредвзятость позиции исследователя в обзоре конкретных реалий существования Ингреманландской евангелическо-лютеранской церкви позволила сделать вывод, далеко выходящий за пределы данной конкретики: «“Советскость” и “атеистичность” являлись актуальными символами, т. е. внешней стороной культуры тех десятилетий. В потенциале советской системы была “запрещенная реальность” непосредственных этнорелигиозных контактов. В этой другой действительности ценным признавалось обладание даром многоязычия — способность к восприятию различных текстов своей культуры и текстов разных культур. В напряженных отношениях “своего” и “чужого” происходило постоянное взаимопроникновение смысловых пространств и образование новых смыслов вне идеологического противостояния, чем простонародное инакомыслие принципиальным образом отличалось от диссидентствовавшего нигилизма»¹³².

Поводом для статьи венгерского профессора филологии Петера Домокоши стало 150-летие появления эпоса «Калевала», смыслом — тезисно прочертить негативную роль русских в формировании национального самосознания у народов финно-угорской группы. Русские всегда, по мнению автора, совершали оценку и отбор того, что достойно войти в историю и культуру, а что нет: «О русских можно писать только хорошее или молчать. Без них и без позитивного отклика о них не может существовать история, прошлое и настоящее»¹³³. Несмотря на некую с неизбежностью возникающую неловкость, думается, журнал был прав, публикуя эту статью, поскольку — воспользуемся высказыванием финского ученого — «демонизация русскости», видимо, является определенной частью сознания финно-угорского мира, что вполне объяснимо.

Если говорить о главной черте нынешнего состояния журнала «Арт / Лад», то можно сказать так: это профессионально работающий, целеустремленный журнал, корректный, но и внутренне взволнованный, отстаивающий свою позицию, в которой главное — любовь к своему народу и краю. Симптоматично, что спустя

¹³² Арт / Лад. 2000. № 3. С. 150.

¹³³ Там же. 2003. № 1. С. 82.

семь десятков лет современный коми журнал «Арт / Лад» пошел по тому пути, который был предложен его предшественником — журналом «Коми Му — Зырянский край» в 1920-е годы. Более того, проблемы, поднятые в то время, сохранились до сих пор, и главнейшая из них — проблема национального позиционирования коми в современном мире. Будь то складывающийся СССР или постперестроечная Россия — принципиальной разницы в этих проблемах нет, кроме интенциональной: в первом случае был пафос надежды, во втором — попытка сохранить то, что осталось.

Глава 3

СУДЬБА РУССКОЯЗЫЧНОГО ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (на примере журнала «Литературная Грузия»)

Русскоязычный, но инонациональный журнал имеет особые черты, выработанные подобного типа журналами советской эпохи от «Даугавы» до «Литературной Грузии», от «Литературной Армении» до «Звезды Востока». В советскую эпоху они были связаны с весьма определенной задачей — с собиранием и продвижением на более широкий геополитический уровень, воспользуемся риторикой ушедшей поры, «лучших кадров национальной творческой интеллигенции». В традиции журнала советской эпохи практиковались главным образом два варианта: национальный журнал на родном языке и национальный журнал на русском, который был не только своеобразным переводным дублером, но и существенным дополнением, показывающим литературную ситуацию в максимальной полноте. Русскоязычный вариант национального журнала был востребован интеллигенцией, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, он давал интересную информацию широкого культурного спектра (от анонсирования новых имен до специфических сведений этнографического, социально-политического, исторического характера). Во-вторых, зачастую национальный журнал имел больше возможностей, чтобы обойти цензуру, и публиковал русских полуопальных и опальных писателей, имена которых не могли появиться на страницах российских журналов.

Ныне в результате геополитических сдвигов ситуация коренным образом изменилась. По верному замечанию Г. Ермошиной, «литературная жизнь ближнего зарубежья, как сейчас называют бывшие республики бывшего Союза, для большинства российских читателей — “terra incognita”»¹. Автор точно обозначает то, что произошло с русскоязычным писателем и русскоязычным читателем в постсоветском пространстве: «Для старшего поколения на слуху остаются те писатели, чьи имена звучали в их молодости, а о том, что сейчас происходит в русскоязычной литературной среде в соседних странах, известно не так уж много. Контакты если и происходят, то на уровне личных взаимоотношений. Кое-где русская литература, русскоязычные авторы, да и вообще русский язык, находятся если не под негласным запретом, то уж во всяком случае в сфере явлений нежелательных. Не переставая, тем не менее, существовать»². Очерчено и то, как творческая интеллигенция пытается выйти из создавшейся ситуации: «Кто-то продолжает писать практически в пустоту, не надеясь быть замеченным в среде чужого языка и другой культуры, кто-то пытается искать пути выхода из сложившейся ситуации, выхода к своему читателю. И иногда это даже удается. Достаточно вспомнить общественный фонд “Мусагет” в Казахстане, при поддержке которого выходит и русскоязычный журнал “Аполлинарий”, и книги совсем молодых авторов, формируя литературную среду, которая уже довольно хорошо известна в России. Это и харьковский журнал молодых авторов “Союз писателей”, для которых важнее всего внутренняя свобода, и их голос услышан российскими читателями. В Узбекистане на сегодня единственным голосом русскоязычной литературы остается журнал “Звезда Востока”, чья долгая история полна неожиданностей, взлетов и падений»³.

Заметим, что картина, обрисованная всего десять лет назад, существенно изменилась, и не в лучшую сторону. Более того, простая статистика свидетельствует о критичности ситуации. Так, например, рижский журнал «Даугава» выходил в Риге с 1977 по 2008 год.

¹ Ермошина Г. Из глубины молчания. Звезда Востока: литературно-художественный журнал (Ташкент). — 2007. № 3 // Знамя. 2008. № 6. С. 232.

² Там же.

³ Там же.

До 1990 года он был ежемесячным, в дальнейшем стал выходить один раз в два месяца. Если его тираж в середине 1980-х годов достигал 16 тысяч экземпляров, то в 2003 году составил всего 500 экземпляров, и в конечном счете журнал прекратил свое существование. Эстонский литературный журнал «Радуга», пытавшийся модифицировать сообразно с изменившейся геополитикой журнал советских времен «Таллин», стал издаваться с июля 1986 года. До 2006 года существовала также версия на русском языке. Пик популярности «Радуги» пришелся на 1989–1990 годы, когда русскоязычная версия распространялась (в частности, по подписке) по всему СССР, а тираж достигал 30 тысяч экземпляров. Русскоязычная версия в последние четыре года перед закрытием (2002–2006) выходила тиражом всего 300 экземпляров.

В эссе-воспоминании «Их остается только трое... (русскоязычная пресса Литвы)» Нина Мацкевич, вспоминая работу латвийского журнала «Родник», показывает, как перестроечные журналы-двойники национальных советских журналов также становились все менее востребованными: «Сегодня русская пресса Литвы представлена немногими еженедельниками и одной ежедневной газетой, на девяносто с лишним процентов состоящей из переводов с литовского оригинала. <...> В независимость Литвы русские СМИ вступили бодро: ... интеллектуалы следили за новыми номерами литературных журналов “Вильнюс” (некогда “Литва литературная”) и “Лад”. Связи с Россией рвались, поэтому редакторы публиковали многостраничные дайджесты российской прессы. <...> Постепенно рынок СМИ устоялся, с кабельными сетями вернулось российское телевидение, и потребность в перепечатках материалов российской прессы отпала. К тому же читателей становилось все меньше: по последним данным, в Литве проживает лишь пять процентов русских⁴.

В контексте сказанного наиболее показательна судьба национального журнала на русском языке «Литературная Грузия» — одного из самых некогда авторитетных и ярких «оттепельных» журналов, который задумывался как советский ежемесячный лите-

⁴ Мацкевич Н. Их остается только трое... (русскоязычная пресса Литвы) // Слово.ру : Балтийский акцент. 2010. № 1–2. С. 71.

ратурно-художественный и общественно-политический журнал. Его появление «знаменовало, что негрузинский читатель отныне будет в курсе живого литературного процесса, ознакомится с новыми достижениями грузинского искусства и гуманитарной науки, а также с избранными образцами из классического наследия грузинской литературы»⁵.

«Литературная Грузия», как и все советские журналы, был органом Союза писателей. Первая книжка журнала вышла в июне 1957-го. Главными редакторами журнала в разные годы были К. Лордкипанидзе, М. Мревлишвили, Г. Цицишвили, Г. Асатиани, Т. Буачидзе, Р. Миминошвили, З. Абзианидзе. Необходимо помнить, что в общеоттепельную эпоху новый грузинский журнал вошел вместе с новым лирическим грузинским кинематографом, авангардным примитивизмом Пиросманишвили, грузинским театром и музыкой.

Журнал «Литературная Грузия» неоднократно писал о своем направлении, которое, безусловно, так или иначе менялось за полувековую историю его существования, при этом журналу всегда удавалось сохранять свое лицо. Первый номер издания открывается редакционным предуведомлением «О нашем журнале», составленным, казалось бы, из набора идеологических штампов советского журнала: «Рождение нашего журнала — новое свидетельство неустанной заботы партии и правительства о дальнейшем подъеме многонациональной советской литературы, о повышении идейного и культурного уровня трудящихся, о развитии и укреплении дружбы народов СССР»; «Главная тема журнала — жизнь и труд нашего современника — строителя коммунизма»⁶ и пр. Однако, во-первых, в определении своего направления журнал сразу оговаривает свою специфику: «Наш журнал призван знакомить русского читателя со всем лучшим, что создает грузинская советская литература. Журнал будет публиковать произведения русских писателей, живущих и работающих в Грузии. Рядом с романами, повестями,

⁵ Литературная Грузия (1957–2007) : Юбилейный сб. / сост. и ред. З. Абзианидзе. Тбилиси, 2008. С. 3.

⁶ Лит. Грузия. 1957. №. 1. С. 3.

рассказами и стихами мастеров прозы и поэзии мы широко покажем творчество талантливой молодежи. <...> Редакция привлекла к сотрудничеству в журнале квалифицированных переводчиков, которые, мы надеемся, смогут донести до русского читателя индивидуальные особенности и творческую манеру писателей Грузии»⁷. Во-вторых, сквозь треск идеологии прорывается дружески теплая интонация журнала, которая вскоре станет доминантной: «Мы надеемся, что у “Литературной Грузии” появятся многочисленные друзья — требовательные и взыскательные»⁸. И в-третьих, уже в первом номере журнала обнаруживается главная его стратегическая направленность и основной тактический ход: отдав необходимую дань идеологическим стереотипам, «Литературная Грузия» в основном тексте книжки представляет стихи Тициана Табидзе и Важи Пшавелы, в рубрике «Среди книг» предлагает рецензию М. Заверина на книгу стихов Михаила Квливидзе «Так пелось мне», а в рубрике «На разные темы» помещает заметку Г. Бебутова «К истории одного знакомства» (В. В. Маяковского с В. В. Канделаки).

В 12-м номере за 1969 год программа уже состоявшегося периодического журнала сформулирована более откровенно и четко: «“Литературная Грузия”, как всегда, уделит большое место критике и литературоведению, публицистике и взаимосвязям с братскими литературами, а также еще не опубликованному большому мемориальному наследию грузинских литераторов и тех отечественных и зарубежных писателей, чье творчество связано с Грузией»⁹. Очевидно, что продуман и последовательно проводится принцип отбора материала и способы его презентации и оценки. На страницах журнала публикуются главным образом прозаики, поэты, ученые, связанные с Грузией, с ее историей, культурой, национальным своеобразием. Далее — русские писатели и представители науки, связанные с Грузией, занимающиеся проблемами литературы, культуры, этнографии, наконец, те, кто был «нежелателен» в российской периодике.

⁷ Лит. Грузия. 1957. №. 1. С. 3.

⁸ Там же.

⁹ Там же. 1969. №. 12. Обложка. С. 4.

«Литературная Грузия» своего расцвета (1960-е годы) достаточно редко шла на несколько облегченный вариант создания целостности книжки за счет единой темы или аспекта: номеров молодежных, посвященных отдельной национальной литературе, тематических номеров, особенно начиная с 1990-х годов. Но истинным знаком высшего профессионализма журнала является целостность рядовой его книжки.

Возьмем для анализа произвольно выбранный 9-й номер журнала «Литературная Грузия» за 1978 год. Конец 70-х — глухое время для российских журналов: восемь лет как разгромлен «Новый мир» А. Твардовского, активно продолжается третья волна эмиграции, уезжают почти все авторы катаевской «Юности», ужесточается «сусловская» цензура. А в «Литературной Грузии» под одной обложкой выходят стихи Евг. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, В. Леоновича, Я. Гольцмана, Ю. Мориц, И. Дадашидзе, К. Коринтэли, Е. Квитницкой, В. Краско, М. Кудимовой, П. Нерлера, А. Цыбулевского, сложная, очевидно далекая от соцреалистического письма проза Ива Оганова, психологический рассказ Е. Быковой, статьи Виктора Шкловского о Л. Толстом, С. Белова о Достоевском, Л. Озерова о К. Арсеновой, статьи Г. Маргвелашвили о некоторых авторах журнала. Но не явная оппозиционная направленность связывает журнальную книжку в одно целое, делает ее текст «произведением особого рода», а сложное и тонкое переплетение внешнего и внутреннего сюжетов.

Ключевым словом внешнего сюжета становится слово «дружба». Уже в редакционной врезке ко всему журналу читаем: «“Литературная Грузия” очередной свой номер посвящает этому славному событию (Дням советской литературы в Грузии. — Т. С., А. П.) и под своей, ставшей уже традиционной, рубрикой “Свидетельствует вещий знак” публикует новые произведения своих русских *друзей* (здесь и далее при цитировании этого журнала курсив наш. — Т. С., А. П.) — и давних, испытанных наших товарищей, и молодых, можно сказать, дебютантов. <...>. Добро пожаловать, дорогие *друзья*, к нам в Грузию, в нашу писательскую семью!»¹⁰ В преамбуле к традиционной для журнала 70-х годов, а ныне легендарной рубрике «Свиде-

¹⁰ Лит. Грузия. 1978. № 9. Обложка. С. 2.

тельствует вещий знак» читаем: «Читателя, разумеется, не удивит новая встреча с уже хорошо знакомыми по нашим же предыдущим подборкам именами и фигурами: ведь одно из главных свойств дружеской привязанности — ее постоянство; новые же друзья не вытесняют старых, а с доверием принимаются в их семью»¹¹.

В том же номере, в предуведомлении к публикации переписки Н. Тихонова и Г. Леонидзе, названной «Мост дружбы», читаем: «Многое сказано и написано о творческих связях и дружбе этих двух больших поэтов»¹². Слово «дружба» будто пронизывает весь текст номера, но — и это становится очевидным почти сразу — имеет мало общего с официальной «дружбой народов». Достаточно восстановить контекст названия рубрики, взятой из стихотворения С. Есенина 1924 года «Поэтам Грузии»:

Я — северный ваш друг
И брат!
Поэты — все единой крови.
<...>
Свидетельствует
Вещий знак:
Поэт поэту
Есть кунак.

Идея поэтического родства — знак перехода к более глубинному и сложному сюжету анализируемого номера. Это идея понимания себя как творческой личности через прикосновение к чужому, но не чуждому другому, к другой земле, нации, культуре, судьбе. Поэтически-публицистическая формула этой позиции выражена (несколько прямолинейно, в духе позднего Маяковского) Евг. Евтушенко:

В эхо ваше,
грузинские квери,
Как багдадский подросток,

¹¹ Лит. Грузия. 1978. № 9. Обложка. С. 3.

¹² Там же. 1978. № 9. С. 8.

Я верю.
Проверяю свой голос
По эху,
Как и следует в жизни
Поэту.
Это эхо пусть будет не узким,
А с народами всеми
Единым...
Если бы я не родился русским,
Я хотел бы родиться грузином!¹³

Ведущий рубрики в статье «С мужеством и правдой в груди», посвященной поэзии и переводческой деятельности Евг. Евтушенко, находит у него строки более глубокие и, с точки зрения грузинского критика, особенно важные, подтверждающие истинность «образного парадокса, который не следует толковать буквально, но в котором мы обязаны вычитать истину любви и родства, обуревающих поэта: “О, Грузия, — нам слезы вытирая, / ты — русской музы колыбель вторая. / О Грузии забыв неосторожно, / в России быть поэтом невозможно”»¹⁴.

В следующей статье, «Когда на нас глядит поэт», посвященной анализу второго издания книги Беллы Ахмадулиной «Сны о Грузии» в знаменитом издательстве «Мерани», Г. Маргвелашвили еще более углубляет мысль о родстве между поэтическими культурами: «И под сенью такого и чистого, и грозного неба воистину впору встретиться Пушкину с Руставели, Бараташвили с Лермонтовым, Шекспиру с Важа Пшавела, Галактиону с Блоком, Тициану Табидзе с Пастернаком, Шостаковичу с Ладом Гудиашвили, Антокольскому с Симоном Чиковани и Марине Цветаевой с Анной Калидзе. И растет свои корни, и ветвится родословная, опровергая замкнутость кровного и приветствуя безбрежность духовного родства: “Вас ли, о, вас ли, Шота и Важа, / в предки не взять и родство опроверг-

¹³ Лит. Грузия. 1978. № 9. С. 12.

¹⁴ Там же. С. 34.

нуть? / Ваше — во мне, если в почву вошла / косточка — выйдет она на поверхность”¹⁵.

В этой статье нет случайных имен и цитат, любое из них — о понимании себя через другого и об общности поэтов во вселенском единстве поэзии. Будь то не атрибутированная по понятным причинам цитата из «Шестого чувства» Н. Гумилева или прямое цитирование Б. Пастернака, писавшего о Грузии как о «стране неотсроченной краски и ежесуточной действительности»¹⁶.

Наконец, в блестяще написанной статье «Перевел в слезах от счастья», рассуждая о «галактионовых преображениях» Владимира Леоновича, критик скажет прямо: «Встреча с Галактионом была равносильна новому обетованию и обретению веры. <...> И тут произошло чудо, конечно же духовное, но имеющее и все признаки биологического — произошло как бы сращение голо-совых связок поэтов...»¹⁷ Г. Маргвелашвили развивает метафору «косточки», «веточки», найденную то ли у Б. Ахмадулиной, то ли у В. Ходасевича, метафору всеобщего родства поэзии и обязательности инонациональной прививки: «Веточка привилась к плодоносящему российскому дереву поэзии Владимира Леоновича. В этом легко убедиться, сравнив его “догалактионовские” творения с последующими. “Ферментальное” наличие здесь Галактиона очевидно»¹⁸. Критика можно было бы упрекнуть в том, что ему присуща только «грузинская оптика», если бы не продолжение мысли: «Так делал сам Галактион не только в своих руставелиевских и бараташвилиевских, церетелиевских и чавчавадзевских родословных устремлениях, но и пушкинских, лермонтовских, шеллиевских, верленовых и блоковских пристрастиях. И если уж считаться с тем, что воистину “связалось связками голосовыми”, не удивляться нужно, смущаясь, а радоваться, гордясь, и наличию галактионовских обертонов в поэзии Леоновича, и “смешению” в его переводах “тайнословия” его — Леоновича — “литургии”

¹⁵ Лит. Грузия. 1978. № 9. С. 3. С. 41.

¹⁶ Там же. С. 43.

¹⁷ Там же. С. 44.

¹⁸ Там же. С. 44–45.

с «воздухом Галактиона», со взыскательно-гостеприимной, великодушной средой его поэзии»¹⁹.

Чрезвычайно поддерживает внутренний сюжет номера статья В. Шкловского «Толстой на Кавказе», посвященная истории создания и анализу повести «Казачи». Российский филолог убежден в том, что «мимо гор, через берег реки Терек, через Кавказ, через Крым пришел Лев Николаевич Толстой к пониманию России. И это дали ему кавказские станицы, и Пятигорск, и пребывание в Тифлисе — они дали дорогу к России, к широкой России, которую он всю жизнь потом пытался выразить»²⁰. И еще определеннее: «Два Кавказа — Кавказ гор и Кавказ Грузии научили Толстого разнообразию жизни, разнообразию существующей нравственности, необходимости раздельно, критически, как новость, воспринимать жизнь.

Детство в Ясной Поляне Лев Толстой увидал из Тифлиса»²¹.

Думается, приведено достаточно доказательств того, что идея поэтического взаимопонимания, поэтического единокровия и узнавания себя через другого пронизывает журнальную книжку «Литературной Грузии», придает ей особую целостность.

Внутренняя целостность журнала, сумевшего осознать и выстроить свое направление, держится на трех проблемных блоках: нация — культура — диалог, связанных в сверткестовом единстве периодического издания ключевым для него словом *судьба*. В журнальной практике это реализуется через точное понимание предназначения журнала: репрезентация прошлого и настоящего культуры Грузии (функции сохранения, популяризации и культуртрегерства), вписывание литературы Грузии в общероссийский и мировой контекст (функция повышения культурного самосознания нации), публикация забытых имен русской культуры и современных журналу опальных русских и не только русских писателей и поэтов (функции сбережения и помощи). Так, в разные годы в журнале появляются имена классиков грузинской литературы (от Шота Руставели до Ильи Чавчавадзе), причем это чрезвычайно профес-

¹⁹ Лит. Грузия. 1978. № 9. С. 45.

²⁰ Там же. С. 104.

²¹ Там же.

сиональные публикации — в лучших переводах и с привлечением ведущих ученых с их глубокими филологическими разысканиями. Журнал щедро публикует переведенные на русский язык произведения авторов «новых волн» грузинской литературы от Н. Думбадзе, Т. Чиладзе до О. Чиладзе и Ч. Амирэджоби, О. Иоселиани, не забывая публиковать поэтов предшествующих лет — Г. Табидзе, Т. Табидзе, С. Чиковани. Одновременно с этими именами на страницах журнала постоянны имена Евг. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы, В. Леоновича, П. Нерлера, Ю. Мориц, О. Чухонцева, Ф. Искандера и др. Смелыми и существенно расширившими читательскую аудиторию были публикации из архива Б. Пастернака, О. Мандельштама, М. Булгакова, А. Ахматовой, М. Цветаевой, П. Флоренского, Н. Гумилева, К. Бальмонта. Наконец, «Литературная Грузия» сумела опубликовать и прозу Джеймса Джойса в 1970-е годы, а в конце 1980-х на ее страницах появились произведения Г. Робакидзе и труды М. Мамардашвили.

Думается, редколлегия грузинского журнала учитывала программные тезисы журнала-лидера «оттепели» — «Нового мира». О внимании к двунаправленности издания (литературное и общественно-публицистическое) свидетельствует рубрикатор и постоянная редакционная работа над его составом. Основные рубрики журнала «Литературная Грузия» в 1950-е годы: «Стихи, проза», «Очерки», «Литературная критика», «Публицистика», «Документы, письма, воспоминания», «Грузия на стройке», «Наши интервью», «Среди книг», «На разные темы», «За рубежом», «Страницы минувшего». В 1960-е годы уходит рубрика «Грузия на стройке», появляются рубрики «Спорт», «Друзья о друзьях», «Хроника культурной жизни», «Вопросы эстетики и теории литературы», «Литературные взаимосвязи», «Встречи и воспоминания», «Ученые об ученых», «Наши публикации» и даже «Юмор». Как и все «толстые» журналы, «Литературная Грузия» в обязательном порядке дает юбилейные рубрики. Так, только за 1964 год их было три: «К 150-летию со дня рождения Тараса Шевченко», «К 400-летию со дня рождения Шекспира» и «К 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова». Простое перечислительное сопоставление рубрик за чуть более чем десятилетие существования журнала, то есть пору его становления

и обретения своего направления, свидетельствует о тенденции к расширению и разнообразию общественно-политической составляющей журнала с явным преобладанием социокультурного, национального компонента.

В соотнесенности с основными направлениями журналистики формировались задачи и роль литературной критики как важнейшего элемента литературной ситуации и литературного процесса: целенаправленное воспитание художественного вкуса читателя; совершенствование художественного мастерства писателя путем тактичного и вместе с тем решительного выявления как достоинств, так и недостатков его творений; анализ и оценка современного литературного процесса.

Пожалуй, в одной из самых интересных рубрик журнала — «Свидетельствует вещий знак» точно сформулированы эстетические принципы «Литературной Грузии», имеющие мало общего с общепринятой в то время формулой-определением характера «многонациональной советской литературы» — «национальная по форме, советская по содержанию». Выражая этико-эстетическую позицию журнала, Г. Маргвелашвили настаивает: «Вещий знак продолжает свидетельствовать все о том же — о содружестве поэтов, литератур и культур, о содружестве, ставшем естественным и уже закономерным воплощением процесса собственно творческого, универсальная многоликость которого не переходит в размытую безликость благодаря извечной и вековой закваске индивидуально-самобытного начала любого художественного творчества»²².

В «Литературной Грузии» критике отданы традиционные рубрики «Литературная критика» и «Среди книг», но проблемы литературного свойства поднимаются и в других рубриках журнала: «Мастера грузинского искусства», «Документы, письма, воспоминания», «Трибуна писателя», «По страницам журналов и газет», «Жизнь выдающихся людей». Журнал быстро создал свою команду критиков — как грузинских, так и российских, — разделяющих этико-эстетическую позицию журнала. Назовем только несколько имен:

²² Маргвелашвили Г. «Свидетельствует вещий знак» // Лит. Грузия. 1978. № 9. С. 3.

Г. Маргвелашвили, М. Заверин, Л. Асатиани, Д. Стуруа, Г. Ломидзе, Ш. Абхаидзе, Т. Баучидзе, Ю. Суровцев, В. Шкловский, В. Чалмаев, В. Оскоцкий, Э. Маградзе, З. Абзианидзе.

Читательские письма, читательские отклики всегда были для журнала знаком того, что он выполняет главную гражданскую миссию — способствует раскрепощению национального и общественного сознания. Довольно быстро у журнала появляется свой читатель. Это тот же, что у «Юности» и «Нового мира», думающий молодой человек, входящий в жизнь, и зрелый интеллигент, которые находят в «Литературной Грузии» не только новую, порой полузапретную информацию, но вступают с журналом в напряженный духовный и душевный диалог. Знаком открытости журнала своему читателю также могут служить анонсы содержания на будущий год: «В 1989 году журнал “Литературная Грузия” предполагает напечатать: прозаические произведения Григола Робакидзе “Енгед”, “Защитники Грааля”, “Змеиная кожа”, Вахтанга Челидзе “Исторические хроники”, а также произведения Ч. Амирэджиби, Г. Панджикидзе, Р. Джапаридзе, Р. Кобидзе, С. Пайчадзе, детективный роман Буало-Нарсежака “Среди мертвых”, стихи Ир. Абашидзе, Дж. Чарквиани, О. Чиладзе, Ш. Нишнианидзе, М. Мачавариани, М. Поцхишвили, Х. Берулава, П. Флоренского. Читателям будут предложены интересные публикации и критические статьи, освещающие актуальные проблемы современного литературного процесса, статьи из литературного наследия, неопубликованные письма...»²³ По мере роста затруднений в издании журнала в конце 1980-х и особенно в 1990-е годы редколлегия оправданно пытается делать анонсы более оценочными, дабы показать читателю, что журнал на своих страницах продолжает создавать особую библиотеку «для своих», библиотеку «Литературной Грузии».

В «Литературной Грузии» было несколько главных редакторов, при каждом из них журнал, сохраняя свое направление, все же чуть менялся. Об этой общности этико-эстетической устремленности всех и несомненной индивидуальности каждого в юбилейном для журнала 1997 году в номерах 7–12, в подборке «Наш главный редактор»,

²³ Лит. Грузия. 1988. № 12. Обложка. С. 2.

пишут в своих статьях-портретах Гурам Гверцители (о Константине Лордкипанидзе), Георгий Цицишвили (о Михаиле Мревлишвили), Тамаз Натрошвили (о Гургаме Асатиани), Роман Миминошвили (о Тенгизе Буачидзе). В 40-летний юбилей журнал вспоминал своих главных при новом редакторе З. Абзианидзе. И уже сам Заза Абзианидзе спустя десять лет подводит итог: «Итак, “первая пятилетка” в основном определила идеологические и художественные приоритеты журнала, которые, если и менялись, то уже в зависимости от предпочтений редактора и той “допустимой свободы”, которую завоевал тот или иной руководитель “Литературной Грузии”»²⁴.

Вокруг журнала, имеющего свое направление, всегда собирается группа единомышленников: редактор, редколлегия, постоянные авторы, определенный состав критиков и т. д. То же можно сказать и о «Литературной Грузии». И утрата своего читателя — начало гибели журнала, что и произошло в какой-то степени с «Литературной Грузией» в 1990-е годы. Попытки возобновить жизнь журнала в конце 1990-х заставили главного редактора З. Абзианидзе напрямую обратиться как к старому читателю, помнившему журнал периода расцвета, так и к новому, уже приученному к другому письму и другому чтению. Приведем обращение «К читателям» полностью, поскольку журнал «Литературная Грузия» после 1991 года фактически стал недоступен для российского читателя:

«Итак, после долгого интервала, выходит в свет обновленный номер “Литературной Грузии”. Думаю, это обновление касается не только нового редактора и новых имен в редколлегии и коллективе журнала.

Несколько слов о нашем видении места и роли “Литературной Грузии” на пороге XXI века: для грузинского журнала на русском языке эта роль весьма специфична. В свое время “Литературная Грузия” сделала себе имя, познакомив русскоязычного читателя с наиболее яркими и смелыми образцами грузинской поэзии, прозы, эссеистики. Да и не только грузинской — многие произведения, годами придавленные прессом московской цензуры, впервые увидели свет в нашем журнале.

²⁴ Литературная Грузия (1957–2007) : Юбилейный сб. С. 4.

Каждый из нас, более или менее причастный к судьбам “Литературной Грузии”, помнит, какой ценой давались нам эти публикации, помнит и ту, разделяемую сотнями восторженных читателей, радость литературных побед. Парадоксально, но период застоя стимулировал наш профессиональный пафос, а наступившая, столь желаемая демократия привнесла ряд сложнейших проблем.

Теперь, когда свободомыслием никого не удивишь — ни у нас, в Грузии, ни в России, “Литературная Грузия” может и должна сохранить свое доброе имя уже в условиях жестокой конкуренции с огромным количеством увлекательных, ярких и красочных периодических изданий.

Этот сегодняшний фон рождает соблазн увлечения “бульварщиной”, скандальными публикациями, подспудной заменой истинной литературы “паралитературой”.

Можно с уверенностью сказать, что “Литературная Грузия” в случае подобной метаморфозы будет недостойна своего имени. Трудные времена мы должны пережить, не изменяя своему призванию и нравственному облику, как бы это ни отразилось на тираже и периодичности. Что касается периодичности, то, исходя из наших реальных возможностей, предполагается, что со следующего года журнал будет выходить в квартал раз. Хотелось бы, чтобы он стал своеобразной “визитной карточкой” Грузии — у нас есть писатели, артисты, художники, которыми можно гордиться. Что до оформления, красочности журнала, то тут, конечно же, наши желания пока расходятся с нашими возможностями — единственный в Грузии русскоязычный общекультурный журнал и без цветных иллюстраций, без качественной полиграфии? Увы, до поры мы вынуждены мириться с этим.

Широкий ареал, отражающий не только литературную, но и художественную, артистическую жизнь Грузии, постепенно должен превратить “Литературную Грузию” в действительно общекультурный журнал. Более того, грузинская инициатива духовного, политического и культурного единения Кавказа диктует нам расширить сферу наших интересов и, по мере сил, постоянно учитывать также и общекавказские факты культурной и общественно-политической жизни.

Конечно же, наша первейшая задача — широко представлять негрузинскому читателю грузинскую духовную жизнь — неизменна

и, независимо от объективных трудностей, мы надеемся достойно продолжить эту благородную традицию “Литературной Грузии”»²⁵.

В «Литературной Грузии» 90-х годов происходит очевидное усиление политизированности, что подтверждается появлением рубрик открыто социального характера или рассчитанных на личную ответственность пишущего: «К трагическим событиям 9 апреля в Тбилиси», «Памяти погибших 9 апреля», «Трибуна писателя», «Личность и время», «Писатель и история», «Проблемы экологии», «Колонка редактора», «Точка зрения», «Письмо в редакцию», «Из блокнота журналиста», «Страницы истории», «Культура, нравственность, политика», «Реплика», «Обсуждаем острые проблемы» и т. д. Меняет журнал и своих учредителей. В 90-е это Союз писателей Грузии, Институт грузинской литературы им. Ш. Руставели, издательство «Литературная Грузия». Но попытки ответить на вызовы нового времени так и не спасли журнал. Если книжки «Литературной Грузии» в эпоху «оттепели» и «застоя» были образцами целостного произведения, прочитываемого «от корки до корки», и с безусловностью становились фактом литературного процесса советской эпохи в его оппозиционном варианте, если «Литературная Грузия» классического периода, периода своего расцвета, была явлением не только грузинской культуры, но и культуры поздней советской и частично постсоветской эпохи, то в 90-е годы и тем более в нулевые постепенный уход журнала был замечен только творческой интеллигенцией.

Ту же судьбу повторил журнал другой бывшей национальной республики — «Звезда Востока», «толстый» советский литературно-художественный журнал Союза писателей Узбекской ССР, позже Союза писателей Узбекистана. Он был единственным в республике периодическим литературным журналом, выходящим на русском языке. Это старейший журнал в Центральной Азии, основанный еще в 1932 году. В первой половине 1990-х журнал пережил, возможно, пик своего развития. На страницах «Звезды Востока» публиковались наиболее яркие авторы Узбекистана, прежде всего представители ферганской школы русского стиха, а также поэты и прозаики из Москвы, Санкт-Петербурга. Тираж журнала в 1991–

²⁵ Лит. Грузия. 1997. № 1–6. С. 3–4.

1996 годах доходил до 250 тысяч экземпляров. Однако в 1996 году журнал был разгромлен в результате кампании в официальной узбекской прессе, все руководство было вынуждено подать в отставку, и на протяжении последующего десятилетия «Звезда Востока» никак не заявляла о себе в масштабах русской литературы. В 2006 году журнал прекратил свою деятельность, но возобновил ее в начале 2007 года. Тогда была предпринята кратковременная и безуспешная попытка восстановления журнала. В 2009 году издание было реорганизовано: «Звезда Востока» стала частью единого двуязычного проекта с выходящим на узбекском языке журналом «Шарк Юлдузи»²⁶. Была образована новая, объединенная и единая для двух журналов редакция («Звезда Востока» — «Шарк Юлдузи»).

Подводя итог размышлениям о судьбе русскоязычного журнала в постсоветском пространстве, можно сказать следующее. В том виде, в котором он сформировался в советскую эпоху, литературно-художественный «толстый» журнал фактически прекратил свое существование. И не только из-за геополитических изменений. Существенную роль сыграли процессы, происходившие в литературе на рубеже XX–XXI веков в рамках русскоязычного пространства: наступление рыночной экономики, превалирование масскульта над элитарной культурой, доминирование визуальных видов искусства, развитие новых технологий и возможностей, приведших к диктату цифры, и т. д. Но, и это уже тренд 2010-х годов, постепенно восстанавливаются утраченные межличностные связи творческой интеллигенции, сохранившей традиции и память о продуктивности диалога культур (что не нуждается в господдержке). Новое поколение интеллектуалов-творцов ближнего зарубежья, ориентируясь на мировую литературу, понимает необходимость творческих контактов с Россией и начинает активно использовать возможности интернет-пространства для создания журналов нового типа²⁷.

²⁶ Журнал «Звезда Востока» как зеркало новой русской литературы Узбекистана // Фергана : информ. агентство : [сайт]. URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=6143> (дата обращения: 25.04.2017).

²⁷ См.: Кукулин И. Фотография внутренностей кофейной чашки // Новое лит. обозрение. 2002. № 54. С. 262–382.

ТВОРЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ ДЛЯ УГЛУБЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ СПЕЦКУРСА

1. Для вхождения в историко-литературную проблематику спецкурса познакомьтесь с характером материального существования литературно-художественного журнала в России, а именно в библиотеке надо посмотреть (подержать в руках и полистать) журнальные книжки как XIX, так и XX века.

2. Выполните литературоведческую реконструкцию одного из эпизодов противостояния журналов-антагонистов эпохи «оттепели»: «Новый мир» — «Октябрь»; «Юность» — «Молодая гвардия».

3. Выполните литературоведческую реконструкцию одного из эпизодов литературной борьбы журналов периода «перестройки».

4. Покажите роль литературно-художественного журнала в возвращении альтернативной литературы и литературы русского зарубежья (на материале журналов «Знамя», «Новый мир», «Звезда», «Октябрь», «Урал» 1980–1990-х годов).

5. Отработайте алгоритм анализа литературно-художественного журнала с разных точек зрения:

1) Журнал и общественно-литературная эпоха.

В материале годовой подшивки журнала «Юность» за 1960 год найдите и проанализируйте знаки эпохи «оттепели» (предметом анализа может быть проза, поэзия, публицистика — на выбор магистранта).

2) Журнал и формирование литературы нового направления.

На материале прозы журнала «Наш современник» (1970-е годы) необходимо очертить явление «писатели-деревенщики».

3) Журнал и эстетические концепции.

6. На материале критического раздела журнала «Новый мир» за 1965 год раскройте понятие «реальная критика» журнала «Новый мир».

7. Приведите примеры и проанализируйте возможную (или несостоявшуюся) целостность специальных / тематических / экспериментальных выпусков журнала любого формата.

8. Приведите примеры и проанализируйте возможную (или несостоявшуюся) целостность рядовой книжки журнала любого формата.

9. Определите терминологическое поле и содержание следующих понятий: «толстый» журнал, литературно-художественный журнал, литературно-критический журнал, литературно-публицистический журнал, литературно-художественный и общественно-политический журнал, литературно-художественный и общественно-публицистический журнал, специализированный журнал, альманах, антология, сборник. Приведите примеры.

10. Проанализируйте разные типы форматов современных журналов. Приведите примеры и докажите принадлежность журнала к тому или иному формату.

11. Назовите и проанализируйте различные типы рубрикации.

12. На примере современных «толстых» журналов («Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Юность», «Наш современник», «Звезда»,

«Ленинград», «Урал» и др.) покажите соотношение художественной и публицистической частей журнала.

13. Охарактеризуйте роль и значимость для журнальной книжки таких структурных элементов, как «Слово редактора», «От редактора», «Слово редколлегии», «От редколлегии» и др.

14. На материале журнала «Урал» за 1999–2008 годы представьте в жанре критической статьи, рецензии или эссе одно из художественных произведений, опубликованных в этом журнале за данный период.

15. Составьте анкету для выявления общественной и культурной роли литературно-художественного журнала в современном духовном пространстве.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО ХАРАКТЕРА

1. «Толстый» российский журнал как уникальное явление отечественной культуры.
2. Основные методы изучения российского художественно-литературного журнала.
3. Литературно-художественный журнал и его роль в историко-литературном процессе.
4. Содержание понятия «формат журнала».
5. Типы российского периодического журнала: исторический аспект.
6. Типы российского периодического журнала: современная культурная ситуация.
7. Российский литературно-художественный журнал как сверхтекст.
8. Российский литературно-художественный журнал как целостный текст.
9. Литературоведческий портрет главного редактора российского «толстого» журнала (по выбору магистранта).
10. «Толстый» журнал как собиратель и организатор нового литературного поколения.
11. Понятие «направление (тенденция) журнала».
12. Двусоставность структуры «толстого» журнала.

13. Литературная критика и ее место в жизнедеятельности журнала.

14. Литературоведческий портрет критика российского «толстого» журнала (по выбору магистранта).

15. Читатель как главный герой российского журнала. Формы диалога «журнал — читатель».

16. Главный редактор — журнал — писатель: варианты взаимоотношений (на примере журнала по выбору магистранта).

17. Стратегия и тактика литературно-художественного журнала: способы и формы реализации.

18. Провинциальный журнал как центр литературной жизни региона.

19. Литературно-художественный журнал как креолизованный текст. Типы креолизации.

20. Рубрикатор журнала, его типы и варианты: исторический аспект.

21. Рубрикатор журнала, его типы и варианты: современная литературная ситуация.

22. Тематические журнальные книжки: типы, специфика.

23. Литературная борьба и роль в ней российского «толстого» журнала (на примере по выбору магистранта).

24. Судьба «толстого» журнала в России: исторический аспект.

25. Современные дискуссии о будущем литературно-художественных журналов в России.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ПРАКТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

1. Проблема формата журнала:

1.1. Определить терминологическое поле и содержание следующих понятий: «толстый» журнал, литературно-художественный журнал, литературно-критический журнал, литературно-публицистический журнал, литературно-художественный и общественно-политический журнал, литературно-художественный и общественно-публицистический журнал, специализированный журнал, альманах, антология, сборник. Привести примеры.

1.2. Проанализировать разные типы форматов современных журналов. Привести примеры и доказать принадлежность журнала к тому или иному формату.

2. Проблема структуры литературно-художественного журнала:

2.1. Назвать и проанализировать различные типы рубрикации журнала.

2.2. На примере современных «толстых» журналов («Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Юность», «Наш современник», «Звезда», «Ленинград», «Урал» и др.) показать соотношение художественной и публицистической частей журнала.

2.3. Охарактеризовать роль и значимость для журнальной книжки таких структурных элементов, как «Слово редактора», «От редактора», «Слово редколлегии», «От редколлегии» и т. д.

3. Проблема журнальной книжки как целостного текста:

3.1. Привести примеры и проанализировать возможную (или несостоявшуюся) целостность специальных / тематических / экспериментальных выпусков журнала любого формата.

3.2. Привести примеры и проанализировать возможную (или несостоявшуюся) целостность рядовой книжки журнала любого формата.

4. Выявление роли литературно-художественного журнала в литературном процессе и литературной ситуации

4.1. Предпринять литературоведческую реконструкцию одного из эпизодов противостояния журналов-антагонистов эпохи «оттепели»:

— «Новый мир» — «Октябрь».

— «Юность» — «Молодая гвардия».

4.2. Предпринять литературоведческую реконструкцию одного из эпизодов литературной борьбы журналов периода «перестройки».

4.3. Показать роль литературно-художественного журнала в возвращении альтернативной литературы и литературы русского зарубежья (на материале журналов «Знамя», «Новый мир», «Звезда», «Октябрь», «Урал» и др. 1980–1990-х годов).

5. Выявление роли провинциального журнала в духовной жизни региона (на материале журнала «Урал» 1999–2008 годов):

5.1. Анализ редакторской стратегии.

5.2. Анализ редакторской тактики.

5.3. Художественная практика провинциального журнала: возможности и ограничения (охарактеризовать в форме критической статьи, эссе, рецензии).

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Семантическое поле понятий: «толстый» журнал, литературно-художественный журнал, литературно-критический журнал, литературно-публицистический журнал, литературно-художественный и общественно-политический журнал.
2. Литературно-художественный и общественно-политический журнал как предмет истории российской журналистики.
3. «Толстый» журнал как объект социологических исследований.
4. Литературно-художественный журнал как предмет культурологии.
5. Литературно-художественный журнал как объект социологических исследований.
6. «Толстый» журнал как предмет истории литературы.
7. Литературно-художественный журнал как первоэлемент историко-литературного процесса в России.
8. Литературно-художественный журнал как элемент историко-литературного процесса в России первой трети XIX века.
9. Литературно-художественный журнал как элемент историко-литературного процесса в России второй трети XIX века.
10. Литературно-художественный журнал как элемент историко-литературного процесса в России третьей трети XIX века.

11. Литературно-художественный журнал в литературе серебряного века.

12. Литературно-художественный журнал в литературе советской эпохи.

13. Литературно-художественный журнал в перестроечное и постперестроечное время.

14. Литературно-художественный журнал в ситуации «второй рубежности» (конец XX — начало XXI века).

15. Российский литературно-художественный журнал как сверхтекст.

16. Роль коммуникативной рамки «адресант — адресат» в создании сверхтекстового единства периодического издания.

17. Темпоральность как характеристика сверхтекстового единства журнала.

18. Модальность как характеристика сверхтекстового единства журнала.

19. Диалектика коллективного и индивидуального в создании «толстого» журнала.

20. Работа системы «редактор — редколлегия — писатель — читатель» как условие жизнедеятельности «толстого» журнала.

21. Главный редактор «толстого» журнала: исторически сложившийся портрет.

22. Пушкин-редактор.

23. Достоевский-редактор.

24. Некрасов-редактор.

25. Полонский-редактор.

26. Воронский-редактор.

27. Твардовский-редактор.

28. Катаев-редактор.

29. «Толстый» журнал как «второе произведение» русского писателя.

30. Понятие «свой автор» журнала.

31. Понятие «свой читатель» журнала.

32. Характер и формы обратной связи «читатель — журнал».

33. Сущностные черты «толстого» журнала как феноменального явления российской культуры (в форме перечисления и краткой аннотации).

34. «Толстый» журнал как собиратель и организатор нового литературного поколения.

35. Понятие «направление (тенденция) журнала».

36. Двусоставность структуры «толстого» журнала: литературно-художественный и общественно-публицистический.

37. Литературная критика — душа журнала.

38. Провинциальный журнал как центр литературной жизни региона.

39. Журнал «Урал» периода «оттепели».

40. Журнал «Урал» в 1970–1980-е годы.

41. Журнал «Урал» на грани XX–XXI веков: редакторская стратегия.

42. Журнал «Урал» на грани XX–XXI веков: художественная практика.

43. Проблема формата современных журнальных изданий.

44. Формат современного журнала с точки зрения его материального существования.

45. Формат журнала с точки зрения его взаимоотношений с властью.

46. Формат журнала с точки зрения типа креолизации.

47. Формат журнала с точки зрения принадлежности к определенному типу культуры.

48. Формат журнала с точки зрения возрастного ценза адресата.

49. Формат журнала с гендерной точки зрения.

50. Журнальная книжка как целостный текст: принципы организации единства.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

Бочаров А. Г. Типология журналов переходного периода / А. Г. Бочаров // Журнальная периодика России. М., 1996.

Вайль П. 60-е : Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис // Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. С. 507–892.

Грабельников А. А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий : Итоги и перспективы / А. А. Грабельников. М., 2001. 336 с.

Гудков Л. Литература и общество : Введение в социологию литературы / Л. Гудков, Б. Дубин, В. Страда. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. 378 с.

Дубин Б. Государственная информация и массовая коммуникация : Русская пресса второй половины XIX — начала XX в. / Б. Дубин, А. Рейтблат // Отеч. зап. 2003. № 4 (13). С. 273–286.

Дубин Б. Литературные ориентиры современных журнальных рецензентов / Б. Дубин, А. Рейтблат // НЛО. 2003. № 59. С. 557–570.

Есин Б. И. История русской журналистики (1703–1917) / Б. И. Есин. М., 2000. 464 с.

Ипполит И. Русские журналы [Электронный ресурс] / И. Ипполит // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» : [информ. система]. Режим доступа: <http://www.feb-web.ru>.

История русской журналистики 18–19 вв. / под ред. А. В. Западова. М. : Высш. шк., 1973. 476 с.

Корконосенко С. Г. Основы журналистики / С. Г. Корконосенко. М. : Аспект-Пресс, 2001. 318 с.

Кузьмин Д. В. Литературный периодический самиздат рубежа 80–90-х гг. / Д. В. Кузьмин // Вопросы онтологической поэтики : Потаенная литература : Исследования и материалы. Иваново, 1998.

Купина Н. А. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек — текст — культура. Екатеринбург, 1994. С. 214–221.

Лакшин В. «Новый мир» во времена Хрущева / В. Лакшин М., 1991. 272 с.

Лакшин В. Писатель, читатель, критик. Ст. 1 / В. Лакшин // Новый мир. 1965. № 4.

Лакшин В. Я. Феномен «толстого» журнала в России как явление национальной культуры / В. Я. Лакшин // Берега культуры. М., 1994.

Литературные журналы — реальность и перспективы // Дружба народов. 2007. № 4. С. 184–209.

Литовская М. А. Два редактора: А. Твардовский и В. Катаев / М. А. Литовская, Т. А. Снигирева // Дергачевские чтения — 96. Екатеринбург, 1996.

Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избр. ст. Т. 1. Таллин, 1992. С. 129–132.

Лукиянин В. П. Урал, «Урал» : Очерки истории журнала: рождение, становление / В. П. Лукиянин. Екатеринбург : Журнал «Урал», 2007. 216 с.

Лукиянин В. П. «Урал»: журнал и судьба / В. П. Лукиянин. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. 600 с.

Майданова Л. М. Прототипические схемы в сюжетах медиатекстов / Л. М. Майданова [и др.] // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия. Екатеринбург, 2002. С. 204–224.

Махонина С. Я. Журналы «обычного русского типа» [Электронный ресурс] / С. Я. Махонина // Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. Режим доступа: <http://www.bsu.ru/content/page/1415/hecff/machonina.pdf>

Отечественная журналистика XVIII–XIX веков : Тексты / сост. Л. Д. Иванова; науч. ред. М. М. Ковалева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 399 с.

Парамонов К. Толстые журналы / К. Парамонов [Электронный ресурс] // Libfox : [сайт]. Режим доступа: <https://www.libfox.ru/41652-konstantin-paramonov-tolstye-zhurnaly.html>

Постановление Оргбюро ЦК ВКПб «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» [Электронный ресурс] // Власть и художественная интеллигенция : Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике, 1917–1953 / под ред. А. Н. Яковлева; сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов. М. : Международ. фонд «Демократия», 1999. Режим доступа: www.hist.msu.ru/ER/

Реформатский А. А. Техническая редакция книги / А. А. Реформатский // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 141–180.

Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–186.

Снигирева Т. А. А. Т. Твардовский : Поэт и его эпоха / Т. А. Снигирева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. 384 с.

Снигирева Т. А. «Толстый» журнал в России как текст и сверхтекст / Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов // Изв. Урал. ун-та. 1999. № 13. С. 5–13.

Тынянов Ю. Н. Журнал, критик, читатель и писатель / Ю. Н. Тынянов // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 147–149.

Чупринин С. Позиция : Литературная критики в журнале «Новый мир» времен А. Твардовского, 1958–1970 гг. / С. Чупринин // Вопр. литературы. 1988. № 4. С. 15–21.

Эйдельман Н. Я. Герценовский «Колокол» / Н. Я. Эйдельман. М., 1963. 354 с.

Дополнительная

Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) / Е. Е. Анисимов // Филол. науки. 1996. № 5. С. 74–85.

Арт-рынок Екатеринбурга: стихия и управление : материалы науч.-практ. семинара 14–15 дек. 2001 г. / отв. ред. Л. М. Немченко. Екатеринбург, 2001. 320 с.

Вайль П. Советское барокко / П. Вайль, А. Генис // Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. С. 273–507.

Гарник Е. В. Формат журнала (на материале современных глянцевого журналов Екатеринбурга) / Е. В. Гарник // Литература Урала: история и современность : сб. статей / отв. ред. Е. К. Созина. Екатеринбург : УрО РАН и др., 2006. С. 285–390.

Генис А. Иван Петрович умер : статьи и расследования / А. Генис. М., 1999. 335 с.

Дубин Б. Интеллектуальные группы и символические формы : Очерки социологии современной культуры / Б. Дубин. М., 2004. 352 с.

Коляда Е. Г. Журнал для всех / Е. Г. Коляда // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX в. : Социал-демократические и общедемократические издания. М., 1981. С. 307–321.

Поликовский А. Продвинутое чтение / А. Поликовский // Новая газета. 2001. № 24. С. 7–8.

Чупринин С. Русская литература сегодня : Путеводитель / С. И. Чупринин. М. : Олма-Пресс, 2003. 445 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Глава 1. Литературно-художественный журнал как явление отечественной культуры.....	5
1.1. Судьба «толстого» журнала в России.....	5
1.2. Журнал как текст.....	9
1.3. Журнал как свертхтекст.....	17
Глава 2. Стратегия и тактика литературно-художественного журнала (аналитические примеры).....	23
2.1. А. Твардовский — редактор «Нового мира».....	23
2.2. Журнал «Урал» начала XXI века.....	48
2.3. Двухязычный коми журнал: традиции и современность (по материалам журналов «Комі Му — Зырянский край» и «Арт / Лад»).....	72
Глава 3. Судьба русскоязычного литературно-художественного журнала в постсоветском пространстве (на примере журнала «Литературная Грузия»).....	109
Творческие задания для углубленного освоения спецкурса.....	126

Контрольные вопросы теоретического и историко-литературного характера	129
Вопросы и задания практического характера	131
Вопросы для самоконтроля	133
Список рекомендуемой литературы	136

Учебное издание

Снигирева Татьяна Александровна
Подчиненов Алексей Васильевич

ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ЖУРНАЛА

Учебное пособие

Заведующий редакцией *М. А. Овечкина*
Редактор *В. И. Первухина*
Корректор *В. И. Первухина*
Компьютерная верстка *В. К. Матвеев*

Подписано в печать 15.11.2018 г. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Цифровая печать. Усл. печ. л. 8,37.
Уч.-изд. л. 6,8. Тираж 40 экз. Заказ 221

Издательство Уральского университета
Редакционно-издательский отдел ИПЦ УрФУ
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 389-94-79, 350-43-28
E-mail: rio.marina.ovechkina@mail.ru

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
<http://print.urfu.ru>

Для заметок

